

ISSN 2072-8379
ISSN (online) 2310-712X

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

Лингвистика

ПАРАМЕТРЫ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА
РАЗНЫХ ЭТНОКУЛЬТУР

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ
ПЕРЕВОДА С ЦЕЛЬЮ ДОСТИЖЕНИЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ:
НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА РОМАНА «СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ»

2023 / № 3

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8379 (print)

2023 / № 3

ISSN 2310-712X (online)

серия

ЛИНГВИСТИКА

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: 5.9.6 Языки народов зарубежных стран (германские и романские языки); 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philology: 5.9.6 Languages of the Peoples of Foreign Countries (Germanic and Romance); 5.9.8 Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

ISSN 2072-8379 (print)

2023 / № 3

ISSN 2310-712X (online)

series

LINGUISTICS

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика»:
Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 6 раз в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Ахренова Н. А. — д-р филол. наук, доц., ГУП

Заместитель главного редактора:

Максименко О. И. — д-р филол. наук, проф., ГУП

Ответственный секретарь:

Тарасова М. С. — канд. филол. наук, ГУП

Члены редакционной коллегии:

Александрова О. В. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Викулова Л. Г. — д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Вишнякова О. Д. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Гринев-Гриневич С. В. — д-р филол. наук, проф., Университет в Белостоке (Республика Польша);

Епифанцева Н. Г. — д-р филол. наук, проф., ГУП;

Жирова И. Г. — д-р филол. наук, проф., ГУП;

Иванов Н. В. — д-р филол. наук, проф., МГИМО МИД России;

Калинин О. И. — д-р филол. наук, проф., Военный университет Министерства обороны РФ;

Карабулатова И. С. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Карпова О. М. — д-р филол. наук, проф., Ивановский государственный университет;

Коста Петер — доктор философских наук, профессор, Университет Потсдам (Федеративная Республика Германия);

Левченко М. Н. — д-р филол. наук, проф., ГУП;

Малюга Е. Н. — д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов;

Маслова В. А. — д-р филол. наук, проф., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Республика Беларусь);

Николаева О. В. — д-р филол. наук, доц., Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток);

Ощепкова В. В. — д-р филол. наук, проф.;

Пан Кё Ён — д-р филол. наук, проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея);

Пешкова Н. П. — д-р филол. наук, проф., Башкирский государственный университет;

Прохорова О. Н. — д-р филол. наук, проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Прошина З. Г. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Скуратов И. В. — д-р филол. наук, доц., ГУП;

Сулейманова О. А. — д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Тер-Минасова С. Г. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Филиппова И. Н. — д-р филол. наук, доц., ГУП;

Хухуни Г. Т. — д-р филол. наук, проф., ГУП;

Чеснокова О. С. — д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов

ISSN 2310-712X (online)

ISSN 2072-8379 (print)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, теории и практике перевода, германистике, романскому языкознанию.

Журнал адресован учёным-лингвистам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, учителям-исследователям, переводчикам.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73342.

Индекс серии «Лингвистика»

по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40713

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017г., www.cyberleninka.ru), а также на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru, www.linguamgou.ru);

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2023. — № 3. — 164 с.

© ГУП, 2023.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru;

сайты: www.linguamgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal
"Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistic":
Moscow Region State University

————— Issued 6 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

N. A. Akhrenova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE

Deputy editor-in-chief:

O. I. Maksimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

Executive secretary of the series:

M. S. Tarasova – Cand. Sci. (Philology), SUE

Members of Editorial Board:

O. V. Alexandrova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

L. G. Vikulova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

O. D. Vishnyakova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

S. V. Grinev-Grinevich – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bialystok University (Poland);

N. G. Yepifantseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

I. G. Zhirova – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

N. V. Ivanov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;

O. I. Kalinin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

I. S. Karabulatova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

O. M. Karpova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Ivanovo State University;

Kosta Peter – Dr. Sci. (Philology), Prof., University of Potsdam (Germany);

M. N. Levchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

E. N. Malyuga – Dr. Sci. (Philology), Prof., Peoples' Friendship University of Russia;

V. A. Maslova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Republic of Belarus;

O. V. Nikolaeva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Far Eastern Federal University (Vladivostok);

V. V. Oshchepkova – Dr. Sci. (Philology), Prof.;

Pang Gyo-Youn – Dr. Sci. (Philology), Prof., Hankuk University of Foreign Studies (Korea);

N. P. Peshkova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bashkir State University;

O. N. Prokhorova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belgorod National Research University;

Z. G. Proshina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. V. Skuratov – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE;

O. A. Suleimanova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

S. G. Ter-Minasova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. N. Filippova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE;

G. T. Khukhuni – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

O. S. Chesnokova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Peoples' Friendship University of Russia

ISSN 2310-712X (online)

ISSN 2072-8379 (print)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistic" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scientists about the theory of language, comparative-historical, typological and comparative linguistics, the theory and practice of translation, Germanic and Romance linguistics.

The journal's target audience is linguists, university professors, graduate students, undergraduates, research teachers, translators.

The series "Linguistics" of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73342).

Index of the series "Linguistics" according to the Union catalog "Press of Russia" – 40713

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's sites (www.vestnik-mgou.ru; www.linguamgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics. – 2023. – № 3. – 164 p.

© SUE, 2023.

The Editorial Board address:

10A build 2 Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru;

sites: www.linguamgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Бородулина Е. С., Гусаров Д. А., Савченко Е. П.</i> Оценка качества перевода художественного текста: основные критерии и их теоретическое обоснование (на материале переводов британских женских романов викторианской эпохи)	6
<i>Германова Н. Н.</i> «Язык-феникс»: опыт ревитализации языка острова Мэн	18
<i>Епифанцева Н. Г., Ахренев А. В., Молчанова М. А.</i> Прецедентная метафора “batalla” в текстах испаноязычной прессы: особенности перевода.	27
<i>Зененко Н. В.</i> Параметры системного анализа институционального дискурса разных этнокультур.	39
<i>Зенцова В. С.</i> Стилистические особенности репрезентации гендерных стереотипов в детективных романах авторов-женщин (на материале немецкого и русского языков).	48
<i>Приходько М. В.</i> Лингвистическая модель информационной войны: структурные элементы и уровни воздействия.	57
<i>Старченко Д. О.</i> Семантическая типология метафор в военном нейминге	72
<i>Хухуни Г. Т., Валуйцева И. И.</i> Сохранение этнической и лингвистической идентичности: единство и противоречие	85
<i>Чекмаева Н. А.</i> Коммуникативное взаимодействие в русскоязычном публичном академическом дискурсе	94
<i>Шпилова Д. С.</i> Интернет-мем как способ дискредитации имиджа политика	102
<i>Ян Шичжан, Чжан Цюньсинь.</i> Исследование прагматической адаптации перевода с целью достижения эквивалентности: на примере перевода романа «Сон в красном тереме»	110

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ И РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

<i>Морозова М. Е.</i> Специфика дискурса «литературных одиночек»	121
<i>Опарина Е. О.</i> Поликодовые и полимодальные тексты как локус формирования систем представлений о миграции и мигрантах	132
<i>Сереброва О. Ф.</i> Дискурсивные маркеры, образованные от побудительных высказываний, в современном немецком языке: общие и специфические функции	142
<i>Терещук А. А.</i> Лексико-семантические особенности «Воспоминаний о последней карлистской войне» М. Вайреды	153

CONTENTS

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

- E. Borodulina, D. Gusarov, E. Savchenko.** Evaluation of Translation Quality of a Literary Text: Main Criteria and Their Theoretical Justification (On the Basis of Translations of British Women's Novels of the Victorian Era) 6
- N. Guermanova.** Arisen Like Phoenix: Revitalisation of the Manx Language 18
- N. Epifantseva, A. Akhrenov, M. Molchanova.** The Precedent Metaphor “Batalla” in Spanish-Language Newspaper and Journalistic Texts: The Peculiarities of Its Translation . . 27
- N. Zenenko.** Parameters of the System Analysis of the Institutional Discourse of Different Ethnocultures 39
- V. Zentsova.** Stylistic Features of the Representation of Gender Stereotypes in Detective Novels by Female Authors (Based on the Material of German and Russian) 48
- M. Prikhodko.** Linguistic Model of Information War: Structural Elements and Impact Levels 57
- D. Starchenko.** Metaphor Semantic Typology in Military Naming 72
- G. Khukhuni, I. Valuitseva.** The Preservation of the Ethnic and Linguistic Identity: Unity and Contradiction 85
- N. Chekmaeva.** Communicative Interaction in Russian Public Academic Discourse. . . . 94
- D. Shipilova.** Internet Meme as a Way to Discredit the Image of a Politician. 102
- Yang Shizhang, Zhang Qiongxin.** A Study on Pragmatic Adaptation of Translation in Order to Achieve Equivalence: On the Example of the Translation of the Novel “A Dream of Red Mansions” 110

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (GERMANIC AND ROMANCE)

- M. Morozova.** The Specifics of the Discourse of “Literary Loners” 121
- E. Oparina.** Multicodal and Multimodal Texts as a Locus Generating Cultural Concepts on Migration and Migrants 132
- O. Serebrova.** Discursive Markers Formed From Motivational Statements in the Modern German Language: General and Specific Functions. 142
- A. Tereshchuk.** Lexical and Semantic Characteristics of “Memoirs about the Last Carlist War” by M. Vayreda 153

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'255.2

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-6-17

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ И ИХ ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ БРИТАНСКИХ ЖЕНСКИХ РОМАНОВ ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ)

Бородулина Е. С.¹, Гусаров Д. А.², Савченко Е. П.¹

¹ Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

² Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации

119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация

Аннотация

Цель статьи – проанализировать предлагаемые критерии оценки качества перевода художественной литературы в виду отсутствия единых, общепринятых систем проведения экспертной оценки переводного текста. Особое внимание уделяется проблеме смещения критериев оценки качества перевода из плоскости «адекватность – эквивалентность» в сторону критериев, которые привнесла антропоцентрическая парадигма в современную науку о языке, например – гендерное восприятие переводного текста.

Процедура и методы. Для проведения исследования применялись общенаучные и частные методы лингвистических исследований: анализ, синтез, описательный метод, метод компонентного анализа, метод сопоставительно-переводческого анализа, метод контекстуального и сопоставительного анализа. Также мы использовали метод семантической интерпретации. Логика проводимого исследования состоит в том, что необходимо разработать и внедрить систему чётко сформулированных критериев для оценки качества переводного текста, что позволит избежать неточностей, двусмысленности, разночтения, которые зачастую присущи переводным произведениям.

Результаты. Качество перевода подразумевает не только высокое владение языком и культурой иной страны, но и способность переводчика создать наиболее точный и близкий по значению, а также лексически соизмеримый смысл оригинала. Различия в переводах также объясняются экстралингвистическими факторами и принадлежностью переводчиков к различным эпохам, что оказывает существенное влияние на текст перевода.

Теоретическая значимость статьи заключается в том, что работа вносит вклад в разработку теории эквивалентности и адекватности текста оригинала и текста перевода, авторы полагают, что необходимо детальное изучение соответствия исходного и переводного текстов не только

с точки зрения адекватности и эквивалентности, но и языковой оформленности художественного текста с позиций переводческих стратегий и гендерной лингвистики.

Ключевые слова: переводческие стратегии, художественный перевод, лингвокультурология, оценка качества перевода, гендерная лингвистика

EVALUATION OF TRANSLATION QUALITY OF A LITERARY TEXT: MAIN CRITERIA AND THEIR THEORETICAL JUSTIFICATION (ON THE BASIS OF TRANSLATIONS OF BRITISH WOMEN'S NOVELS OF THE VICTORIAN ERA)

E. Borodulina¹, D. Gusarov², E. Savchenko¹

¹ State University of Education

ulitsa Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

² Moscow State Institute of International Relations (University)

of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

prospekt Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyse the existing criteria of translation quality of fiction literature as up to now there are no standard systems of translated text analysis that let us evaluate its quality. Special attention is paid to the shift of “adequate / equivalent” criteria to those that the anthropocentric paradigm introduced into the modern language studies, for example, gender perception of the translated text.

Methodology. To conduct the present research the following methods were used: analysis, synthesis, descriptive method, methods of contextual and comparative-translational analysis, component analysis method, and semantic interpretation. The research is based on the idea that it is necessary to develop and implement the system of precise criteria of the translated texts quality evaluation which will allow to avoid misunderstanding, ambiguity, discrepancy that are often present in the translated texts.

Results. The translation quality implies not only a high command of the language and culture of another country, but also the translator's ability to create the most accurate and close in meaning, as well as lexically commensurate meaning of the source text. Differences in translations are also explained by extralinguistic factors and the translators' belonging to different eras which has a significant impact on the text of the translation.

Research implications. The theoretical significance of the article lies in the fact that it contributes to the development of the theory of equivalence and adequacy of the source text and the translation text. The authors believe that it is necessary to study in detail the correspondence of the source and translated texts not only from the viewpoint of adequacy and equivalence, but also the linguistic design of the literary text from the standpoint of translation strategies and gender linguistics.

Keywords: translation strategies, literary translation, cultural linguistics, translation quality assessment, gender linguistics

Введение

Лингвистической дисциплиной, тесно связанной с культурой, сознанием и мышлением человека, является наука о переводе (переводоведение, традуктология). Как междисциплинарная сфера переводоведение пересекается по терминологии и предмету исследования со

многими другими дисциплинами, где в той или иной мере задействован перевод. Следовательно, данный раздел требует от человека умения разбираться во многих сферах человеческой деятельности.

Несмотря на многогранность перевода и переводоведения как научной дисциплины и её многовековую историю,

многие её проблемы до сих пор не получили однозначного объяснения. К ним относится оценка качества перевода. Вопрос об оценке качества перевода рано или поздно поднимает каждый профессиональный переводчик. Отметим, что чёткая система критериев оценки переводного текста всё ещё до конца не разработана. Необходимость теоретического обоснования данной проблемы, обобщения эмпирических материалов составляют актуальность нашего исследования. Цель работы – рассмотреть основные критерии оценки качества перевода не только с точки зрения адекватности и эквивалентности, но и языковой оформленности художественного текста с позиций переводческих стратегий и гендерной лингвистики.

Материалы и методы

Проблематика исследования находится в поле междисциплинарного синтеза. В соответствии с задачами нашего исследования мы применяли метод сравнительного анализа (с целью рассмотрения двух вариантов перевода), метод компонентного анализа, метод непосредственных составляющих, метод сопоставительно-переводческого анализа, метод контекстуального, компонентного и сопоставительного анализа. Также мы использовали метод семантической интерпретации.

Библиографической базой исследования для нас послужили труды многих учёных. *Общая теория перевода*: В. В. Виноградов [2], Н. К. Гарбовский [3], В. Н. Комиссаров [10], В. В. Сдобников и О. В. Петрова [11], И. Н. Филиппова [12] и др. *Лингвокультурология*: Н. С. Аксенова, Н. Г. Епифанцева, И. Г. Жирова, Е. П. Савченко [1; 8] и др. *Когнитивная лингвистика*: И. Г. Жирова [6]. *Гендерные исследования*: И. А. Жеребкина [4], А. В. Кирилина [9] и др.

Материалом для исследования послужили романы: «Джейн Эйр»¹ Шарлотты Бронте (и его переводы на русский язык, выполненные И. И. Введенским², И. Г. Гуровой³, В. О. Станевич⁴) и «Гордость и предубеждение»⁵ Джейн Остен (и его переводы под авторством И. Г. Гуровой⁶ и И. С. Маршака⁷).

Адекватность и эквивалентность перевода: об оценивании качества переводного текста

Оценивать художественный перевод крайне сложно, поскольку любое произведение, будучи, в первую очередь, фактором культуры, включает в себя множество языковых и неязыковых факторов. Отметим, что одним из самых главных критериев оценки является соответствие

¹ Brontë Ch. Jane Eyre: An Autobiography [Электронный ресурс] // Project Gutenberg : [сайт]. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/1260/pg1260-images.html> (дата обращения: 15.01.2023). Далее – Brontë Ch. Jane Eyre.

² Бронте Ш. Дженни Эйр (перевод И. И. Введенского) [Электронный ресурс] // Lib.ru/Классика : [сайт]. URL: http://az.lib.ru/b/bronte_s/text_1847_jane_eyre-oldorfo.shtml (дата обращения: 15.01.2023). Далее – Дженни Эйр (перевод И. И. Введенского).

³ Бронте Ш. Джейн Эйр (перевод И. Г. Гуровой) [Электронный ресурс]. URL: <https://adebiportal.kz/upload/iblock/d7c/d7c7dc6d64c91526b5defb935d9707a6.pdf> (дата обращения: 15.01.2023). Далее – Джейн Эйр (перевод И. Г. Гуровой) с указанием номера страницы с иллюстративным материалом.

⁴ Бронте Ш. Джен Эйр (перевод В. Станевич). М.: СП «Внешиберика», 1992. 510 с. Далее – Джен Эйр (перевод В. Станевич) с указанием номера страницы с иллюстративным материалом.

⁵ Austen J. Pride and Prejudice [Электронный ресурс] // Project Gutenberg : [сайт]. URL: <https://www.gutenberg.org/files/1342/1342-h/1342-h.htm> (дата обращения: 15.01.2023). Далее – Austen J. Pride and Prejudice.

⁶ Остен Д. Гордость и предубеждение (перевод И. Г. Гуровой). М.: Гелеос, 2008. 416 с. Далее – Гордость и предубеждение (перевод И. Г. Гуровой) с указанием номера страницы с иллюстративным материалом.

⁷ Остен Д. Гордость и предубеждение (перевод И. С. Маршака) [Электронный ресурс] // URL: <http://lib.ru/INOOLD/OSTEN/gord.txt> (дата обращения: 15.01.2023). Далее – Гордость и предубеждение (перевод И. С. Маршака).

перевода оригиналу, т. е. эквивалентность и адекватность. «Адекватность перевода является важнейшим фактором, определяющим многообразные аспекты и нюансы культурно-цивилизационных отношений в самом широком смысле – как на уровне государств и обществ, так и на уровне отдельных коллективов и людей» [1, с. 95]. Перевод привязан к оригиналу и не может быть обособленным. Упомянем и тот факт, что единая теория перевода была разработана в середине прошлого века. При этом переводоведы высказывают совершенно противоположные точки зрения. Переводческую эквивалентность и адекватность подробно рассматривали советские теоретики перевода – Н. К. Гарбовский, В. С. Виноградов, В. Н. Комиссаров и т. д. Согласно им, данные термины не являются идентичными. Эквивалентный перевод не может быть адекватным. В. В. Сдобников и О. В. Петрова предлагают объединить данные термины: «перевод либо адекватен, либо неадекватен» [11, с. 212]. Однако не стоит при этом забывать, что достижение полной тождественности переводного текста оригиналу невозможно. И. Н. Филиппова утверждает, что достижение эквивалентности требует внимания к лингвокультурологическим различиям, лингвистическим и экстралингвистическим аспектам [12, с. 213]. Опираясь на вышеуказанные точки зрения, можно сделать вывод, что лингвисты оценивают качество перевода в рамках адекватности и эквивалентности. Выбор наиболее полного соответствия всё ещё актуален и вызывает немалое количество споров среди учёных.

Научная новизна нашего исследования определяется тем, что впервые предлагается оценивать качество перевода не только с точки зрения адекватности и эквивалентности, но и языковой оформленности художественного текста с позиций переводческих стратегий и гендерной лингвистики. Материалом служат женские романы Джейн Остен

и Шарлотты Бронте. Женские романы Викторианской эпохи представляют собой сочетание жанровых особенностей социально-психологического и автобиографического романа, который можно назвать вымышленными мемуарами, так как описываемые события не происходили в жизни авторов. Джейн Остен и Шарлотта Бронте обладают оригинальными индивидуальными стилями и не менее оригинальными переводами, которые, как мы считаем, нуждаются в научном осмыслении с вышеуказанных позиций. Как утверждает И. Г. Жирова: «Через перевод одна творческая личность – автор произведения – спорит с другой – автором перевода, представляющей иноязычную культуру, хотя в чем-то их взгляды на жизнь и совпадают» [7, с. 59]. При восприятии оригинального текста и его русскоязычных переводов всегда будет ощущаться разрозненность, поскольку при художественном переводе зачастую искажаются заложенные автором смыслы.

Жанровое и стилевое соответствие – один из критериев качества перевода. Как утверждает И. Г. Жирова, «факультативная информация, отражающая национально-историческое и культурное своеобразие того или иного народа, приобретает большее значение» [6, с. 114]. Значительный интерес представляет для нас языковая оформленность текста с позиций переводческих стратегий – доместикации и форенизации, а также трансформаций и деформаций. Каждый язык по-своему членит действительность. С развитием скопос-теории в прошлом веке ключевым аспектом становится цель перевода, которая полностью определяет его качество. Переводчик представляет собой центральную фигуру межкультурной и межъязыковой коммуникации: он делает выбор, принять ли нормы иной культуры, или, наоборот, их отвергнуть.

Значительные затруднения в создании переводного текста вызывают и социокультурные особенности иной страны. Адаптация текста может быть

национально-патриотической, религиозной, идеологической, эстетической, историко-литературной и т. п. «Проблемы соответствия текста оригиналу, между тем, решаются на примере различных языковых пар. И в центре внимания находятся взаимодействующие языки как системы знаков, играющие важную роль в репрезентации и трансформации информации» [5, с. 60]. Языковая оформленность текста наиболее чётко выявляет так называемую языковую асимметрию.

Форенизация появляется позднее, начиная с середины XX в., но не в чистом виде. Она сосредотачивается на ценности языка перевода в рамках лингвокультурологии, первостепенными становятся языковые и культурные особенности оригинального текста.

Здесь также сознательно использование переводческой деформации. Переводческая деформация не является противоположностью трансформаций и в то же время не является ошибкой. Данная стратегия – нередкое явление, и совсем не правильным будет негативно оценивать её. Деформации, как трансформации, проявляются на всех лингвистических уровнях.

Рассмотрим наиболее интересные примеры.

“Read the New Testament, and observe what Christ says, and how he acts; make his word your rule, and his conduct your example”¹ – религиозное оригинальное высказывание.

Вариант перевода В. О. Станевич выглядит так: «Почитай Новый завет и обрати внимание на то, что говорит Христос и как он поступает»². Вариант незначительно отличается от высказывания, предложенного И. Г. Гуровой: «Читай Новый Завет, вдумывайся в слова Христа и Его деяния, сделай Его слова законом для себя, а Его поступки – примером»³.

¹ Brontë Ch. Jane Eyre.

² Джен Эйр (перевод В. Станевич), с. 44.

³ Джейн Эйр (перевод И. Г. Гуровой), с. 32.

У И. И. Введенского перевод высказывания отсутствует.

Стратегия, используемая И. И. Введенским – переводческая деформация. Стоит отметить, что она проявляется у переводчика на всех языковых уровнях: лексическом, синтаксическом, стилистическом и т. д. Поскольку художественному тексту принадлежит эстетическая функция, мы можем рассуждать о том, что деформация, применяемая И. И. Введенским, представляет собой потери не только языкового характера и деформирует эстетическую функцию оригинального текста. Это оказывает значительное влияние на качество перевода. Но и применение данной стратегии может быть вполне оправдано, поскольку переводной текст был создан в XIX в. и опубликован в журнале «Отечественные записки». Для публикации в журнале значительно изменился (деформировался) композиционный строй художественного произведения: роман был не только поделён на несколько частей, но и претерпел существенные сокращения.

В. О. Станевич тоже использует переводческую деформацию. В этом случае деформация носит социокультурный характер. Перевод текста сделан в 1950 г. – во времена, обусловленные исторической обстановкой России в середине прошлого столетия. Происходит и нейтрализация высказывания, которое на самом деле достаточно эмфатично.

Переводной текст И. Г. Гуровой ближе к оригиналу. Переводчице удаётся передать не только эмоциональность собеседника, но и индивидуальный стиль Шарлотты Бронте: роман «Джейн Эйр» изобилует религиозными высказываниями.

Большое интерес представляет и следующее высказывание, содержащее религиозное сравнение. В оригинале оно звучит так:

“I thought sometimes I saw beyond its wild waters a shore, sweet as the hills of Beulah; and now and then a freshening gale wak-

ened by hope, bore my spirit triumphantly towards the bourne ...»¹

В. О. Станевич предлагает такой вариант: «Минутами мне казалось, что я вижу по ту сторону кипящих вод какой-то берег, сладостнее рая, и время от времени освежающий ветерок пробуждал мои надежды и торжествующе нес мою душу к этому берегу ...»².

Перевод И. Г. Гуровой: «Иногда мне чудилось, будто за бушующими валами виднеется берег, прекрасный, как Земля Обетованная, и ласкающие порывы ветра надежды победно уносили мой дух туда ...»³.

И. И. Введенский пропускает религиозное сравнение и применяет деформацию на синтаксическом уровне, используя многочисленные добавления (так называемую «отсебятину»), из-за которых высказывание выглядит громоздким и отчасти трудным для восприятия: «Иногда, за бурными волнами, видѣла я отдаленный берегъ съ его зелеными и цвѣтистыми холмами, и сердце мое, окриленное надеждой, радостно порывалось впередъ къ счастливой пристани; но противный вѣтеръ поднимался снова, буря бушевала, и легкій челнъ мой опять и опять уносился назадъ къ невѣдомымъ областямъ»⁴. Кроме того, лексическая единица “spirit” у переводчика неожиданно приобретает значение «челн».

Перевод религиозного сравнения у каждого переводчика выглядит по-разному. Сравнение “the hills of Beulah” содержит прямую отсылку на Библию, в частности, оно встречается в Книге пророка Исайи. Beulah – библейское название Израиля, т. е. “the hills of Beulah” – Земля Обетованная. Деформация у В. О. Станевич объясняется политической ситуацией в СССР. Перевод И. Г. Гуровой можно назвать качественным переводом, так как переводчица в точности передаёт на

русский язык авторский замысел и образность.

Можно сделать следующий вывод: стиливое соответствие является одним из критериев качества перевода. Правильный перевод – качественный перевод – подразумевает не только владение языком, но и знание переводчиком культуры иной страны и обычаев. Деформации, встречающиеся в художественных текстах, связаны с экстралингвистическими факторами, но при этом они преломляют эстетическое воздействие художественного текста на восприятие читателя. Такой подход нельзя именовать правильным, поскольку он приводит к опущениям и потерям.

Следующий критерий, рассматриваемый нами, – перевод с точки зрения гендерных различий. Изучение особенностей перевода в зависимости от гендера представляет собой новое, ещё досконально не изученное направление в лингвистике. Гендер в языкознании подразумевает рассмотрение коммуникативного поведения женщин и мужчин, предпочтения в выборе определённых лексических единиц, синтаксиса, специфики говорения (мужского или женского).

Гендерный подход получил широкое распространение в художественной литературе, потому что именно здесь наиболее отчётливо воплощаются женский и мужской взгляд на мир.

В Викторианских романах самой популярной и доминирующей является женская тема – положение женщины в обществе, её обязанности и права. Писательницы раскрывали новые темы, приёмы и мотивы, их произведения уникальны и занимают отдельное место в мировой литературе. Женскому творчеству свойственно частично-религиозное, природное начало.

Психике мужчины и женщины свойственны определённые отличия в восприятии окружающей действительности. Результатом перевода, выполненного тем или иным гендером, будет вариант, во-

¹ Brontë Ch. Jane Eyre.

² Джен Эйр (перевод В. Станевич), с. 44.

³ Джейн Эйр (перевод И. Г. Гуровой), с. 85.

⁴ Дженни Эйр (перевод И. И. Введенского).

площающий специфику литературного творчества автора-женщины или автора-мужчины. А. В. Кирилина считает, что гендерные стереотипы могут быть как стабильными, так и изменчивыми, и данный аспект в разных языках может не совпадать [9, с. 40]. Оценке качества перевода подвергнутся все языковые уровни – отметим, что различия между женской и мужской речью существуют как в фонетике, так и в лексике, грамматике и синтаксисе. Отдельное внимание уделяется и переводу эмоционально окрашенной лексики.

Как сильно влияет гендер на качество перевода? Рассмотрим некоторые наиболее интересные примеры из книг Ш. Бронте «Джейн Эйр» и Джейн Остен «Гордость и предубеждение».

Оригинальное предложение: “You have no business to take our books; you are a dependent, mama says; you have no money; your father left you none”¹.

И. И. Введенский перевёл так: «Тебѣ нѣтъ дѣла до нашихъ книгъ, негодная тварь. Маменька говоритъ, что ты намъ неровня»².

Перевод И. Г. Гуровой: «Ты не смеешь брать наши книги; мама говорит, что ты приживалка; у тебя нет денег, твой отец тебе ничего не оставил»³.

Вариант И. И. Введенского излишне эмфатичен. Регистр высказывания значительно повышает лексика эмоционально-оценочного, можно сказать, оскорбительного характера – «негодная тварь». Лексическая единица вызывает диссонанс при восприятии текста читателем. Вероятно, целью переводчика было вызвать сочувствие у получателей перевода. Второе слово, использованное И. И. Введенским, – «неровня» – стилистически нейтральное, оценочное. В варианте И. Г. Гуровой лексема “dependent” получает значение «приживалка». Данное слово

можно считать гендерлектом. Оно эмоционально оценочно, а женщины более склонны употреблять лексические единицы такого типа. Отметим и различия в синтаксисе. Вариант И. Г. Гуровой представляет собой сложную синтаксическую конструкцию, богатую лексикой, что усиливает экспрессивность высказывания. Переводчица обогащает текст и сохраняет смысл, не нарушая норм русского языка. Несмотря на это, вариант читается достаточно легко, и качество перевода ни в коем случае не понижается.

Интересно оценивать регистры эмоциональных высказываний в переводе. Предлагаем рассмотреть отрывки, взятые из романа Джейн Остен «Гордость и предубеждение»:

Оригинал: “My dear, dear Lydia!” she cried: “this is delightful indeed! She will be married! I shall see her again! She will be married at sixteen! My good, kind brother! I knew how it would be – I knew he would manage everything. How I long to see her! and to see dear Wickham too! But the clothes, the wedding clothes! I will write to my sister Gardiner about them directly. Lizzy, my dear, run down to your father, and ask him how much he will give her. Stay, stay, I will go myself. Ring the bell, Kitty, for Hill. I will put on my things in a moment. My dear, dear Lydia! How merry we shall be together when we meet!”⁴

И. Г. Гурова: «– Моя душенька Лидия! – вскричала она. – Вот уж восхитительное известие, так восхитительное! Она выходит замуж! Я снова ее увижу! Выходит замуж в шестнадцать лет! Мой добрый заботливый братец! Я знала, он все уладит. Как мне не терпится увидеть ее, да и милого Уикхема тоже! Но платья! Она теперь будет замужней дамой! Я тотчас отпишу об этом сестрице Гардинер. Лиззи, душечка, беги к твоему папеньке и спроси, сколько он даст ей денег. Нет, погоди, погоди! Я пойду сама. Китти, позвони, чтобы пришла Хилл. Я мигом оде-

¹ Brontë Ch. Jane Eyre.

² Дженни Эйр (перевод И. И. Введенского).

³ Джейн Эйр (перевод И. Г. Гуровой), с. 6.

⁴ Jane Austen “Pride and Prejudice”.

нусь. Моя голубка, моя душенька Лидия! Как будет весело, когда мы опять будем вместе!»¹

И.С. Маршак: «– Лидия, девочка моя! – восклицала миссис Беннет. – Как это чудесно! Она будет замужем! Я скоро ее увижу! Выйдет замуж в шестнадцать лет! Добрый, хороший братец! Я была убеждена, что так кончится, – он должен был все устроить! Если бы мы знали, как мне хочется ее видеть! И душеньку Уикхема тоже! Но как же быть с туалетами? Что же делать со свадебным платьем? Надо сейчас же написать сестре Гардинер. Лиззи, голубушка, сбегай вниз к папе и разузнай у него, сколько он на это может дать денег. Ах, нет, постой! Я лучше схожу к нему сама. Китти, позвони, чтобы пришла Хилл. Я сию же минуту оденусь. Лидия, милочка моя! Вот будет праздник, когда она к нам приедет!»².

И. Г. Гурова делает акцент на лексических повторах. Данный способ объясняется желанием подчеркнуть главное стремление, идею-фикс миссис Беннет – во что бы то ни стало выдать замуж всех дочерей. Обилие простых предложений свидетельствует о сильных эмоциях. Примечательно, что в одночасье всех окружающих миссис Беннет называет *my dear* (душечка / голубка / милочка и т. д.). Отметим, что женскому варианту перевода свойственно богатство и насыщенность речи при описании эмоций и чувств. Лексика и перевод И. С. Маршака в основном нейтральны и даже сдержанны, что можно объяснить гендером переводчика. Особое внимание стоит уделить передаче лексической единицы *would*: глагол опускается в первом случае, поскольку он представляет собой вспомогательный глагол, обозначающий действие в будущем, воспринимаемым из прошлого. Это придаёт высказыванию оттенок уверенности. Во втором случае *he would*

(он должен был) принял оттенок долженствования.

Итак, гендерный анализ показывает, что женский вариант перевода отличается эмфатизацией, постоянным употреблением оценочных слов и словосочетаний и богатством при вербализации чувств и эмоций. Мужской вариант перевода нейтрален, характеризуется однообразной передачей чувств и эмоций. Гендерный аспект является важным условием создания качественного перевода художественного произведения с сохранением стилистики оригинала.

Перспективы развития теории эквивалентности и адекватности: гендерный подход

Оценка качества перевода является одной из самых неоднозначных и сложных проблем современного переводоведения. Оценивать качество перевода художественного текста весьма сложно, поскольку необходимо учитывать множество дополнительных факторов неязыкового характера.

Итак, критерии оценивания художественного перевода можно представить в виде таблицы (см. табл. 1.)

Художественный текст как многоуровневая коммуникативная структура представляет собой довольно сложный объект для лингвистического анализа на любом уровне. В данную категорию переводческой компетенции входят как языковые (грамматика, семантика), так и неязыковые знания (контекст и ситуация). Любое художественное произведение также представляет собой фактор культуры. «Перевод – это высшая форма понимания иного языка, иной культуры, иной жизни, инобытия в целом» как важнейшего средства межкультурной коммуникации и «самого благородного» вида «межнационального и межлитературного сотрудничества» [13, с. 194]. Изучение литературного творчества весьма многогранно и привлекает внимание не только филологов, но и лингвистов, психологов

¹ Гордость и предубеждение (перевод И. Г. Гуровой), с. 325.

² Гордость и предубеждение (перевод И. С. Маршака).

Таблица 1 / Table 1

Критерии оценивания переводного произведения / Criteria of translated text quality evaluation

Критерии	Теоретическое обоснование
1. Адекватность / эквивалентность	Текстуально-лингвистические нормы, отбор лингвистических данных на всех языковых уровнях: отбор наиболее подходящих лексических единиц, синтаксических и стилистических фигур.
2. Использование лингвокультурологических переводческих стратегий	Критерием качества перевода выступает стилевое соответствие оригиналу. Качественный перевод подразумевает не только владение языком, но и знание переводчиком культуры иной страны и обычаев.
3. Гендерный подход к оцениванию перевода	Предпочтения в выборе определённых лексических единиц, синтаксиса, специфики говорения (мужского или женского), анализ переводческих трансформаций, применённых переводчиком-мужчиной / женщиной с целью сохранения жанровых особенностей произведения и индивидуального стиля автора.

Источник: составлено авторами

и философов. Перевод требует обширных экстралингвистических (фоновых) знаний. Переводчику, соответственно, необходимо не только свободно владеть иностранным языком, но и дополнительными сведениями о стране изучаемого языка: географии, истории, нравах, традициях, обычаях, идиомах и т. д. [2, с. 37].

Исследователи указывают на трудности при передаче экстралингвистической информации с одного языка на другой. И. Г. Жирова отмечает: «язык не просто отражает внутренний мир человека и его культуру, он, несомненно, является хранителем этой культуры, источником знаний о национальном характере и менталитете народа» [8, с. 169].

Итак, на качество перевода влияют как языковые, так и неязыковые аспекты. Качество перевода подразумевает не только высокое владение языком и культурой иной страны и способность создать наиболее точный и близкий по значению, а также лексически соизмеримый смысл оригинала. Оно подразумевает многие другие факторы, в числе которых выбор переводческих стратегий и личность самого переводчика.

Заключение

В переводоведении вопрос качества перевода, т. е. соответствия исходного и переводного текстов, был и остается одним из наиболее дискуссионных. Традиционно процесс оценивания происходит в двух плоскостях: с точки зрения эквивалентности как равнозначности оригинального и переводного текстов и с точки зрения адекватности, которая понимается как степень эквивалентности переводного текста. Междисциплинарность современной науки о языке в общем и переводоведения в частности способствует тому, что сами термины адекватности и эквивалентности требуют дополнительного изучения и исследования, а антропоцентрический подход к языковым феноменам позволяет исследователям по-новому взглянуть на перевод как процесс и как результат.

Так, можно утверждать, что с изменением эпохи меняется подход к переводу, появляются новые варианты, которые требуют внимания со стороны филологов и лингвистов. Рассмотрев критерии оценки качества перевода, необходимо сделать следующий вывод: самым глав-

ным показателем качественно выполненного художественного перевода является интерес к нему исследователей и желание читателей неоднократно перечитывать его. Если перевод удовлетворяет совре-

менным требованиям (как читателей, так и учёных), значит, он выполнен качественно.

Дата поступления в редакцию 13.02.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенова Н. С., Епифанцева Н. Г., Жирова И. Г. Интертекстуальность как лингвистический феномен межкультурного диалога (на материале сакрально-мистических текстов). М.: ИД «Академия Естествознания», 2018. 96 с.
2. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 656 с.
3. Гарбовский Н. К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Московского университета, 2007. 544 с.
4. Жеребкина И. А. О статусе гендерных исследований: взгляд культуролога // Высшее образование в России. 2001. № 2. С. 48–50.
5. Жирова И. Г. О проблеме перевода экстралингвистических компонентов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2013. № 5. С. 60–66.
6. Жирова И. Г. От слова к значению слова и концепту // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1-1 (55). С. 111–115.
7. Жирова И. Г. «Перевод по мотивам» как межкультурный творческий диалог между М. Ю. Лермонтовым и Дж. Байроном // Актуальные проблемы современного языкового образования в вузе: вопросы теории языка и методики обучения: материалы VII Международной научно-практической конференции. Коломна: Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ), 2019. С. 82–87.
8. Жирова И. Г., Савченко Е. П. Отражение меняющейся картины мира в русском и английском языках (Российско-британский симпозиум, 9-10 июня 2014 г., Москва) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 4. С. 167–169.
9. Кирилина А. В. Особенности и тенденции развития гендерных исследований в российской лингвистике // Гендер: язык, культура, коммуникация. М.: МГЛУ, 2001. С. 32–47.
10. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 452 с.
11. Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода. М.: Флинта, МПСИ, 2006. 416 с.
12. Филиппова И. Н. Избыточность и недостаточность в одноязычной и двуязычной коммуникации (на материале немецкого и русского языков): дисс. ... докт. филол. наук. М., 2014. 361 с.
13. Чайковский Р. Р., Лысенкова Е. Л. Канонизация переводов в свете этики политкультурности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 9 (695). С. 191–202.

REFERENCES

1. Aksenova N. S., Yepifantseva N. G., Zhirova I. G. *Intertekstual'nost' kak lingvisticheskiy fenomen mezhkul'turnogo dialoga (na materiale sakral'no-misticheskikh tekstov)* [Intertextuality as a linguistic phenomenon of intercultural dialogue (based on sacred and mystical texts)]. Moscow, «Akademiya Yestestvoznaniya» Publ., 2018. 96 p.
2. Vinogradov V. V. *O yazyke khudozhestvennoy literatury* [On the language of fiction]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1959. 656 p.
3. Garbovskiy N. K. *Teoriya perevoda* [Translation theory]. Moscow, Moscow State University Publ., 2007. 544 p.
4. Zherebkina I. A. [On the status of gender studies: the view of a culturologist]. In: *Vyssheye obrazovaniye v Rossii* [Higher Education in Russia], 2001, no. 2, pp. 48–50.
5. Zhirova I. G. [On the translation of the extra-linguistic components from the Russian language into English]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2013, no. 5, pp. 60–66.
6. Zhirova I. G. [From word to word meaning and concept]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2016, no. 1-1 (55), pp. 111–115.

7. Zhironova I. G. ["Translation based on motives" as an intercultural creative dialogue between M. Yu. Lermontov and G. Byron]. In: *Aktual'nyye problemy sovremennogo yazykovogo obrazovaniya v vuze: voprosy teorii yazyka i metodiki obucheniya: materialy VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Actual problems of modern language education at the university: questions of the theory of language and teaching methods: materials of the VII International scientific and practical conference]. Kolomna, ational Society for Applied Linguistics (NOPriL), 2019, pp. 82–87.
8. Zhironova I. G., Savchenko Ye. P. [Reflection of the changing picture of the world in Russian and English (Russian-British symposium, June 9-10, 2014, Moscow)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2014, no. 4, pp. 167–169.
9. Kirilina A. V. [Features and trends in the development of gender studies in Russian linguistics]. In: *Gender: yazyk, kul'tura, kommunikatsiya* [Gender: language, culture, communication]. Moscow, Moscow State Linguistics University Publ., 2001, pp. 32–47.
10. Komissarov V. N. *Sovremennoye perevodovedeniye* [Modern Translation Studies]. Moscow, ETS Publ., 2002. 452 p.
11. Sdobnikov V. V., Petrova O. V. *Teoriya perevoda* [Translation theory]. Moscow, Flinta Publ., Moscow Psychological and Social Institute Publ., 2006. 416 p.
12. Filippova I. N. *Izbytochnost' i nedostatochnost' v odnoyazychnoy i dvuyazychnoy kommunikatsii (na materiale nemetskogo i russkogo yazykov): diss. ... dokt. filol. nauk* [Redundancy and insufficiency in monolingual and bilingual communication (on the material of German and Russian languages): D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2014. 361 p.
13. Chaykovskiy R. R., Lysenkova Ye. L. [Canonization of translations in the light of the multiculturalism's ethics]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], 2014, no. 9 (695), pp. 191–202.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бородулина Екатерина Сергеевна – аспирант кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Государственного университета просвещения;
e-mail: Borodulinaworld@mail.ru;

Гусаров Дмитрий Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
e-mail: dmitriy_gusarov@mail.ru;

Савченко Елена Павловна – кандидат филологических наук, доцент, заместитель декана лингвистического факультета по научной работе Государственного университета просвещения;
e-mail: ep.savchenko@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina S. Borodulina – Postgraduate Student, Department of theory of translation and cognitive linguistics, State University of Education;
e-mail: Borodulinaworld@mail.ru;

Dmitriy A. Gusarov – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of German language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
e-mail: dmitriy_gusarov@mail.ru;

Elena P. Savchenko – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Deputy Dean of Linguistic Faculty, State University of Education;
e-mail: ep.savchenko@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бородулина Е. С., Гусаров Д. А., Савченко Е. П. Оценка качества перевода художественного текста: основные критерии и их теоретическое обоснование (на материале переводов британских женских романов викторианской эпохи) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 6–17.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-6-17

FOR CITATION

Borodulina E. S., Gusarov D. A., Savchenko E. P. Evaluation of translation quality of a literary text: main criteria and their theoretical justification (on the basis of translations of British women's novels of the Victorian era). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 3, pp. 6–17.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-6-17

УДК 81'272

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-18-26

«ЯЗЫК-ФЕНИКС»: ОПЫТ РЕВИТАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКА ОСТРОВА МЭН

Германова Н. Н.*Московский государственный лингвистический университет
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель статьи – анализ социолингвистических характеристик мэнского языка в XXI веке и выявление факторов, обусловивших успех его ревитализации.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ опыта ревитализации мэнского языка в XXI веке, включая обзор сфер его употребления и выполняемых им функций, характеристику его социодемографического потенциала, а также описание проводимой на острове языковой политики. В статье используется метод социолингвистической реинтерпретации социологических и статистических данных.

Результаты. Показано, что успехи в ревитализации мэнского языка в большой мере объясняются высоким уровнем мотивации жителей острова, для которых мэнский язык является одним из маркеров островной внутригрупповой солидарности и символов островной идентичности.

Теоретическая и практическая значимость. С опорой на понятие островной идентичности выявлена роль субъективных факторов в ревитализации миноритарных языков. В теоретическом плане это вносит вклад в теорию этноязыковой витальности, в практическом плане полученные выводы могут быть использованы в курсах социолингвистики и учтены в практике языкового планирования.

Ключевые слова: мэнский язык, обратный языковой сдвиг, островная идентичность, ревитализация, язык под угрозой исчезновения, языковая политика

ARISEN LIKE PHOENIX: REVITALISATION OF THE MANX LANGUAGE

N. Guermanova*Moscow State Linguistic University
ulitsa Ostozhenka 38 build. 1, Moscow 119034, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyse the sociolinguistic characteristics of the Manx language in the 21st century and reveal the factors ensuring the success of its revitalization.

Methodology. The article focuses on the revitalization practices leading to the revival of the Manx language in the 21st century and includes an overview of its functions and domains of use, a characteristic of its sociodemographic potential and a description of the language policy carried out on the island. The article is based on the method of sociolinguistic reinterpretation of sociological and statistic data.

Results. The article demonstrates that the progress in the revitalization of the Manx language can be attributed, to a great extent, to a high level of motivation of the islanders, for whom the language has become a marker of in-group solidarity and a symbol of the island identity.

Research implications. Based on the concept of island identity, the research brings out the role of subjective factors in the revitalization of minority languages, which makes a contribution into the theory of ethnolinguistic vitality. The research results can be used in courses of sociolinguistics and taken into consideration in language planning practice.

Keywords: Manx language, reverse language shift, island identity, revitalization, endangered language, language policy

Введение

В эпоху глобализации большинство миноритарных языков находятся под угрозой исчезновения. Попытки их ревитализации сталкиваются с существенными трудностями как социально-психологического, так и лингвистического характера (низкая востребованность языка в различных сферах деятельности и в связи с этим низкая мотивация носителей языка, отсутствие поддержки и недостаточное финансирование со стороны государства, проблемы, возникающие в ходе кодификации языковых норм, в том числе в связи с диалектной раздробленностью, региональным и социальным варьированием, отсутствием или ограниченным использованием письменности и т. п.). Приходится констатировать, что в настоящее время, несмотря на прилагаемые энтузиастами усилия, большинство миноритарных языков продолжают терять носителей.

В этих условиях опыт ревитализации мэнского языка, пережившего в XXI веке обратный языковой сдвиг, представляется уникальным. Мэнский язык, относящийся к гойдельской группе кельтских языков и распространённый на острове Мэн, входит в число миноритарных языков Европы. В некоторых источниках он был объявлен вымершим. Так, в онлайн-версии 2009 года в созданном ЮНЕСКО «Атласе языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» он был отнесён к числу мёртвых языков. Это вызвало возмущение его немногочисленных, но весьма активных носителей, обратившихся в ЮНЕСКО с письмом на мэнском языке, которое должно было продемонстрировать его жизнеспособность; в последних версиях атласа он обозначен как *“critically endangered”*.

Для того, чтобы признать мэнский язык мёртвым, были основания. Начиная с XVII в. число носителей мэнского языка неуклонно сокращалось. В XX в. этот процесс приобрёл катастрофические масштабы: если, по данным переписей населения, в 1901 г. мэнским языком владело около 8% населения, то в 1961 г. их число сократилось до 0,34% (165 человек). В 1974 г. умер Нед Маддрелл, последний традиционный носитель мэнского языка, и язык перешёл в разряд мёртвых.

Однако усилиями энтузиастов и с государственной поддержкой этот язык не только был возрождён, но и приобрёл достаточно хорошие перспективы для выживания. В XXI веке число носителей мэнского языка продолжает медленно, но неуклонно расти: в 2011 году этим языком владело 1.660 человек (общее число жителей на тот момент немногим превышало 72.000). С учётом того, что в настоящее время язык преподают в школах, очевидно, что число людей, в той или иной степени владеющих этим языком, с тех пор существенно возросло. По прогнозам фонда Culture Vannin, занимающегося поддержкой мэнского языка, к 2032 году число его носителей должно возрасти до 5.000 человек. Как будет показано ниже, мэнский язык упорно завоёвывает новые позиции в системе образования, лингвистическом ландшафте, досуге и даже (в отдельных случаях) в семейном общении. Это позволило Ф. Гауну, бывшему уполномоченному по мэнскому языку, назвать мэнский «языком-фениксом»¹.

¹ См.: Gawne Ph. Securing the Future of Manx Gaelic [Электронный ресурс] // Language Policy and Planning. Celtic Section Homepage : [сайт]. URL: <http://www.poileasaidh.celtscot.ed.ac.uk/gawneseminar.html> (дата обращения: 18.12.2022).

Таким образом, мэнский язык являет собой редкий пример успешного обратного языкового сдвига.

Официальный статус мэнского языка остаётся неопределённым, как и статус самого острова, который относится, наряду с островами Джерси и Гернси, к так называемым коронным землям Великобритании и в состав Соединённого королевства не входит; он не входит и в Европейский союз. Остров имеет статус внутренней самоуправляющейся зависимости от короны, его главой является британский монарх, а жители острова считаются британскими подданными. Великобритания имеет определённые обязательства по отношению к острову, в том числе и в области вооружённой защиты. Именно Великобритания взяла на себя обязательства по поддержке мэнского языка по линии исполнения требований Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств. Последний отчёт об исполнении Великобританией взятых на себя обязательств выложен на сайте Совета Европы¹.

Однако каким неопределённым ни был бы официальный статус мэнского языка, он, как будет показано ниже, является символом островной идентичности, что и создаёт мотивационную базу для его изучения жителями острова.

Социодемографический состав носителей мэнского языка и сферы его употребления в XXI веке

Среди носителей языков, находящихся под угрозой исчезновения, можно выделить следующие категории:

– традиционные носители (native speakers, traditional speakers) – люди, которые выучили язык, в том числе эритажный, в семье в результате естественной межпоколенческой передачи;

– латентные носители (latent speakers / rememberers, passive speakers, или semi-speakers) – люди, которые выросли в окружении хотя бы некоторого числа традиционных носителей, но не овладели языком в полной мере или, овладев языком в детстве, были вынуждены прекратить им пользоваться (например, по причине острых этнических конфликтов);

– новые носители (neo-speakers, new speakers) – билингвы, овладевшие языком в учебных заведениях или в группах / семьях энтузиастов. В контексте попыток ревитализации исчезающих языков в условиях глобализации эта группа оказывается всё более важной для сохранения исчезающего языка.

Носители мэнского языка относятся к последнему типу: мэнский язык функционирует на острове в качестве второго языка, набирая новых носителей в условиях разрыва в межпоколенческой передаче языка. Среди его носителей нет людей старшего поколения, выучивших этот язык в результате естественной межпоколенческой передачи в семье, где он был бы естественным средством социализации. Нет среди них и так называемых «латентных носителей», которые выросли в окружении хотя бы некоторого числа традиционных носителей, но не овладели языком в полной мере.

Современные носители мэнского языка – это билингвы, люди по большей части молодого и среднего возраста, образованные, относящиеся преимущественно к среднему классу. Они овладевают этим языком в учебных заведениях или в группах / семьях энтузиастов. В отличие от многих миноритарных языков мэнский язык используется не пожилыми малограмотными жителями сельской местности, но образованными представителями среднего класса, для которых он является не знаком провинциальности, но символом островной идентичности.

Наиболее необычным фактом, свидетельствующем о хороших перспективах ревитализации мэнского языка, стало

¹ См.: Information Document on the implementation of the Recommendations for Immediate Action based on the 5th monitoring cycle. Submitted by the United Kingdom on 5 January 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/ukiria5rev-en/1680a0eef6> (дата обращения: 18.12.2022).

появление на острове семей, где родители-билингвы – активные сторонники возрождения языка предков – говорят на нём с детьми с их младенчества. В результате на острове появились люди, для которых мэнский стал родным [2, р. 79]; их можно было бы назвать «традиционными новыми носителями». Хотя их число не превышает нескольких десятков и для них со временем доминирующим языком станет английский, сам факт их существования является, без преувеличения, уникальным.

Залогом сохранения мэнского языка является расширение сфер его употребления. Он находит некоторое, хотя и очень ограниченное, употребление даже в официальной сфере: его в церемониальных целях используют в парламенте и в ходе празднования национального дня острова (Tynwald Day). Он широко представлен в лингвистическом ландшафте: большая часть вывесок и объявлений дублирует информацию на английском и мэнском языках. Он звучит на радио, где местная радиостанция (Manx Radio FM) каждую неделю в течение нескольких часов ведёт вещание на мэнском языке.

Мэнский язык осваивает и современные каналы коммуникации, что является критически важным для судьбы миноритарного языка. Он присутствует на интернет-сайтах, на канале YouTube, где размещаются видео и подкасты на мэнском языке, используется в Твиттере, соцсетях и текстовых сообщениях. Существует приложение к смартфону на мэнском языке, которое скачали более 2.000 человек¹. В интернете можно найти аудио- и видеоматериалы на мэнском языке.

Мэнский проникает и в бытовое общение: его можно слышать в пабах и группах по интересам, таких как мо-

лодёжный клуб и футбольная команда при школе Bunscoill Ghaelgagh, общество Culture Vannin. В октябре проводится неделя мэнского языка (the Cooish). На ней звучат песни на мэнском языке, которые исполняют местные группы, весьма популярные на острове.

Отдельно надо остановиться на положении дел в образовательной сфере. Преподавание мэнского языка в школах было запрещено законом 1872 года (1872 Education Act); дети, говорившие на мэнском в школе, могли быть подвергнуты физическому наказанию [2, р. 79]. Преподавание языка возобновилось в 1990-х годах. Поначалу язык преподавался в начальной школе в качестве предмета по выбору. Закон об образовании 2001 года (единственный закон, упоминающий мэнский язык) содержал положение о том, что все школы должны вводить в программу элементы языка, культуры и истории острова Мэн. Впрочем, в этом законе речь о систематическом преподавании мэнского языка ещё не шла.

Настоящим прорывом в образовательной сфере стало открытие в 2001 г. начальной школы под названием Bunscoill Ghaelgagh, где мэнский является языком обучения, в результате чего выпускники этой школы, чьи родители чаще всего не говорят на мэнском, могут бегло говорить на мэнском языке. Начальную школу, в которой в настоящий момент четыре параллельных класса, одновременно посещают около 70 учеников.

После окончания начальной школы большая часть учащихся продолжает обучение в Queen Elizabeth II High School – единственной на острове средней школе, где мэнский преподаётся в качестве предмета. Более того, по желанию ученики этой школы могут изучать историю и географию на мэнском языке. Учащиеся имеют право сдавать экзамен по мэнскому языку в качестве одного из выпускных экзаменов для получения свидетельства о среднем образовании. Дальнейшему расширению преподавания мэнского языка

¹ Whitehead S. How the Manx language came back from the dead [Электронный ресурс] // The Guardian : [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/education/2015/apr/02/how-manx-language-came-back-from-dead-isle-of-man/> (дата обращения: 17.12.2022).

препятствует на настоящий момент нехватка преподавателей¹.

Начать знакомиться с мэнским языком дети могут в возрасте от двух до пяти лет в группах дошкольного образования Mooinjer Veggey. Эти группы, существующие уже около 20 лет, не являются языковыми гнёздами в прямом смысле слова: общение преподавателей с детьми не ведётся в них исключительно на мэнском языке. Дети знакомятся с мэнским языком, разучивая стихи и песни, а также приучаясь в процессе игры использовать этикетные формулы и другие повседневные разговорные обороты на мэнском. Многие дети, посещавшие этот детский сад, продолжают обучение в школе Bunscoil Ghaelgagh.

Таким образом, в сфере преподавания мэнского языка достигнуты несомненные успехи. Однако, как показывает опыт других стран, использование миноритарного языка в системе образования часто не даёт желаемого результата: миноритарный язык остаётся для учащихся не более чем учебным предметом, причём часто не самым любимым. Успехи в области ревитализации мэнского языка объясняются – возможно, в первую очередь, тем, что он стал использоваться носителями в межличностной коммуникации. Это стало возможным благодаря высокому уровню мотивации сторонников возрождения мэнского языка, которым удалось совместно с государственными органами выработать эффективные меры поддержки мэнского языка.

Языковая политика на острове Мэн: государственная поддержка и общественные организации

Дж. Бродерик выделяет три этапа ревитализации мэнского языка, приходя-

щиеся на XX век: 1890–1930, 1930–1940, 1945–1990-е годы [3]. В течение XX века было выпущено несколько грамматик и словарей мэнского языка. Усилия энтузиастов по документации и поддержке мэнского языка в XX веке оказали неоценимую помощь в его дальнейшей ревитализации.

Современный этап ревитализации мэнского языка начался в последнюю четверть XX века. К этому времени массовая иммиграция на остров и развитие туризма привели к тому, что исконные жители почувствовали угрозу своей идентичности со стороны пришельцев и мобилизовались вокруг идеи сохранения культурного наследия острова. В декабре 1984 года парламент острова Мэн принял обращение ко всем государственным структурам с требованием поддержки мэнского языка. Это решение было принято не без борьбы с теми представителями власти и рядовыми жителями острова, кто считал мэнский язык бесполезным в современном глобальном мире, но точка зрения ревнителей мэнского культурного наследия возобладала². В частности, предлагалось использовать мэнский язык наряду с английским в работе парламента (например, при принесении церемониальных клятв), в документации, уличных вывесках. Был организован комитет Select Committee on the Greater Use of Manx Gaelic, который, помимо выполнения предложений парламента, рекомендовал ввести мэнский язык в систему образования. В 1982 г. был назначен специальный уполномоченный по делам мэнского языка (Manx Language Officer), в 1998 г. был создан пост ещё одного уполномоченного по развитию мэнского языка (Manx Language Development Officer, или yn Greinneyder), который был должен сосредоточить свои усилия на вопросах его

¹ См.: Information Document on the implementation of the Recommendations for Immediate Action based on the 5th monitoring cycle. Submitted by the United Kingdom on 5 January 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/ukiria5rev-en/1680a0eef6> (дата обращения: 18.12.2022).

² См.: Gawne Ph. Securing the Future of Manx Gaelic [Электронный ресурс] // Language Policy and Planning. Celtic Section Homepage: [сайт]. URL: <http://www.poileasaidh.celtscot.ed.ac.uk/gawneseminar.html> (дата обращения: 18.12.2022).

преподавания. Как было показано выше, в итоге в области преподавания мэнского языка был достигнут существенный прогресс.

Таких результатов удалось добиться в результате активной работы энтузиастов из числа местного населения, оказывавших давление на официальные структуры [12]. Большую роль в формировании языковой политики сыграли общественные организации.

Старейшей из них является Общество мэнского языка (The Manx Language Society, или Yn Cheshaght Ghailckagh), образованное ещё в 1899 г. В настоящее время оно занимается издательской деятельностью и издаёт учебники и словари мэнского языка, религиозную, переводную и даже оригинальную литературу на мэнском языке. Среди учебной литературы значительную часть занимают курсы устного языка и аудиоматериалы, что свидетельствует о стремлении вернуть мэнский язык в сферу межличностного общения. Среди переводов на мэнский фигурируют «Алиса в стране чудес» Льюиса Кэрролла и «Восточный экспресс» Агаты Кристи; есть также переводы рассказов с валлийского языка. Первым оригинальным художественным произведением на мэнском языке стала книга Брайана Стоуэлла, первого уполномоченного по делам мэнского языка, долгие годы работавшего радиоведущим на Manx Radio FM, «Вампирские убийства» (“Dunveryssyn yn Tooder-Folley”). Его примеру последовал Кристофер Левин, написавший книгу «Мост миров» (“Droghad ny Seihill”) о приключениях девочки, путешествующей в разных мирах. К. Левин также известен как лингвист, изучающий диахроническую фонологию мэнского языка, его контакты с английским и их последствия для языка, а также другие вопросы, связанные с настоящим и прошлым мэнского языка.

Другая общественная организация, работающая над возрождением языка и культуры острова Мэн, существует

с 1982 г. и в настоящее время носит название Culture Vannin (до 2014 года она была известна как The Manx Heritage Foundation). Её лозунгом является фраза «Двигаем нашу культуру вперёд». Эта позиция отражает видение мэнского языка как языка развивающегося, модернизирующегося, приспособляющегося к новым социокультурным обстоятельствам. Эта позиция важна для выработки принципов стандартизации мэнского языка, которой занимается подкомитет этой организации The Manx Gaelic Advisory Council (Cooncil ny Gaelgey). В функции этого совета входит выполнение переводов с английского на мэнский и с мэнского на английский, составление списков новых слов и в целом стандартизация и модернизация языка. При стандартизации мэнского языка нормализаторам приходится искать баланс между сохранением традиционных норм мэнского языка, зафиксированных в текстах XIX века, и новообразованиями, характерными для речи его современных носителей [о неологизмах в мэнском языке см. подробнее 4]. В то время как «традиционалисты» настаивают на аутентичности традиционного мэнского и призывают осторожно относиться к инновациям, пуристически настроенные сторонники его модернизации критикуют мэнский язык XIX века за обилие заимствований из английского языка и призывают заменять их кельтскими неологизмами [7; 8].

Мэнский язык как символ островной идентичности его носителей

Как было показано выше, усилия официальных структур и общественных организаций дали видимые результаты, так что на острове образовалось сообщество носителей мэнского языка, число которых постепенно растёт.

Эти сдвиги стали возможными благодаря поддержке языка жителями острова, для которых местный язык стал одним из символов идентичности, наряду с флагом и геральдическим символом острова

трикселионом (изображением трёх бегущих по кругу по направлению часовой стрелки ног, выходящих из одной точки).

Исследователи отмечают, что на островах формируется островная идентичность как особый тип региональной идентичности [6]. Жители острова осознают себя членами островной общности, причём чувство принадлежности к местному сообществу может превалировать над осознанием государственной принадлежности. Применительно к острову Мэн это означает, что многие жители острова чувствуют себя прежде всего «мэнцами», и лишь во вторую очередь – подданными Британской империи.

Островная идентичность, как отмечают исследователи, соответствует тому, что Б. Андерсон назвал «воображаемым сообществом» [1]. Жители острова, даже не будучи знакомы друг с другом, ощущают определённую близость за счёт общего географического, исторического и культурного пространства [9; 11; 12]. Как отмечает Дж. Уилсон, «для местных жителей маленькие островные культуры и языки репрезентируют материальную и духовную связь с прошлым. Хотя эта связь часто была серьёзно ослаблена и даже разрушена политикой ассимиляции с доминирующей и гегемонистской культурой, существуют бесчисленные примеры того, как жители маленьких островов пытаются возродить свои языки и культуры» [12, p. 18]. Примеры таких языков охватывают все регионы мира – от Новой Зеландии и островов Тихого океана до европейских Мальты и Корсики и ближайших соседей острова Мэн – островов Джерси и Гернси. Островные языки привлекают внимание исследователей ещё и потому, что они «особенно хорошо позволяют понять процессы языковых изменений, упадка и возрождения, потому что параметров, определяющих эти процессы, намного меньше, чем в других случаях языковых изменений» [10, p. 167].

Островная идентичность имеет свою специфику. Так, географическая ограни-

ченность не характерна для некоторых других видов идентичности (например, гендерной или религиозной). По мнению исследователей, островная идентичность имеет сходство с национальной (не путать с этнической) идентичностью¹: «... у островов есть нечто, напоминающее национальную идентичность, потому что они являются автономными образованиями, определяющими себя, по крайней мере частично, своими географическими границами» [6, p. 3–4].

В случае с островом Мэн, островная идентичность формируется на основании наличия предков, живших на острове, факта рождения и/или проживания на нём, вхождения в местные социальные сетки; эту идентичность могут со временем приобрести и приезжие, если они глубоко интегрируются в местное сообщество и испытывают эмоциональную привязанность к острову [5]. На острове Мэн формированию островной идентичности способствовал экономический расцвет острова в последние десятилетия, что привело к позитивной самооценке себя локальным сообществом. Таким образом, в настоящее время местный язык больше не ассоциируется, как это часто бывает с языками под угрозой исчезновения, с бедностью и провинциальностью: это знак самобытности местного сообщества. Даже те жители острова, кто не владеет мэнским языком, в своём большинстве положительно относятся к его присутствию в лингвистическом ландшафте, праздничных церемониях, в школьном образовании, на радио и в других коммуникативных сферах.

Заключение

Опыт возрождения мэнского языка показывает значение субъективных факторов в процессе языковой ревитализации. Именно высокая мотивация

¹ В западной литературе слово “national” часто относится не к этносу, а к государственному образованию (ср. «американская нация», «швейцарская нация»).

местных жителей и их активное взаимодействие с официальными структурами через общественные организации способствовала возврату мэнского языка к жизни. Возрождающийся язык стал одним из маркеров островной внутригрупповой солидарности (наряду с местным флагом, гимном, фольклором, танцами и т. п.). Хотя для того, чтобы быть на-

стоящим «мэнцем», владение языком не обязательно, его присутствие на острове, зримо видимое в лингвистическом ландшафте, наблюдаемое в музыке, современных коммуникационных технологиях и других коммуникативных сферах, стало в XXI веке предметом местной гордости.

Дата поступления в редакцию 13.01.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
2. Baker C. Foundations of Bilingual Education and Bilingualism. Bristol – Buffalo – Toronto: Multilingual Matters, 2011. 498 p.
3. Broderick G. Language Death in the Isle of Man: An investigation into the decline and extinction of Manx Gaelic as a community language in the Isle of Man. Tübingen: Niemeyer, 1999. 313 p.
4. Broderick G. Neologisms in revived Manx in the Isle of Man // *Studia Celtica Fennica*. 2013. Vol. 10. P. 7–29.
5. Cheek C., Nicol S., Grainger S. Manx identity and Comeovers // *Islands and Britishness: A Global Perspective* / eds. Matthews J., Travers D. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2012. P. 65–77.
6. *Islands and Britishness: A Global Perspective* / Matthews J., Travers D., eds. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2012. 280 p.
7. Lewin Ch. Continuity and hybridity in language revival: The case of Manx // *Language in Society*. 2022. Vol. 51. Iss. 4. P. 663–691. DOI: 10.1017/S0047404521000580.
8. Lewin Ch. Scholarship and language revival: language ideologies in corpus development for revived Manx // *Studia Celtica Posnaniensia*. 2017. Vol. 2. No. 1. P. 97–118. DOI: 10.1515/scp-2017-0006.
9. Long D. When Islands Create Languages – or, Why do language research with Bonin (Ogasawara) Islanders? // *Shima: The International Journal of Research into Island Cultures*. 2007. Vol. 1. No. 1. P. 15–27.
10. Mühlhäusler P. A Language Plan for Norfolk Island // *Language Endangerment and Language Maintenance* / eds. D. Bradley, M. Bradley. London: Routledge Curzon, 2015. P. 167–181. DOI: 10.4324/9781315028811-18.
11. Sallabank J. Attitudes to Endangered Languages: Identities and Policies. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 271 p.
12. Wilson G. N. But the Language has Children now: Manx Language revitalization // *Shima: The International Journal of Research into Island Cultures*. 2009. Vol. 3. No. 2. P. 15–31.

REFERENCES

1. Anderson B. *Vobrazhayemyye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016. 416 p.
2. Baker C. *Foundations of Bilingual Education and Bilingualism*. Bristol – Buffalo – Toronto, Multilingual Matters, 2011. 498 p.
3. Broderick G. *Language Death in the Isle of Man: An investigation into the decline and extinction of Manx Gaelic as a community language in the Isle of Man*. Tübingen, Niemeyer, 1999. 313 p.
4. Broderick G. Neologisms in revived Manx in the Isle of Man. In: *Studia Celtica Fennica*, 2013, vol. 10, pp. 7–29.
5. Cheek C., Nicol S., Grainger S. Manx identity and Comeovers. In: Matthews J., Travers D., eds. *Islands and Britishness: A Global Perspective*. Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, 2012, pp. 65–77.
6. Matthews J., Travers D., eds. *Islands and Britishness: A Global Perspective*. Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, 2012. 280 p.

7. Lewin Ch. Continuity and hybridity in language revival: The case of Manx. In: *Language in Society*, 2022, vol. 51, iss. 4, pp. 663–691. DOI: 10.1017/S0047404521000580.
8. Lewin Ch. Scholarship and language revival: language ideologies in corpus development for revived Manx. In: *Studia Celtica Posnaniensia*, 2017, vol. 2, no. 1, pp. 97–118. DOI: 10.1515/scp-2017-0006
9. Long D. When Islands Create Languages – or, Why do language research with Bonin (Ogasawara) Islanders? In: *Shima: The International Journal of Research into Island Cultures*, 2007, vol. 1, no. 1, pp. 15–27.
10. Mühlhäusler P. A Language Plan for Norfolk Island. In: Bradley D., Bradley M., eds. *Language Endangerment and Language Maintenance*. London, Routledge Curzon, 2015, pp. 167–181. DOI: 10.4324/9781315028811-18.
11. Sallabank J. *Attitudes to Endangered Languages: Identities and Policies*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013. 271 p.
12. Wilson G. N. But the Language has Children now: Manx Language revitalization. In: *Shima: The International Journal of Research into Island Cultures*, 2009, vol. 3, no. 2, pp. 15–31.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Германова Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: nata-germanova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia N. Guermanova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University;
e-mail: nata-germanova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Германова Н. Н. «Язык-феникс»: опыт ревитализации языка острова Мэн // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 18–26.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-18-26

FOR CITATION

Guermanova N. N. Arisen like phoenix: revitalisation of the Manx language. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 3, pp. 18–26.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-18-26

УДК 81-13

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-27-38

ПРЕЦЕДЕНТНАЯ МЕТАФОРА “BATALLA” В ТЕКСТАХ ИСПАНОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА

Епифанцева Н. Г., Ахренов А. В., Молчанова М. А.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель: определение лингвистического статуса прецедентной метафоры и выявление особенностей её перевода на русский язык в испаноязычных газетно-публицистических текстах. Когнитивный аспект предполагает исследование метафоры как эпистемологической категории, неотъемлемой части познания мира и его преобразования.

Процедура и методы. В работе применяется комплексная методика в рамках сравнительно-сопоставительной лингвистики. Прецедентная метафора как коррелят интертекста исследуется в плане влияния на неё социально и политически обусловленных факторов. Для характеристики метафоры как ментальной операции познания и категоризации мира используется семантический анализ с учётом контекстуального окружения; при установлении соотношения понятий прецедентности / интертекстуальности и метафоры / прецедентной метафоры выполнен аналитический обзор проблемы интертекстуальности, прецедентности и метафоры; прагматическая функция прецедентной метафоры и особенности её русского перевода выявлены на материале корпуса текстов газеты *El País* за 2021 год и фразеологизмов на основе “batalla” в метафорическом значении.

Результаты. Уточнён лингвистический статус прецедентной метафоры, которая в ряду интертекста рассматривается как его коррелят и определяется как интертекстема. Реализуя когнитивную функцию смыслового взаимодействия, она сохраняет стилистический потенциал. Испано-русский перевод прецедентной метафоры с учетом её когнитивной «интеракционной» сущности предполагает передачу содержания на другой язык на глубинном, смысловом уровне.

Теоретическая и практическая значимость. Синкретический подход к определению прецедентной метафоры как интертекстемы с двойственной когнитивной и стилистической функцией, создающей кумулятивный эффект, представляет научный интерес для теории языка; характеристика функционирования прецедентной метафоры в публицистике и выявление особенностей её межъязыковой передачи имеют теоретико-практическую значимость. Полученные результаты и фактический материал могут быть использованы в преподавании практического курса и стилистики испанского языка, теории и практики перевода, лингвистики текста, культурологии на разных уровнях обучения, а также при написании курсовых и дипломных работ.

Ключевые слова: интертекст, прецедентная метафора, сравнение, категоризация, когнитивная и стилистическая функции

THE PRECEDENT METAPHOR “BATALLA” IN SPANISH-LANGUAGE NEWSPAPER AND JOURNALISTIC TEXTS: THE PECULIARITIES OF ITS TRANSLATION

N. Epifantseva, A. Akhrenov, M. Molchanova

State University of Education

24 ulitsa Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To determine the linguistic status of a precedent metaphor and to identify the peculiarities of its translation into Russian in Spanish-language newspaper and journalistic texts. Cognitive aspect implies the study of metaphor as an epistemological category, an integral part of cognition of the world and its transformation.

Methodology. The paper applies a comprehensive methodology within the framework of Comparative Linguistics. The precedent metaphor as a correlate of intertext is studied in terms of it being influenced by socially and politically determined factors. To characterize metaphor as a mental operation of cognition and categorization of the world, semantic analysis is used, taking into account the contextual environment; an analytical review of the problem of intertextuality, precedence and metaphor is performed to establish the relationship between the concepts of precedence/intertextuality and metaphor/precedent metaphor; pragmatic function of the precedent metaphor and peculiarities of its Russian translation were revealed on the material of the El Pais newspaper texts for 2021 and phraseological expressions based on “batalla” in metaphorical meaning.

Results. The linguistic status of a precedent metaphor is clarified. It is considered as a correlate of the intertext and is defined as an intertext. Realizing the cognitive function of semantic interaction, it preserves its stylistic potential. The Spanish-Russian translation of the precedent metaphor, taking into account its cognitive “interactive” essence, implies the transfer of content to another language at an underlying, semantic level.

Research implications. The syncretic approach to the definition of the precedent metaphor as an intertexteme with a dual cognitive and stylistic function creating a cumulative effect is of scientific interest for the theory of language; the description of the precedent metaphor functioning in the publicist literature and the identification of its interlingual transmission features represent theoretical and practical significance. The results obtained and the factual material can be used in teaching the practical course and stylistics of the Spanish language, translation theory and practice, text linguistics, cultural studies at different levels of education, as well as in writing academic papers and thesis.

Keywords: intertext, precedent metaphor, comparison, categorization, cognitive and stylistic functions

Введение

Актуализация СМИ в жизни современного общества, их влияние на формирование общественного мнения и когнитивно-интеллектуальные способности индивида приводят к росту научного интереса к прагма-коммуникативным аспектам средств массовой коммуникации, в частности, текстов газетно-публицистического формата. Актуальность исследования подтверждается его со-

циальной значимостью, так как вопрос прецедентной метафоры решается на публицистическом материале, отражающем современную общественно-политическую обстановку в мире.

Методология исследования базируется на принципах традиционности и новаторства и включает: общелингвистические методы – описательный метод, сопоставительный метод для сравнения исходного и переводного текстов; специ-

альные лингвистические методы – семантический и контекстуальный анализ при анализе текстового окружения единиц иллюстративного материала, выявленного в корпусе газетных текстов; компонентный анализ изучаемых языковых единиц при толковании актуализированных и контекстных смыслов; социо-историческую и лингвокультурологическую характеристики текста для установления сущности и характерных черт прецедентной метафоры при сопоставлении испанской и русской лингвокультур.

В публицистике прецедентная метафора эффективна в процессе моделирования политической сферы, концептуализация которой отличается сложностью и высокой степенью абстракции. Представляя конкретные образы знакомых читателю сфер его жизнедеятельности, прецедентная метафора способствует тем самым более доступному пониманию сложного по содержанию общественно-политического текста [3].

Метафора рассматривается в нашем исследовании в соответствии с концепцией Дж. Лакоффа, М. Джонсона [14] как ментальная операция познания и категоризации мира, её использование не ограничивается только стилистическими целями или отсутствием прямого эквивалента метафорического значения.

При этом принципиально важно разграничивать два типа метафор: метафоры языка и метафоры речи. Языковая метафора представляет собой готовую лексическую единицу, которая имеет системный характер, кроме того, она объективна и выполняет две наиважнейшие функции: номинативную и коммуникативную. В то время как речевая метафора субъективна, уникальна и окказиональна, поскольку отражает личностно-индивидуальный взгляд автора на окружающий мир и, как правило, в тексте выполняет эстетическую функцию [7]. Очевидно, что прецедентная метафора относится к речевым метафорам, поскольку обладает максимальной контекстуальной обусловленностью.

Прецедентная метафора: определение и функционирование в СМИ

Особенности функционирования прецедентной метафоры в испаноязычной публицистике исследуются на примере фразеологии с существительным “batalla” в метафорическом значении. Прецедентная метафора как понятие составное включает два смысла: прецедент и собственно метафора.

Взаимосвязанные проблемы прецедентности и интертекста исследованы в работах по теории коммуникации и лингвокультурологии отечественных [1; 8; 10; 11; 15; 16] и зарубежных авторов [2; 21; 23].

Прецедентность (*прецедент* от лат. praecedens, род. п. praecedentis – предшествующий, в современном понимании означает случай, имевший место ранее и служащий оправданием для последующих случаев подобного рода¹). Диахроническое пересечение литературных текстов было подмечено в глубокой древности: сюжеты басен Эзопа с заимствованиями из древнеегипетских источников, басни Лафонтена с эзоповскими сюжетами, басни И. А. Крылова с заимствованиями из басен Лафонтена (или Эзопа?); сюжеты и персонажи римского драматурга Публия Теренция Афры, по которым восстанавливали утраченные комедии древнегреческого автора Менандра, и «Прodelки Скапена» французского комедиографа XVII в. Мольера, использовавшего одну из пьес того же Теренция². С появлением и развитием романа как литературного жанра прецедентная межтекстовая связь получает ещё большее распространение.

Интертекстуальность (сложное понятие от латинского: префикс inter – внутри и textus – тку, сплетаю)³ как проблема

¹ См.: Прецедент // Советский энциклопедический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1981. С. 1056.

² Теренций. Комедии / пер. с лат. М.: Художественная литература, 1985. 574 с. (Серия: Библиотека античной литературы).

³ См.: Текст // Советский энциклопедический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1981. С. 1324.

взаимодействия текста с культурной средой разрабатывается с середины прошлого века французской школой семиотики [21]. Ссылаясь на концепцию М. М. Бахтина полифонической структуры чужих идей и образов в творчестве, Ю. Кристева определяет интертекстуальность как общее свойство текстов, проявляющееся в «наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут явно или неявно сослаться друг на друга» [12, с. 429]. Диалог между текстами принимает форму интертекстуальной игры, имеющей бессознательный характер и ведущей к растворению индивидуальности – «смерти автора», по образному определению Р. Барта [6]. Термин интерсубъективность заменяется интертекстуальностью, предполагающей прецедентность.

Связь между явлениями интертекстуальности и прецедентности и их взаимообусловленный характер очевидны: при создании текста обращение к прецедентным текстам приводит к интертекстуальности нового текста, то есть интертекстуальность как свойство текста предполагает существование предшествующих (прецедентных) текстов, за счёт которых новый текст обретает свойство интертекстуальности [9]. Согласно этой концепции, текст следует воспринимать как пространство свободной игры гетерогенных культурных кодов. Текст – это интертекст, «галактика означающих», а произведение – «эффект текста», зримый результат «текстовой работы». Интертекстом в таком понимании является не средство создания интертекстуальности, а сам текст. «Каждый текст является интертекстом, представляя собой новую ткань, сотканную из старых цитат ... поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [2].

В современной отечественной науке хрестоматийным считается определение *прецедентного текста* в лингвистике и смежных с ней дисциплинах, данное Ю. Н. Карауловым, как текста, значи-

мого в познавательном и эмоциональном отношении, носящего сверхличностный характер, т. е. фиксированного в сознании носителей языка данной языковой общности; апелляция к которому постоянно возобновляется в дискурсе [8, с. 216]. Позже, в концепции языковой личности выделяются понятия: *прецедентное высказывание* (термин предложенный В. Г. Костомаровым, Н. Д. Бурвиковой), *прецедентное имя* и *прецедентная ситуация* как видовые понятия по отношению к *прецедентному феномену* со статусом родового понятия. Прецедентный феномен считается родовым понятием и по отношению к прецедентному тексту, трактуемому в более узком значении [10]. Прецедентный феномен обладает отличительным признаком – семиотическим способом своего существования, употреблением в виде неявной отсылки без упоминания источника или автора, в чём состоит его отличие от цитаты.

По мере теоретического осмысления интертекстуальности / прецедентности и расширения сферы их применения, появляются новые понятия и термины и, вместе с тем, необходимость их уточнения. В зависимости от подхода к исследованию одного и того же воспроизводимого текстового материала лингвисты используют разные термины. *Интертекстема* (термин К. П. Сидоренко) и *текстовая реминесценция* (термин А. Е. Супруна) определяются как средство создания интертекста – включение в него, используются в значении прецедентного высказывания и прецедентного текста. *Крылатая единица – интертекстема* (термин О. В. Долгополовой) используется для обозначения практически всех воспроизводимых единиц независимо от подхода к исследованию, что приводит к смещению границ прецедентности / интертекстуальности [13].

В концептологии Г. Г. Слышкин отождествляет понятия прецедентный текст и прецедентное высказывание, создаёт

термин *парольная функция* различных видов апелляции к концепту прецедентного текста и *классификацию социумно-прецедентных высказываний*: макрогрупповые, микрогрупповые прецедентные тексты / национальные, цивилизационные, общечеловеческие прецедентные тексты. Предлагаемая автором ассоциативная модель концепта, кстати, значимая для неологии, включает интразону и экстразону и функционирует как процесс непрерывной номинации и реноминации объектов, появления новых и утраты старых ассоциативных связей между языковыми единицами и номинируемыми объектами [16].

Учитывая соотношение понятий прецедентность / интертекстуальность, исследуемая в статье прецедентная метафора – имя существительное “batalla” – в переносном значении может быть определена как интертекстема, включение в интертекст наряду с другими единицами того же порядка.

Функционально-стилистические аспекты *метафоры* рассмотрены: в концепции Н. Д. Арутюновой, которая включает метафору в трёхкомпонентную модель «образ-метафора-символ»; в учении В. Н. Телия об экспрессивно-оценочной функции метафоры в тексте; в работах Ш. Балли, считающего, что метафора, совмещающая абстрактное понятие с конкретным предметом, выступает как средство выражения речи с точки зрения эмоционального содержания, то есть выражения в речи явлений из области чувств и действия речевых фактов на чувства; К. Бюлером, который сформулировал закон перекрывания, объясняющий механизм метафорического переноса; в концепции Х. Ортега-и-Гассет, считавшего метафору средством наименования, благодаря которому наша мысль становится доступной для других, а сам предмет – доступным нашей мысли [4; 17]. Аналитика теории метафоры и её эволюция представлены в трудах Н. Д. Арутюновой [18, с. 7–42], Н. А. Ахреновой [1]. В основу

современного определения метафоры положен когнитивный подход, разработанный американским лингвистом Дж. Лакоффом [14], который рассматривал метафору как факт мышления, концептуализирующий картину мира.

Существует классификация метафор, основанная на концепции метафорического моделирования [19]. При классификации метафоры А. П. Чудинов учитывает следующие понятия: исходная понятийная область, к выражениям которой применяется приём метафоризации; новая понятийная область, из которой соответствующие ей конструкции сопоставляются конструкциям из исходной области; признаки, на основании которых исходную понятийную область и новую понятийную область можно рассматривать как родственные; дискурсивные характеристики модели. Метафорическая модель в таком понимании представляет собой некую схему связи между различными понятийными сферами, которая формируется в сознании носителя языка. В рамках концепции метафорического моделирования выделяются четыре основных разряда: природоморфные, социоморфные, артефактные, антропоморфные метафоры.

Исследуемые прецедентные метафоры с основным элементом “batalla” относятся к разряду *социоморфных метафор военной сферы*. Социоморфная метафора, отражая сложную взаимосвязанность событий в обществе, входит в число наиболее универсальных метафорических моделей. Компоненты социальной картины мира постоянно взаимодействуют между собой в человеческом сознании. Вербальное представление социоморфной метафоры показывает, насколько большим потенциалом обладает человеческое сознание при моделировании реальности, приближая даже абстрактные понятия к характерным особенностям жизнедеятельности человека. На примере военной сферы деятельности человека метафорически создаётся мир

политики как отражение сложной взаимосвязи событий. Прецедентные метафоры в общественно-политическом дискурсе функционируют как система, образуя контекстные цепочки и сети, охватывающие весь политический дискурс [5]. Их сферой-источником выступает социокультурная тема вооружённой борьбы, сражения, военного конфликта, представляющая своего рода негативную параллельную реальность [3].

Источник прецедентной метафоры – имя существительное “batalla” образовано от позд. лат. сущ. *battalia*, гл. *battuere* – чеканить, бить оружие¹. Соответственно, в лингвокультуре испанского языка “batalla” выражает понятийную область «военное противостояние» с глубокой латинской традицией: от победоносных сражений Рима в Пунических войнах, вооружённых столкновений во время гражданских войн и восстаний рабов до защиты своих границ от нашествия варваров. История Испании хранит память о сражениях и битвах времён Реконкисты и открытия Америки, позднее – о войне за Испанское наследство, революциях, Испано-американской и двух мировых войнах. Незабываемые образы сражения на поле боя, победоносные реляции и горечь поражения вошли в коллективное сознание, концептуализируясь в лингвокультурном пространстве испанского языка.

Концептосфера «военное противостояние» представлена в испанском языке синонимическим рядом: *batalla* (f), *lucha* (f), *pelea* (f).

– *Batalla* (f) – абстрактное существительное с общим значением «военное противостояние», реализует значения: 1) сражение, битва, бой, схватка, война, сеча (уст.); 2) состязание, турнир; 3) брань, перепалка (перен.).

Batalla в качестве семантического центра образует фразеологические обороты²: *batalla a brazo Partido*, *batalla cuerpo a cuerpo* – рукопашный бой; *en batalla* – развёрнутым фронтом; *presentar la batalla* – вызывать на бой, дать сражение; *se retira de la batalla* – отступить, проиграть сражение; *batalla campal* – генеральное сражение; *desigual batalla* – неравный бой; *en plena batalla* – в разгар битвы; *dar una batalla a uno conflicto, se convirtio en una batalla* – перерасти в войну.

– *Lucha*³ (f) – борьба, борьба как вид спорта, предвыборная борьба, образовано от лат. *luctare* – бороться, вести бой и т. п. В современном испанском глагол *luchar* сохраняет военную семантику.

– *Pelea*⁴ (f) – борьба, сражение, битва; глагол *pelear* – бороться, сражаться, биться с оружием в руках.

В переносном значении, используя как метафора, “batalla” выражает понятийную область «противостояние», но представляет его в образе вооружённой борьбы, битв, сражений, запечатлённых в общественном сознании на основе реально происходивших событий.

Перевод на русский язык “batalla” в текстах испаноязычной прессы

В результате анализа текстов общественно-политической тематики испанской газеты *El País*⁵ за 2021 г. выявлены примеры, содержащие лексему “batalla” в метафорическом значении, с целью определения особенностей её перевода на русский язык. Рассмотренные ниже примеры подтверждают тот факт, что в общественно-политическом тексте метафорическое представление сложного по содержанию события способствует его

¹ См.: *Batalla* [Электронный ресурс] // Толстый словарь: испанский : [сайт]. URL: <http://www.tolstyslovar.com/es?batalla#hwd> (дата обращения: 04.03.2023). Далее – Толстый словарь.

² Там же.

³ См.: *Lucha* // Толстый словарь. URL: <http://www.tolstyslovar.com/es?Lucha> (дата обращения: 04.03.2023).

⁴ См.: *Pelea* // Толстый словарь. URL: <http://www.tolstyslovar.com/es?pelea> (дата обращения: 04.03.2023).

⁵ *El País* [Электронный ресурс]. URL: <https://elpais.com/> (дата обращения: 04.03.2023).

более доступному и адекватному пониманию читателем.

*Batalla 2021*¹ (Сражение 2021)

*El ciudadano moderno ha librado contien-
das a lo largo de este año con un resultado des-
igual, bien con la victoria inscrita en la frente
o bien huyendo con el rabo entre las piernas.* – Наш соотечественник в течение всего года вёл непрерывный бой с переменным успехом, то с победой, начертанной на лбу, то спасаясь, поджав хвост².

В переводе использованы литературные штампы: непрерывный бой, переменный успех; для привнесения юмористического оттенка «гражданин» переведён синонимом «соотечественник»; при переводе «moderno» применена произвольная лексическая замена «современный» на «наш» в стилистических целях.

*La batalla eléctrica en Europa*³ (Битва за электричество в Европе)

Es decisivo que esta batalla se desarrolle en el seno de la Unión donde los derechos de los consumidores cobran cada vez mayor relevancia y los precios no pueden depender exclusivamente de una lógica del mercado aplicada deficientemente como hasta ahora. – То, что битва развернулась внутри Союза, имеет решающее значение. Большой вес теперь имеют права потребителей, а цены зависят не только от плохо применяемой рыночной логики, как было до сих пор.

В переводе изменён порядок компонентов предложения в целях соблюдения тема-рематического членения высказывания, для перевода «mayor relevancia» выбран синонимичный вариант «большой вес», «exclusivamente» переведено отрицательной формой «не только» по грамматическим причинам: в испанском языке отрицанием оформляется глагол,

тогда как в русском языке отрицательная частица оформляет и второстепенные члены предложения (наречие).

*Rio compra un productor de litio, mientras que BHP se retira de la batalla por uno de níquel*⁴. – Рио покупает производителя лития, тогда как ВНР отступает в борьбе за никель.

Возможен также перевод *se retira de la batalla* как: ВНР проиграла сражение за никель. Как видно, в обоих вариантах перевода военная тематика сохраняется, способствуя созданию образа жёсткой конкуренции между производителями за редкоземельные металлы.

*La dirección del PP se prepara para una larga batalla con la presidenta madrileña*⁵. – Руководство НП готово к ширококомаштабной битве с региональным президентом Мадрилены.

Словосочетание *una larga batalla* переведено с использованием амплификации как «широкомаштабная битва», возможен также вариант «наступление широким фронтом», вследствие несоответствия семантической сочетаемости в русском / испанском языках прилагательного «larga / широкая (ое)» и существительного «batalla / битва (сражение)». Для адекватной интерпретации текста при переводе сочетания «la presidenta madrileña» необходима лингвокультурологическая характеристика и информация, не представленная в тексте [17]. Речь идёт не о президенте Испании, этот пост в 2021 г. только планировалось ввести, а о межпартийной борьбе за пост регионального президента Мадрида, занимаемого в тот период Иолантой Диас, представляющей партию Сумар, – отсюда форма ж. р. *la presidenta*, отсутствующая в русском словаре. Для её передачи на русский

¹ См.: Vicent M. Batalla 2021 [Электронный ресурс] // El País : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34bkPa> (дата обращения: 04.03.2023).

² Здесь и далее перевод авторов статьи Епифанцевой Н. Г., Ахренова А. В., Молчановой М. А.

³ См.: Missé A. La batalla eléctrica en Europa [Электронный ресурс] // El País : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34bkQL> (дата обращения: 04.03.2023).

⁴ См.: Currie A. Rio y BHP, contra el rompecabezas de las absorciones verdes [Электронный ресурс] // El País : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34bkUh> (дата обращения: 04.03.2023).

⁵ См.: García De Blas E. Casado relanza su perfil más agresivo para contrarrestar la presión de Ayuso [Электронный ресурс] // El País : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34bkcF> (дата обращения: 04.03.2023).

язык применяется форма м. р. *президент* (форма женского рода слова *президент* в русском языке отсутствует, лакуна может быть компенсирована в более широком контексте статьи).

*El PP lanza la batalla cultural de la carne como ariete electoral en Castilla y León*¹. – В Кастилии и Леоне НП использует тему культуры как таран в предвыборной битве за голоса.

Лексика военной тематики текста, включающая не только *lanza la batalla* (вступить в битву), но и *ariete (таран)*, находит отражение в переводе. Задача перевода состоит в создании живого образа победоносного наступления, подкреплённого мощным пробивным оружием – тараном. Народная партия уверенно вступает в предвыборную борьбу, используя всевозможные средства. Перевод словосочетания *la batalla cultural de la carne* требует применения трансформаций: из-за несовпадения семантической валентности сущ.+прил. в русском варианте словосочетание *la batalla cultural* передаётся описательным оборотом; метонимия *de la carne* в словарном переводе «мясо, плоть, тело» переведено тем же приёмом – метонимией *голоса* (избирателей). Что подтверждает лишний раз один из тезисов концепции Дж. Лакоффа о том, что основные ценности культуры, выраженные метафорой, могут быть адекватно восприняты только в рамках этой культуры [20; 22; 23].

*Los socialistas europeos renuncian a dar la batalla por la presidencia del Parlamento*². – 1. Социалисты Европы отказываются от борьбы за пост председателя парламента (перевод с использованием литературного штампа). 2. Социалисты Европы отказываются дать бой за президенство

в парламенте (перевод с актуализацией прецедентной метафоры). Сравнение вариантов перевода подтверждает роль прецедентной метафоры в создании живого образа, отражающего понятийное поле «силовое противостояние».

*Meghan Markle recibe las disculpas públicas del 'Daily Mail' tras ganar la batalla judicial a los tabloides británicos*³. – 1. Меган Маркл получает публичные извинения от Daily Mail после победы в судебной тяжбе против британских таблоидов (в переводе реализован стилистический потенциал метафоры). 2. Меган Маркл получает публичные извинения, выиграв судебную битву с британскими таблоидами (в переводе использована прецедентная метафора для создания конкретного образа силового противостояния). Сравнение вариантов перевода подтверждает стилистические возможности прецедентной метафоры, благодаря которым чтение текста может доставить эстетическое удовольствие [2].

*Las batallas del porvenir*⁴ (Грядущие битвы)

Con el pulso energético, el presidente aprovecha las suspensiones judiciales para construir el campo de batalla definitivo y definitorio de su Administración. Y solo hay dos posibilidades: o triunfa López Obrador y su movimiento, o prevalecen las disposiciones constitucionales. – Действуя энергично, президент использует судебные приостановки, чтобы разработать для своей администрации определённую и определяющую диспозицию на поле битвы. И есть только два исхода: или победит Лопес Обрадор и его движение, или верх возьмут положения конституции.

Применение прецедентной метафоры способствует созданию образа пре-

¹ См.: García De Blas E. El PP lanza la batalla cultural de la carne como ariete electoral en Castilla y León [Электронный ресурс] // El País : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34bkkN> (дата обращения: 04.03.2023).

² См.: Gómez M. V. Los socialistas europeos renuncian a dar la batalla por la presidencia del Parlamento [Электронный ресурс] // El País : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34bmQ6> (дата обращения: 04.03.2023).

³ См.: Morgado C. Meghan Markle recibe las disculpas públicas del 'Daily Mail' tras ganar la batalla judicial a los tabloides británicos [Электронный ресурс] // El País : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34bmWd> (дата обращения: 04.03.2023).

⁴ См.: Cossío Díaz J. R. Las batallas del porvenir [Электронный ресурс] // El País : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34bmG> (дата обращения: 04.03.2023).

зидента парламента как стратега, который, подобно командующему армией, зондирует почву, готовит поле битвы, просчитывает возможные варианты её исхода. Произведены: редукция текста (*энергично* вместо *в энергичном темпе*) и амплификация текста (добавлено слово *диспозиция*) в силу действия регуляторов семантической сочетаемости. Дословный перевод с учащённым пульсом = *запыхавшись* в русском языке приобретает ироническую окраску, тогда как в испанском языке *pulso* имеет словарные значения *твёрдость, уверенность* в чём-то, одно-корневой глагол *pulsar* имеет переносное значение *зондировать, прощупывать*. В тексте используются паронимы *definitivo* у *definitorio*, переданные на русский язык с сохранением стилистического эффекта *определённое и определяющее*, хотя эквивалентами, на наш взгляд, были бы определения *точное и окончательное*.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующее заключение. Прецедентная метафора на примере исп. “*batal-la*” определяется как понятие составное, по отношению к интертексту она определяется как его единица – интертекстема, при этом сохраняет когнитивную функцию и стилистический потенциал, создающие кумулятивный эффект. Метафора понимается как основная ментальная операция, способствующая познанию и категоризации мира. В исследуемых текстах, которые отличаются сложной и абстрактной проблематикой, прецедентная метафора реализует конкретный образ военной сферы, освоенный коллективным сознанием и лингвокультурой испанского языка.

Дата поступления в редакцию 04.04.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахренова Н. А. Метафора в когнитивном аспекте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 2. С. 7–13.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
3. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Риторический анализ политической коммуникации в современной лингвистике (2010–2018) // Сибирский филологический журнал. 2019. № 4. С. 187–196. DOI: 10.17223/18137083/69/16.
4. Гаврилов Л. А., Зарипов Р. И. Стилистика французского языка. М.: Флинта, 2023. 292 с.
5. Зарипов Р. И., Будаев Э. В. Метафорические образы настоящего и будущего России во французских СМИ: внешнеполитические аспекты // Политическая лингвистика. 2020. №6 (84). С. 42–52. DOI: 10.26170/pl20-06-05.
6. Епифанцева Н. Г., Хассан Али Уссейни. Roland Barthes: three aspects of creativity // Значимые личности в языке и культуре: научное наследие Жана Пиаже (Москва, 20 апреля 2018 г.). М.: ИИУ МГОУ, 2018. С. 82–89.
7. Жирова И. Г., Баранова Т. М. Сопоставительный анализ перевода метафорических единиц с английского языка на русский // Роль и место лингвокультурной адаптации художественного текста в теории и практике перевода. Переводческие стратегии и тактики: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Москва, 24 декабря 2020 г.). М.: МГОУ, 2021. С. 46–54.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность; изд. 7. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
9. Коваль О. А., Крюкова Е. Б. Тайная жизнь слов: литературная теория Ролана Барта // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 114–121. DOI: 10.17223/1998863X/44/11.
10. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // Язык как творчество. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 1996. С. 297–303.
11. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М.: Гнозис, 2012. 332 с.
12. Кристева Ю. Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. 536 с.

13. Кудрина Н. А. Интертекстуальность и прецедентность: к вопросу о разграничении понятий // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2005. № 4 (40). С. 5–11.
14. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем; изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 256 с.
15. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2007. 207 с.
16. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Академия, 2000. 125 с.
17. Сосунова Г. А., Епифанцева Н. Г. Стилистические фигуры как фактор формирования коммуникативной направленности в текстах французских отраслевых таможенных изданий // Язык и культура. 2018. № 41. С. 202–216. DOI: 10.17223/19996195/41/13.
18. Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
19. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта – Наука, 2012. 256 с.
20. Akhrenov A. V. ¿Cómo determinan el clima y la biodiversidad la utilización del lenguaje? // Язык и культура Колумбии в контексте латиноамериканской цивилизации: материалы докладов и сообщений международной научно-практической конференции (Москва, 26–27 сентября 2013 г.). М.: РУДН, 2015. С. 196–203.
21. Essays in semiotics / ed. by Kristeva J., J. Rey-Debove, D. J. Umiker. The Hague: De Gruyter Mouton, 2010. 652 p.
22. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought / ed. A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 202–251.
23. Vyshnya N., Sevilla Muñoz J. La base cognitiva de una cultura tradicional // Eslavística Complutense. 2007. No. 7. P. 159–170.

REFERENCES

1. Akhrenova N. A. [Cognitive metaphor]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2010, no. 2, pp. 7–13.
2. Bart R. *Izbrannyye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics]. Moscow, Progress Publ., 1989. 616 p.
3. Budaev E. V., Chudinov A. P. [Rhetorical analysis of political communication in contemporary foreign linguistics (2010–2018)]. In: *Sibirskiy filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2019, no. 4, pp. 187–196. DOI: 10.17223/18137083/69/16.
4. Gavrilov L. A., Zaripov R. I. *Stilistika frantsuzskogo yazyka* [Stylistics of the French language]. Moscow, Flinta Publ., 2023. 292 p.
5. Zaripov R. I., Budaev E. V. [Metaphorical images of Russia's Present and Future in French mass media: Foreign policy aspects]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2020, no. 6 (84), pp. 42–52.
6. Yepifantseva N. G., Khassan Ali Usseyini. [Roland Barthes: three aspects of creativity]. In: *Znachimyye lichnosti v yazyke i kul'ture: nauchnoye nasledie Zhana Piazhe (Moskva, 20 aprelya 2018 g.)* [Significant personalities in language and culture: the scientific heritage of Jean Piaget (Moscow, April 20, 2018)]. Moscow, MRSU Ed. Office, 2018, pp. 82–89.
7. Zhirova I. G., Baranova T. M. [Comparative analysis of the translation of metaphorical units from English into Russian]. In: *Rol' i mesto lingvokul'turnoy adaptatsii khudozhestvennogo teksta v teorii i praktike perevoda. Perevodcheskiye strategii i taktiki: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem (Moskva, 24 dekabrya 2020 g.)* [The role and place of linguistic and cultural adaptation of a literary text in the theory and practice of translation. Translation strategies and tactics: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Moscow, December 24, 2020)]. Moscow, Moscow Region State University, 2021, pp. 46–54.
8. Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, LKI Publ., 2010. 264 p.
9. Koval O. A., Kryukova E. B. [The secret life of words: the literary theory of Roland Barthes]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State

- University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 2018, no. 44, pp. 114–121. DOI: 10.17223/1998863X/44/11.
10. Kostomarov V. G., Burvikova N. D. [Precedent text as a reduced discourse]. In: *Yazyk kak tvorchestvo* [Language as creativity]. Moscow, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova Publ., 1996, pp. 297–303.
 11. Krasnykh V. V. *Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii* [Fundamentals of psycholinguistics and communication theory]. Moscow, Gnozis Publ., 2012. 332 p.
 12. Kristeva Yu. *Frantsuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French semiotics: from structuralism to poststructuralism]. Moscow, Progress Publ., 2000. 536 p.
 13. Kudrina N. A. [Intertextuality and precedentness: on differentiating between notions]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2005, no. 4 (40), pp. 5–11.
 14. Lakoff G., Johnson M. *Metafor, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow, LKI Publ., 2008. 256 p.
 15. Nakhimova E. A. *Pretsedentnye imena v massovoy kommunikatsii* [Precedent names in mass communication]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University, 2007. 207 p.
 16. Slyshkin G. G. *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnyye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i dis-kurse* [From text to symbol: linguistic and cultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse]. Moscow, Akademiya Publ., 2000. 125 p.
 17. Sosunova G. A., Epifantseva N. G. [Stylistic figures as the factor of the formation of the communicative orientation in the texts of the French branch of customs publications]. In: *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2018, no. 41, pp. 202–216. DOI: 10.17223/19996195/41/13.
 18. Arutyunova N. D., Zhurinskaya M. A., eds. *Teoriya metafor* [Theory of metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990. 512 p.
 19. Chudinov A. P. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2012. 256 p.
 20. Akhrenov A. V. ¿Cómo determinan el clima y la biodiversidad la utilización del lenguaje? In: *Yazyk i kul'tura Kolumbii v kontekste latinoamerikanskoj tsivilizatsii: materialy dokladov i soobshcheniy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 26–27 sentyabrya 2013 g.)* [Language and culture of Colombia in the context of Latin American civilization: materials of reports and messages of the international scientific and practical conference (Moscow, September 26–27, 2013)]. Moscow, RUDN University Publ., 2015, pp. 196–203.
 21. Kristeva J., Rey-Debove J., Umiker D. J., eds. *Essays in semiotics*. The Hague, De Gruyter Mouton, 2010. 652 p.
 22. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor. In: Ortony A., ed. *Metaphor and thought*. Cambridge, Cambridge University Press, 1993, pp. 202–251.
 23. Vyshnya N., Sevilla Muñoz J. La base cognitiva de una cultura tradicional. In: *Eslavística Complutense*, 2007, no. 7, pp. 159–170.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Епифанцева Наталья Глебовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики лингвистического факультета Государственного университета просвещения;
e-mail: nepifantseva@yandex.ru;

Ахренев Алексей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков лингвистического факультета Государственного университета просвещения;
e-mail: alexeiakhrenov@mail.ru;

Молчанова Мария Александровна – аспирант кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики лингвистического факультета Государственного университета просвещения;
e-mail: masha_molchanova@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia G. Epifantseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Translation Studies and Cognitive Linguistics, State University of Education;
e-mail: ng.epifantseva@mgou.ru;

Alexey V. Akhrenov – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Indo-European and Oriental Languages, State University of Education;
e-mail: alexeiakhrenov@mail.ru;

Maria A. Molchanova – Postgraduate Student, Department of Translation Studies and Cognitive Linguistics, State University of Education;
e-mail: masha_molchanova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Епифанцева Н. Г., Ахренев А. В., Молчанова М. А. Прецедентная метафора “batalla” в текстах испаноязычной прессы: особенности перевода // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 27–38.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-27-38

FOR CITATION

Epifantsev N. G., Akhrenov A. V., Molchanova M. A. The precedent metaphor “batalla” in Spanish-language newspaper and journalistic texts: the peculiarities of its translation. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 3, pp. 27–38.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-27-38

УДК 81-116

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-39-47

ПАРАМЕТРЫ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА РАЗНЫХ ЭТНОКУЛЬТУР

Зененко Н. В.*Военный университет имени князя Александра Невского**Министерства обороны Российской Федерации**123001, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14, Российская Федерация*

Аннотация

Целью настоящей статьи является выявление параметров системного анализа институционального дискурса для формирования научного инструментария исследования.

Процедура и методы. В работе был применён интегративно-дискурсивный метод анализа речевой деятельности.

Результаты. В процессе научно-исследовательской работы автор должен постоянно следить за соответствием сущностной составляющей концептов своего анализа выводам, к которым он приходит, поскольку понятия не находятся в состоянии стагнации, а находятся в состоянии эволюции; и могут вступать в синонимичные отношения с другими понятиями, видоизменяться.

Теоретическая значимость заключается в выборе понятийно-категориального аппарата для системного анализа любого вида институционального дискурса. **Практическая значимость** выражается в возможности применения результатов исследования в курсах по общему языкознанию, теории текста, теории дискурса, основам теории языка в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: дискурсивность, процессуальность, интегративность, интертекстуальность, интердискурсивность, интерпретативность, концептуализация, креативность, волитивность

PARAMETERS OF THE SYSTEM ANALYSIS OF THE INSTITUTIONAL DISCOURSE OF DIFFERENT ETHNOCULTURES

N. Zenenko*Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation**ulitsa Bolshaya Sadovaya 14, Moscow 123001, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the parameters of the system analysis of institutional discourse for the formation of scientific research tools.

Methodology. The integrative-discursive method of speech activity analysis was applied in the work.

Results. In the process of the research, the author must constantly monitor the correspondence of the essential component of the concepts of his analysis to the conclusions to which he comes, since the concepts are in a state of evolution rather than stagnation; and can enter into synonymous relations with other concepts, to be modified.

Research implications. The theoretical significance lies in the author's choice of the conceptual and categorical apparatus essential for the system analysis of any kind of institutional discourse. The results of the analysis can be applied in courses on general linguistics, text theory, discourse theory, fundamentals of language theory in higher educational institutions.

Keywords: discoursivity, procedurality, integrity, intertextuality, interdiscoursivity, interpretativeness, conceptualization, creativity, will expression

Понятие, категория, термин – основа языка науки

Введение

В антропоцентрической парадигме лингвистики XXI века вопрос о концептуальной основе языковых структур и их речевых воплощениях в процессе коммуникативной динамики дискурса является вопросом первостепенной важности. Становится очевидным, что коммуникативно-деятельностному подходу описания языка способствует «дискурсивное осмысление языковых функций» и определение фундаментальных положений научного анализа [9, с. 62]. Понятийно-категориальный аппарат (ПКА) это научный инструментальный любой знания, который помогает обнаружить проблему исследования и найти пути её решения, опираясь на смысловую сущность используемых понятий, категорий и терминов.

Учёные в разных областях научного знания (В. В. Налимов¹, Е. В. Ушаков², В. З. Демьянков³, М. А. Левина⁴ и др.) отмечают, что основой языка любой науки являются: понятие, категория и термин.

До настоящего времени понятийно-терминологический хаос в современных лингвистических и междисциплинарных исследованиях не преодолен, что объясняется наличием объективных и субъективных факторов сущностно-смысловой интерпретации понятий, прежде всего,

философских наук. Очевидным является необходимость систематизации ПКА в современных исследованиях, т. к. назрела необходимость в трактовке и типологизации эмпирических и теоретических знаний для выявления внешних и внутренних связей между ними.

Современные объяснения терминов «понятие» и «категория» различают их значение. *Понятие* – это форма мыслительного процесса, которая соотносится с реальной действительностью и неизбежно выражается в языке. В «*понятии*» как результате мышления содержатся общие, первостепенной важности признаки предметов в их единстве⁵.

Категории – это фундаментальные понятия, отражающие значимые закономерные связи «бытия и познания»⁶.

В представленном исследовании мы рассматриваем *понятие* и *категию* как наиболее общие или специальные априорные знания, используемые при формировании ПКА, который является важнейшим компонентом системы любой науки, и представляет собой совокупность понятий, категорий и терминов, которые дают возможность описать реалии, изучаемые наукой / науками, и зафиксировать их основные свойства, признаки и закономерности. ПКА, в нашем случае, – это научный инструментальный для реализации системного / комплексного дискурсивного анализа.

Одним из ключевых философско-методологических и специально-научных воззрений с середины XX в. становится понятие «система». В контексте нашего

¹ Налимов В. В. Полиморфизм научных терминов // Налимов В. В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М.: Наука, 1974. С. 121–129.

² Ушаков Е. В. Введение в философию и методологию науки: учебник. М.: Из-во «Экзамен», 2005. 528 с.

³ Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1 (7). С. 35–37.

⁴ Левина М. А. Термин, понятие и концепт // Приволжский научный вестник. 2014. № 6 (34). С. 106–108.

⁵ См.: Иванов Е. А. Логика. М.: Издательство БЕК, 1998. С. 44–103.

⁶ См.: Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский [и др.]. М.: ИНФРА-М, 1997. С. 251.

проекта под системой мы понимаем любое комплексное единство, состоящее из взаимозависимых элементов. Предметом нашего исследования является вид институционального дискурса (массово-информационный испаноязычный и русскоязычный), в котором адресант выступает представителем определённой социальной этнической группы. Актуальность выбранной нами тематики обосновывается необходимостью формирования ПКА и с его помощью реализации более глубокого исследования и лингво-прагматического описания любого вида институционального дискурса.

Для выявления базовых понятий дискурсивного анализа необходимо понимать его цели и задачи. Исходя из ключевых концептов научного исследования и из того, что дискурс выполняет, помимо прочих, когнитивную и прагматическую функции, дискурсивный анализ предполагает исследование вербальных / невербальных продуктов речевой деятельности.

Текст, дискурс и дискурсивное исследование

Результатом многолетних исследований феномена «дискурс» стало формирование методологической базы многочисленных теорий дискурса, в основе которых помимо дескриптивно-аналитической теории речевых актов Дж. Л. Остина (J. L. Austin)¹ лежат принципы интердисциплинарной парадигмы, которые подразумевают рассмотрение понятия «дискурс» комплексно, системно.

Понятие «дискурс» в силу своей мультивариативности и полисемии вышло за рамки языкознания и должно рассматриваться в совокупности с другими понятиями и в контексте нескольких гуманитарных наук.

Идеи «лингвистического постмодернизма» [1], которые основываются на

переосмыслении базовых концептов науки о языке, позволяют нам осуществить «демонтаж философских основ структуральной лингвистики и семиотики» [1] и применить в настоящем исследовании институционального дискурса системный анализ, который подразумевает наличие комплекса следующих основных понятий и категорий: дискурсивность, процессуальность, интегративность, интертекстуальность, интердискурсивность, интерпретативность, концептуализация, креативность, волитивность.

Практическим материалом данного исследования являются электронные тексты испанского и русского массово-информационного дискурса, которые репрезентуют сложное интердискурсивное пространство, интегрирующее первичный массово-информационный дискурс и вторичные (новостной, политический, рекламный, экономический, спортивный и др.) дискурсы.

С середины XX – начала XXI века наблюдается интенсивный процесс инкорпорирования прагматического, социологического и когнитивного компонентов в лингвистические исследования, вследствие чего многие термины в области речевой деятельности употребляются дифференцировано. Важно отметить тот факт, что согласно лингвофилософским законам, в основе системного анализа языка речевой деятельности лежит диалектический метод². Согласно Словарю лингвистических терминов Т. В. Жеребило (2010 г.) диалектический метод – это метод лингвистического анализа текста, который позволяет рассматривать текст как системно-структурную единицу и нацелен на рассмотрение явлений действительности в развитии и взаимной обусловленности³.

¹ Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.

² См.: Зубкова Л. Г. Общая теория языка в развитии. М.: Из-во РУДН, 2002. С. 437.

³ См.: Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов; изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. С. 91.

Для выявления феноменологии институционального или статусно-ориентированного дискурса (мы используем терминологию В. И. Карасика¹) необходимо раскрыть некоторые базовые понятия многих современных исследований, связанных с дискурсом. Такие понятия как «текст», «дискурс», «дискурсивные практики», «дискурсивность» в *новейшей* / постмодернистской лингвистике постепенно приобретают определённые толкования.

Так, *текст* преимущественно определяется как элемент письменной коммуникации [13], как предмет языковой деятельности [5], «как статический объект, результат языковой деятельности» [3, с. 6]. *Дискурс* трактуется, с одной стороны, как динамический процесс языковой деятельности, «вписанный в социальный контекст» [6, с. 28], а с другой стороны – как «результат языковой деятельности» [6, с. 39].

В постмодернистской науке дискурс рассматривается как процесс познания, в котором одновременно взаимодействуют постоянные (философские, общекультурные, исторические, национально-специфические) и меняющиеся (коммуникативные, социальные, концептуальные) параметры. Некоторые исследователи при описании дискурсивных практик применяют одновременно несколько уровней научного анализа: культурно-исторический, коммуникативно-социальный, лингвокультурологический [11].

Дискурсивные практики – это категория, обозначающая свойство речевой деятельности непрерывно и последовательно преобразовываться во времени, и подразумевает наличие «множества самых различных типов и видов дискурсов, функционирующих одновре-

менно и пронизывающих социальное пространство»².

Параметры системного анализа институционального дискурса

Дискурс как постмодернистская лингвокогнитивная парадигма априори предполагает поиск комплексного подхода, позволяющего успешно реализовать исследование. В данной работе мы делаем попытку определить фундаментальные понятия и категории дискурсивного анализа. Прежде всего, мы выделяем категорию *дискурсивность* в качестве одной из константных категорий анализа любого вида дискурса.

Согласно энциклопедии постмодернизма, *дискурсивность* – это специальный термин постмодернистской философии, установленный для фиксации «процессуальности дискурсивных практик», в которых проявляется «безграничный креативный потенциал» для выражения смысла без социокультурных ограничений³. Таким образом, понятие «дискурсивные практики» напрямую коррелирует с категорией «*дискурсивность*», которая обозначает *процессуальность* и *системность* дискурса, и с категорией *интердискурсивность*, которая рассматривается нами как процесс интеграции двух или более дискурсов.

Мы учитываем тот факт, что дискурс реализуется в пространственно-временном континууме, что приводит к появлению определённого информационного кластера, которому характерны различные процессы: языковые (фонетические, лексико-грамматические, коммуникативные), смысловые, синергические.

¹ См.: Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

² См.: ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике: [сайт]. URL: https://sociology_encyclopedia.academic.ru/306/ДИСКУРСИВНЫЕ_ПРАКТИКИ (дата обращения: 09.12.2022).

³ См.: Можейко М. А. Дискурсивность [Электронный ресурс] // Энциклопедия постмодернизма: [сайт]. URL: <http://niv.ru/doc/philosophy/encyclopedia-post-modern/index.htm> (дата обращения: 05.12.2022).

Применяя системный анализ в исследовании институционального дискурса, мы не можем игнорировать категорию *процессуальность*, которая свойственна, по мнению Т. В. Жеребило, «языковой материи на всех уровнях» [7]: фонетическом, грамматическом, лексическом и коммуникативном. Парадигматические и синтагматические свойства дискурса доказывают его *процессуальность*. Понятие *процессуальность* совмещает в себе два значения. С одной стороны, это способность языковых единиц разного уровня (от текста до дискурса) к самоструктурированию. С другой стороны, процессуальность является «одним из свойств нашего познания» [7].

Мы, вслед за Т. В. Жеребило, считаем, что *процессуальность* – это совокупность нерасчленённых процессов протяжённых во времени, целью которой является осмысление роли вербальных / невербальных средств в целостной системе. На наш взгляд, данная категория способствует передаче «содержательно-концептуальной информации» [10, с. 16] заложенной в одном или более дискурсов.

В контексте нашего анализа мы должны вернуться к понятию *дискурсивность*, чтобы отметить факт существования в современной лингвистической науке двух версий толкования этого концепта – коммуникативного и структурно-семиотического. Коммуникативное прочтение категории *дискурсивность* позволяет определять его как вербальный / невербальный процесс в определённом пространственно-временном контексте, обозначающий системность и процессуальность дискурса одновременно. Согласно структурно-семиотической интерпретации – *дискурсивность* понимается как семиотический процесс, реализующийся в различных типах дискурсивных практик (М. Фуко, Р. Барт, Ю. Кристева, Н. В. Иванов, М. Н. Федулова и др.). Так, Р. Барт, рассуждая о дискурсе как о межтекстовом комплексном единстве, выделяет основные его характеристики –

функциональность и процессуальность¹. *Дискурсивность* как процесс рождает непрерывность и целостность речевой деятельности, а как категория коррелирует с *интегративностью*.

Интегративность – одна из базовых категорий текста, выполняющая объединяющую функцию для достижения целостности текста. Субъединицей дискурса является текст, который не может существовать вне дискурса. Известно, что размежевание трёх понятий – текст / дискурс / коммуникация – намечилось в восьмидесятые годы прошлого столетия, и появилось понимание того, что дискурс – это логически-последовательный текст, обладающий экстралингвистическими параметрами²; об этом писал известный российский лингвист профессор Ю. С. Степанов. Другой не менее известный российский лингвист профессор И. Р. Гальперин считал, что текст «необходимо рассматривать как упорядоченную форму коммуникации» [3, с. 11], а дискурс как уровень речи, которая, по его мнению, системна. Мы полагаем, что диалектическая интегративность языка и речи даёт возможность определить степень соответствия / несоответствия семантических и смысловых параметров языковой единицы, а коммуникативная динамика дискурса позволяет определить интерпретационную природу языкового и речевого знака.

Следующая категория нашего анализа – *интерпретативность*, которая трактуется нами как результат деятельности адресанта / интерпретатора, вербализующего своё понимание смысла. *Интерпретативность* напрямую связана с дискурсивностью. Феномен интерпретации, по мнению современных учёных (Н. В. Иванов, М. Н. Федулова), обнару-

¹ См.: Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

² См.: Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований // Общая лингвистика; 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 5–16.

живает себя «как некоторый опыт культурного осмысления», «служит родовым критерием для всех уровней научного рассмотрения дискурса и является основанием наиболее точного и полного определения его природы» [8; 12].

Единицей нашего анализа является текст как особый феномен / *интертекст*, который несёт в себе свойства целого, состоящего из языковых элементов, объединённых общей семантической функцией. Считается, что *интертекстуальность* – текстовая категория, воплощающая соотносённость нескольких текстов в одном процессе их функционирования. Предтечей понятия «*интертекстуальность*» были идеи М. М. Бахтина о межтекстовых связях художественного произведения, которые позднее в лингвистике текста рассматривались учёными как процесс интерактивности своей (автора) и чужой (цитаты, аллюзии, реминисценции и т. д.) речи. Известные семиотики Р. Барт¹ и Ю. М. Лотман² описывали это явление, называя его «интертекстуальность», как «текст в тексте».

Интертекстуальность непосредственно соотносится с *интердискурсивностью*, ещё одной базовой категорией анализа. Мы, вслед за В. Е. Чернявской³ – специалистом в области лингвистики текста и лингвистики дискурса, считаем, что *интердискурсивность* – это актуализация текстового фрагмента, принадлежащего одному типу дискурса, в ином дискурсе, в результате чего наблюдается наложение языковых элементов, стратегий, структур и характеристик исходных дискурсов на *инодискурсы*. Применяя семиотические исследования

предшественников о категории *интертекстуальность*, можно охарактеризовать *интердискурсивность* как дискурс в дискурсе, из чего следует, что опорой для определения является категория *дискурсивность*. Становится очевидным, что в процессе речевой деятельности в любом её виде происходит взаимодействие различных видов дискурсов, в результате чего возникает сложное интердискурсивное гиперпространство.

Появление понятия *интердискурсивность* в современной науке объясняется тем, что, с одной стороны, многозначный термин «дискурс» широко используется в ряде гуманитарных дисциплин: лингвистике, семиотике, литературоведении, социологии, лингвокультурологии, когнитивистике и т. д. С другой стороны, *интердискурсивность* – это форма интертекстуальной или мультитекстуальной коммуникации, что подтверждает факт их соотносённости в определённых коммуникативных условиях.

Человек, познающий мир, всегда настроен на осознание, анализ и типологизацию информации, в результате чего в его сознании формируется системно-структурное образование из концептов⁴, т. е. идёт процесс концептуализации. *Концептуализация* – это процесс приобретения языковой единицей концепта, который, по мнению Ю. С. Степанова, является квинтэссенцией этнокультурных сущностей [11, с. 42–52]. В результате процесса *концептуализации* языковая единица приобретает дополнительные смыслы и может служить ключом для понимания волеизъявления адресанта.

Понятие, которое, как нам кажется, в полном объёме реализуется в большинстве видов дискурса – это *креативность*.

Феномен «креативность» это сложная многокомпонентная когнитивная единица. Считается, что это понятие было введено в научный обиход Д. Сипмсоном

¹ См.: Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М., 1989. С. 413–423.

² См.: Лотман Ю. М. Текст в тексте // Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 147–160.

³ См.: Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, Интертекстуальность, Интердискурсивность. М.: Либроком, 2009. 248 с.

⁴ См.: Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов; изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. С. 165.

(D. Simpson) в 1922 г., который трактовал его как «способность человека, отказавшегося от стереотипных способов мышления»¹.

Американский психолог Г. Гарднер (H. Gardner) определял креативность как способность человека использовать «лингвистический интеллект», работая со словом, креативность как и речь, по его мнению, «является превосходным примером человеческого интеллекта» [4].

Позднее появилось понятие «лингвистическая / вербальная креативность», которое разрабатывали отечественные учёные в области психологических, педагогических наук (А. В. Галкина, Т. В. Тюленева, Г. А. Халюшова и др.). Мы, вслед за исследователями в этой области, считаем, что индивид способен применять уникальные, специфические ресурсы языка и возможности для вербального воспроизведения своих идей². Категориальные признаки лингвистической креативности позволяют адресанту, в соответствии с поставленной коммуникативной задачей, воплотить свой замысел в отдельном слове / высказывании / тексте. *Креативность* напрямую связана с модальной категорией *волитивность*.

Волитивность – категория, лежащая в основе интегративности текста, рассматривается нами как эмоционально-значимая единица, посредством которой воплощается волеизъявление адресанта. Подтверждение наличия указанной кате-

гории в любом виде дискурса мы находим у М. М. Бахтина, который декларирует, что любое речетворчество, независимо от формы его бытования, несёт в себе «волю говорящего» [2].

Заключение

Реализовать системный анализ институционального дискурса нам позволили базовые принципы лингвистического постмодернизма. Применив в данной работе вышеупомянутый анализ к исследованию массово-информационного дискурса испаноязычной и русскоязычной этнокультур на примере электронных текстов СМИ, которые репрезентуют сложное интердискурсивное пространство, интегрирующее первичный массово-информационный дискурс и вторичные (новостной, политический, рекламный, экономический и др.) дискурсы, мы пришли к выводу, что все вышеперечисленные категории: *дискурсивность, процессуальность, интегративность, интертекстуальность, интердискурсивность, интерпретативность, концептуализация, креативность, волитивность* – реализованы в полном объёме в указанных дискурсах.

Важный вывод, к которому мы пришли в ходе нашего исследования, – в процессе научно-исследовательской работы автор должен постоянно мониторить согласованность сущностной составляющей ПКА с умозаключениями, к которым он приходит, т. к. понятия, особенно когда дело касается дискурсивных практик, не находятся в состоянии стагнации, они находятся в состоянии эволюции и могут вступать в синонимические отношения с другими понятиями, видоизменяться.

Дата поступления в редакцию 16.12.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-синергетическое направление в современном лингвистическом постмодернизме // Международный конгресс по лингвистике: сборник материалов / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 606–608.

2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
4. Гарднер Г. Структура разума: теория множественного интеллекта / пер. с англ. А. Н. Свирид. М.: Вильямс, 2007. 801 с.
5. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // IV Международная научная конференция «Язык, культура, общество». Москва, 27–30 сентября 2007 г.: Пленарные доклады. М.: Московский институт иностранных языков; Российская академия лингвистических наук; Институт языкознания РАН; Научный журнал «Вопросы филологии», 2007. С. 86–95.
6. Дискурс как новая лингвофилософская парадигма: учебное пособие / сост. А. Г. Горбунов. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. 56 с.
7. Жеребило Т. В. Методы лингвистического исследования и описания языка, обусловленные функционально-стилистическим инвариантом языковой системы // *Lingua-universum*. 2007. № 3. С. 97–104.
8. Иванов Н. В. Федулова М. Н. Фигура дискурса // Дискурс профессиональной коммуникации. 2019. Т. 1. № 3. С. 9–25. DOI: 10.24833/2687-0126-2019-1-3-9-25.
9. Карасик В. И. Дискурсивная точность: функциональные характеристики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3. Т. 2. С. 61–71. DOI: 10.18384/2310-712x-2022-3-2-61-71.
10. Левченко М. Н. Категория информативности в философском тексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 14–23. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-14-23.
11. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Издательский дом «ЯСК», 1997. 824 с.
12. Федулова М. Н. Интерпретационная природа дискурса в социокультурном и коммуникативном измерениях (на материале английских и русских текстов судебной риторики): дисс. ... докт. филол. наук. М., 2020. 315 с.
13. Пурикова Л. В. Дискурсивные стратегии как объект когнитивно-прагматического анализа коммуникативной деятельности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4 (13). С. 98–108.

REFERENCES

1. Alefirenko N. F. [Cognitive-synergetic direction in modern linguistic postmodernism]. In: *Mezhdunarodnyy kongress po lingvistike: sbornik materialov* [International Congress on Linguistics: collection of materials]. Tambov, Tambov State University Publ., 2008, pp. 606–608.
2. Bakhtin M. M. [Forms of time and chronotope in the novel]. In: Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1975, pp. 234–407.
3. Gal'perin I. R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 144 p.
4. Gardner H. *Frames of mind: The theory of multiple intelligences* (Russ. ed.: Svirid A. N., transl. *Struktura razuma: teoriya mnozhestvennogo intellekta*). Moscow, Vil'yams Publ., 2007. 501 p.).
5. Demyankov V. Z. [Text and discourse as terms and as words of ordinary language]. In: *IV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Yazyk, kul'tura, obshchestvo»*. Moskva, 27–30 sentyabrya 2007 g.: *Plenarnyye doklady* [V International Scientific Conference “Language, Culture, Society”. Moscow, September 27–30, 2007: Plenary presentations]. Moscow, Scientific journal “Voprosy filologii” Publ., 2007, pp. 86–95.
6. Gorbunov A. G., comp. *Diskurs kak novaya lingvofilosofskaya paradigma* [Discourse as a new linguo-philosophical paradigm]. Izhevsk, Udmurt University Publ., 2013. 56 p.
7. Zherebilo T. V. [Methods of linguistic research and description of the language, due to the functional and stylistic invariant of the language system]. In: *Lingua-Universum*, 2007, no. 3, pp. 97–104.
8. Ivanov N. V., Fedulova M. N. [Figure in discourse]. In: *Diskurs professional'noy kommunikatsii* [Professional Discourse & Communication], 2019, vol. 1, no. 3, pp. 9–25. DOI: 10.24833/2687-0126-2019-1-3-9-25.

9. Karasik V. I. [Discourse precision: functional characteristics]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2022, no. 3, vol. 2, pp. 61–71. DOI: 10.18384/2310-712x-2022-3-2-61-71.
10. Levchenko M. N. [The category of information in a philosophical text]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2022, no. 1, pp. 14–23. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-14-23.
11. Stepanov Yu. S. *Konstanty: slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants: a dictionary of Russian culture. Research experience]. Moscow, «YASK» Publ., 1997. 824 p.
12. Fedulova M. N. *Interpretatsionnaya priroda diskursa v sotsiokul'turnom i kommunikativnom izmeneniyakh (na materiale angliyskikh i russkikh tekstov sudebnoy ritoriki): diss. ... dokt. filol. nauk* [Interpretive nature of discourse in socio-cultural and communicative dimensions (on the material of English and Russian texts of judicial rhetoric): D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2020. 315 p.
13. Tsurikova L. V. [Discourse strategies in cognitive-pragmatic analysis of communication]. In: *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2007, no. 4 (13), pp. 98–108.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зененко Наталья Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романских языков факультета иностранных языков Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации;
e-mail: zenenko@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalya V. Zenenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Romance Languages, Faculty of Foreign Languages, The Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;
e-mail: zenenko@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зененко Н. В. Параметры системного анализа институционального дискурса разных этнокультур // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 39–47.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-39-47

FOR CITATION

Zenenko N. V. Parameters of the system analysis of the institutional discourse of different ethnocultures. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 3, pp. 39–47.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-39-47

УДК 81.1

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-48-56

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ДЕТЕКТИВНЫХ РОМАНАХ АВТОРОВ-ЖЕНЩИН (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Зенцова В. С.*Государственный университет просвещения**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявление стилистических приёмов при описании гендерных стереотипов в детективном романе авторов-женщин на материале немецкого и русского языков.

Процедура и методы. Проведён анализ гендерно-ориентированных высказываний в немецком и русском детективных романах при использовании метода контент-анализа, сопоставительного анализа и метода лингвистического анализа с точки зрения участия высказываний в гендерных стереотипах.

Результаты. В работе доказано, что авторы-женщины используют такие стилистические приёмы для создания гендерных стереотипов, как сравнение, детальное описание цвета, метафоры и эмоционально-окрашенные слова, таким образом становясь источником языковой картины мира представителей немецкой и русской лингвокультур.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования весьма полезны при интерпретации текстов, что значимо как для сопоставительного языкознания, так и при изучении иностранного языка.

Ключевые слова: гендер, гендерные стереотипы, детектив, женщина, мужчина, речевая реализация

STYLISTIC FEATURES OF THE REPRESENTATION OF GENDER STEREOTYPES IN DETECTIVE NOVELS BY FEMALE AUTHORS (BASED ON THE MATERIAL OF GERMAN AND RUSSIAN)

V. Zentsova*State University of Education**ulitsa Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify stylistic techniques in the description of gender stereotypes in detective novels by female authors based on the material of German and Russian.

Methodology. The analysis of gender-oriented statements in German and Russian detective novels is carried out using the method of content analysis, comparative analysis and the method of linguistic analysis from the viewpoint of the statements participation in gender stereotypes.

Results. The paper proves that female authors use such stylistic techniques to create gender stereotypes as comparison, detailed description of color, metaphors and emotionally colored words, thus becoming a source of the linguistic worldview of representatives of German and Russian linguistic cultures.

Research implications. The results of the study are highly useful in the interpretation of texts, which is significant both for comparative linguistics and for learning a foreign language.

Keywords: gender, gender stereotypes, detective, woman, man, speech realization

Введение

Цель настоящего исследования – выявление стилистических приёмов при описании гендерных стереотипов в детективном романе авторов-женщин на материале немецкого и русского языков.

К задачам данного исследования относятся: поиск и выявление в текстах детективных романов гендерных стереотипов, которые могут быть представлены как отдельным словом, так и сложным высказыванием, а также определение роли гендерных стереотипов в языковой картине мира при использовании контент-анализа, сопоставительного анализа и метода лингвистического анализа с точки зрения участия исследуемых единиц в гендерных стереотипах.

Актуальность темы исследования определяется направленностью работы, её проблематикой, самой необходимостью изучения стилистических особенностей репрезентации гендерных стереотипов детективных романов авторов-женщин. Предпринятое исследование раскрывает сам процесс того, как стилистические особенности влияют на культурный код, на формирование гендерных стереотипов в детективных романах, каким образом авторы-женщины детерминируют дистинктивные признаки гендерных стереотипов.

Новизна и оригинальность данного исследования представляется в том, что впервые предпринимается анализ стилистических приёмов при описании гендерных стереотипов в детективных романах авторов-женщин, которое помогает выявить конституенты для установления возможности их существования и развития в сопоставительном аспекте немецкой и русской лингвокультуры. Связь гендерных стереотипов и стилистических средств в детективном романе ранее не рассматривалась в сопоставительном

аспекте на материале немецкого и русского языков.

Теоретической базой данной работы послужили труды отечественных и зарубежных учёных в сфере лингвокультурологии, типологии текста, таких как Е. Бартминьский [2], И. Д. Баландина [1], Н. С. Болотнова [3], И. Р. Гальперин [4], Т. П. Дежина [5], А. В. Кирилина [6], М. Н. Левченко [7; 8; 13], У. Липпман [9], В. А. Маслова [10], О. И. Москальская [11], Р. Лакофф (R. Lakoff) [12] и др.

Объектом исследования являются гендерные высказывания детективных романов на материале немецкого и русского языков. Предметом исследования являются стилистические приёмы создания гендерного оттенка высказываний.

Детективный текст понимается как повествование о раскрытии тайны, расследовании некоего опасного и запутанного преступления в ограниченном пространстве в определённых временных рамках [7, с. 25]. Поскольку расследование преступления осуществляется с опорой на законы логики, детективный текст имеет чёткую логическую структуру: композиция – описание преступления – процесс расследования – раскрытие преступления – кульминация – идентификация преступника.

Детективный текст обусловлен правдоподобием вымысла, малым количеством ярких персонажей и их типовых функций. В детективном тексте можно выделить пять основных типов персонажей:

- главный герой (сыщик-детектив);
- герой-рассказчик (часто это правая рука детектива);
- заказчик (потерпевший);
- персонажи, которые играют второстепенную роль в расследовании (свидетели);
- преступник.

Основополагающие категории детективного романа, которые являются носителями объективного (персонаж) и субъективного (автор), занимают одно из главных положений в тексте вследствие его антропоцентричности. Это также объясняет и путь интерпретации детективного романа, лежащего в основе антропоцентрического подхода. Автор приписывает персонажу чувства, которые представляются нам в тексте как объективно существующие в действительности, а чувства, которые испытывает сам автор, имеют субъективную окраску.

Прежде чем приступить к анализу гендерно-значимых единиц в детективном романе, стоит обратить внимание на само понятие гендерный стереотип.

Понятие «стереотип» введено У. Липпманом [9] в 1922 г., оно получило дальнейшее развитие в социологии и социальной психологии. У. Липпман под понятием «стереотип» подразумевал упрощённое, заранее воспринятое представление о явлениях и предметах, которое не исходит из собственного опыта человека, а возникает на основе опосредованного восприятия.

У. Липпман предлагал следующие аспекты стереотипов:

1. Все стереотипы ложны.
2. Стереотипы «живучи».
3. Стереотип проще, чем реальность.
4. Стереотипы приобретаются людьми, а не формулируются сами на основе человеческого опыта [9, с. 169].

Одной из основных причин возникновения стереотипов У. Липпман выделяет экономию усилий, однако кроме неё, исследователь называет и то, что зачастую системы стереотипов могут быть стержнем нашей собственной традиции, они составляют цельную картину мира, человек чувствует свою причастность к этому миру и над ним уже надстраиваются вкусы, возможности, привычки. Исследователь утверждает, что стереотипы появились по причине стремления познать уникальность своей культуры пу-

тём сравнения её с другими этническими группами. В этом контексте стереотипы понимались так же, как предрассудки или общественные суждения о своей или чужой культуре.

Подводя итог, можно сказать, что У. Липпман понимает стереотип как понятие, с помощью которого человек познаёт и интерпретирует мир.

В работе А. В. Кириловой гендерный стереотип определяется как частный случай стереотипа, отнесённый к знаниям о лицах разного пола, которым приписываются определённые признаки, что отражается в особенностях синтагматических связей рассматриваемых единиц [6].

Стоит обратить внимание и на признаки «женского языка» выделенные Робин Лакофф [12], которые отличают его от мужского, например:

- разделительные вопросы;
- супервежливость;
- гиперкорректность;
- специализированный словарь, связанный со сферами деятельности, традиционно считающимися женскими;
- аффективные прилагательные и слова-интенсификаторы;
- склонность к эвфемизмам;
- слова и фразы, которые смягчают категоричность выражения;
- особенности цветообозначения.

Анализ языкового материала

Материалом исследования послужили гендерные высказывания современных детективов немецкой женщины-автора Неле Нойхаус «Eine unbeliebte Frau»¹ и русской женщины-автора Александры Марининой «Мужские игры»². Общее количество гендерных высказываний в русском языке составило 146, в немецком языке – 153.

¹ Neuhaus N. Eine Unbeliebte Frau. Berlin: Verlag der Ullstein Buchverlage GmbH, 2009. 451 S. Далее – Neuhaus N. Eine Unbeliebte Frau, с указанием номера страниц для иллюстративного материала.

² Маринина А. Мужские игры. М.: Эксмо, 2020. 448 с. Далее – Маринина А. Мужские игры, с указанием номера страниц для иллюстративного материала.

Данные детективы выбраны не случайно, так как уже в названиях произведений находятся гендерные признаки. Например, в детективном романе “Eine unbeliebte Frau” («Ненавистная женщина») повествуется об убитой загадочным образом женщине, к которой каждый относился с презрением: некоторые из-за её красоты, а другие – из-за ревности. В русском детективном романе «Мужские игры» речь идёт о серийном маньяке, который задушил в течение короткого времени семь человек. Весь роман Александра Маринина обращает внимание читателя на отношения мужчин между собой и отношение мужчин к женщинам. Благодаря определённым языковым средствам авторы-женщины зачастую транслируют свои собственные мысли, из-за чего складывается приятная атмосфера в первую очередь для читателей-женщин, так как их мысли нередко совпадают с авторскими.

1. Использование детального описания внешности при помощи цветообозначения

Рассмотрим примеры из немецкого детективного романа женщины-автора Неле Нойхаус “Eine unbeliebte Frau”.

Cosima war eine aparte Frau mit klaren Gesichtszügen, faszinierend grünen Augen und tizianrotem Haar¹. Er war Mitte fünfzig, trug das mausbraune Haar mit einem toupetähnlichen Seitenscheitel und hatte eine Vorliebe für braune Anzüge und braune Schuhe mit Gummisohlen². In sein volles, dunkles Haar mischten sich erste graue Strähnen, und die blauen Augen hinter den dicken Gläsern seiner Brille blickten wachsam und abwartend³.

В приведённых выше примерах видно, что автор-женщина для описания цвета волос выбирает не обычные цвета, а редкие, используя оттенки, например: *tizi-*

anrotes Haar (волосы медного цвета), das mausbraune Haar mit einem toupetähnlichen Seitenscheitel (каштановые волосы мышиного оттенка), in ... dunkles Haar mischten sich erste graue Strähnen (густые волосы с пробивающимися первыми седыми прядками).

В немецком детективном романе автор-женщина уделяет большое внимание цвету волос героев, особенно женщин, в свою очередь, в русском детективном романе ситуация иная. Рассмотрим следующие примеры.

Мельник помолчал, глядя куда-то в сторону, потом поднял на Юру колючие светлые глаза⁴. Сегодня он ещё раз посмотрит, как черноглазый сыщик проведет день, и на этом все⁵. Анна долго смотрела на него, не произнося ни слова, и Парыгин вдруг увидел, какие у нее огромные желто-зеленые глаза⁶.

Александра Маринина, таким образом, большое внимание в описании внешности уделяет глазам, используя такие лексические сочетания, как: *черноглазый сыщик, огромные желто-зеленые глаза, колючие светлые глаза.*

Таблица 1 / Table 1

Количественный анализ лексем «Волосы» и «Глаза» в немецком и русском детективных романах / Quantitative analysis of the lexemes “Hair” and “Eyes” in German and Russian detective novels

	Глаза (Augen)	Волосы (Haar)
“Eine unbeliebte Frau”	45	71
«Мужские игры»	103	33

Источник: по данным автора

В табл. 1 продемонстрирован количественный анализ лексем «Волосы» и «Глаза» в немецком и русском детективных романах. Соответственно, в немецком

¹ Neuhaus N. Eine Unbeliebte Frau. S. 10.

² Neuhaus N. Eine Unbeliebte Frau. S. 42.

³ Neuhaus N. Eine Unbeliebte Frau. S. 53.

⁴ Маринина А. Мужские игры. С. 51.

⁵ Маринина А. Мужские игры. С. 243.

⁶ Маринина А. Мужские игры. С. 269.

детективном романе встречается больше лексема “Haar”, в русском детективном романе лексема «Глаза». При этом Неле Нойхаус не применяет к лексеме “Augen” стилистических приёмов и использования оттенков, также как и Александра Маринина в случае с лексемой «Волосы».

2. Использование метафоры для конкретизации особенностей поведения героев

Перейдём к анализу метафор из немецкого детективного романа женщины-автора Неле Нойхаус “Eine unbeliebte Frau”:

Susanne Kampmann war nicht etwa eine Meisterin der Selbstverleugnung, sie war eine Löwin, die ihr Eigentum, wenn nötig mit Klauen und Zähnen verteidigte¹. Die Jagoda ist total krank im Kopf. Ein fetter Minderwertigkeitskomplex auf zwei Beinen².

Автор-женщина использует метафоры для того, чтобы как можно ярче раскрыть образы персонажей и обратить на них внимание читателей. Женщину-домохозяйку автор раскрывает как львицу, которая боролась за свою собственность когтями и зубами, а мужчину-бизнесмена называет «жирным комплексом неполноценности на двух ногах».

Василий Валерианович, высокий, худой, с длинным морщинистым лицом и очками в тяжёлой оправе, встретил его дежурной улыбкой³. Настя с неудовольствием подумала, что Барин прибегает к старым дешевым приемам, а у нее нет практики, она к таким ситуациям не очень-то привычна⁴.

Александра Маринина через метафорическое значение слов передаёт авторскую оценку поведения мужчин с женщинами. В романе часто можно встретить, что герои-мужчины «прибегают к дешёвым приёмам» для привлечения внима-

ния у женщин, встречают их с «дежурной улыбкой», которая ничего не обозначает.

Таким образом, в немецком и русском детективных романах авторы-женщины используют метафору, одной из главных целей которой является передача глубины и характера собственного видения мира. Метафора помогает приблизиться к разгадке идейного содержания художественного романа.

3. Использование сравнения для описания гендерной особенности внешности и характера

Прокомментируем следующий иллюстративный материал:

Ich kann mir schon denken, dass die Kaffeetanten, mit denen Sie eben gesprochen haben, kein gutes Haar an ihr gelassen haben⁵. Heute sieht sie aus wie Barbie nach zehn Botox-Behandlungen. Weißblonde Haare, dicke Schminke, abgehungert, mit falschen Fingernägeln und mit Schmuck behängt wie ein Pfingstochse⁶. Die sieht ja aus wie Frankensteins Gesellenstück, murmelte Pia⁷.

Для описания внешности Неле Нойхаус часто использует сравнения, например: *die Kaffeetanten, wie Barbie, wie Frankensteins Gesellenstück*. В каждом случае сравнение имеет отрицательную коннотацию: женщины сравнивают других женщин с «кошёлками, Барби, чудовищем Франкенштейна». Автор-женщина использует этот приём для того, чтобы усилить отрицательные впечатление читателей от внешности героев.

Александра Маринина также использует сравнение, но не для описания внешности героя, а для описания его характера и чувств. Рассмотрим следующие примеры:

Она уже начинала вести себя как полноправная жена Парыгина, имеющая право требовать у него отчета о каждом шаге и в каждой минуте, проведенной

¹ Neuhaus N. Eine Unbeliebte Frau. S. 382.

² Neuhaus N. Eine Unbeliebte Frau. S. 438.

³ Маринина А. Мужские игры. С. 33.

⁴ Маринина А. Мужские игры. С. 51.

⁵ Neuhaus N. Eine Unbeliebte Frau. S. 99.

⁶ Neuhaus N. Eine Unbeliebte Frau. S. 117.

⁷ Neuhaus N. Eine Unbeliebte Frau. S. 29.

без ее пригляда¹. Она не сопротивлялась, но и не помогла ему, просто стояла, **как тряпичная кукла**, которая упадет, как только ее перестанут поддерживать². А он встретил ее в штыки, **словно ушат ледяной воды** на нее вылил³.

Из примеров следует, что автор-женщина с помощью сравнения репрезентирует внутренний образ героя, передавая своё собственное отношение к нему. Автор прибегает к сравнению «как полная правная жена» для женщины, требующей отчёта от мужчины, а другую героиню, которой можно управлять, сравнивает с тряпичной куклой.

4. Использование эмоционально-окрашенных слов

Благодаря эмоционально-окрашенным словам авторы-женщины могут передать одобрительную или неодобрительную коннотацию гендерного характера по отношению к герою или событию, которое они описывают. Рассмотрим следующие примеры из немецкого детективного романа:

*Pia musste sich anstrengen, damit sie die Frau nicht wie eine **debile Zwölfjährige** mit offenem Mund anstarrte⁴. Der rothaarige Feldwebel mit **Mops Gesicht** öffnete in dem Augenblick die Tür, ohne vorher angeklopft zu haben⁵. Isabel war eine arrogante, **blöde Kuh** und hatte einen Mann wie Micha überhaupt nicht verdient⁶.*

Неле Нойхаус использует такие эмоционально-окрашенные слова, как **debile Zwölfjährige**, **Mops Gesicht**, **blöde Kuh**. Данные слова используются в качестве индикатора именно женского поведения в детективном романе, и с помощью них автор-женщина передаёт свою отрицательную оценку действиям женских персонажей.

Александра Маринина в детективном романе также использует эмоционально-окрашенную лексику, но в другом ключе. Рассмотрим примеры:

*Вы использовали меня втемную, как **безмозглую куклу**, вы двигали меня, как пешку по шахматной доске⁷. Лола не выдержала затворничества и съездила к себе домой **за какой-то ерундой**, без которой, по мнению Парыгина, можно было еще сто лет прожить без забот⁸. Короче, пятерок она не ставила никому, а шанс получить четверку был только у **самых замухрышистых**⁹. Конечно, парни от нее **как от чумы шарахались**¹⁰.*

При помощи эмоционально-окрашенных слов автор-женщина в русском тексте сигнализирует об отношении мужчин к женщинам, например, несмотря на то, что героини вынуждены были оставаться в заточении, женщине всё равно понадобилась «какая-то ерунда», без которой бы мужчина мог обойтись. Отрицательную коннотацию несёт сравнение использования женщины как безмозглой куклы, а также описание отношения к героине окружающих, которые шарахаются «от неё как от чумы».

Заключение

Итак, при анализе произведений немецкого автора Неле Нойхаус «Eine unbeliebte Frau» и русского автора Александры Марининой «Мужские игры» было выяснено, что для авторов-женщин характерно применение в тексте стилистических приёмов для выражения гендерных стереотипов, так как именно авторы-женщины наиболее чувствительны к гендерно-ориентированным высказываниям.

Показано, что авторы-женщины используют в качестве средств для создания гендерных стереотипов детальное описание цвета, стилистические приёмы –

¹ Маринина А. Мужские игры. С. 190.

² Маринина А. Мужские игры. С. 251.

³ Маринина А. Мужские игры. С. 383.

⁴ Neuhaus N. Eine Unbeliebte Frau. S. 15.

⁵ Neuhaus N. Eine Unbeliebte Frau. S. 33.

⁶ Neuhaus N. Eine Unbeliebte Frau. S. 53.

⁷ Маринина А. Мужские игры. С. 569.

⁸ Маринина А. Мужские игры. С. 408.

⁹ Маринина А. Мужские игры. С. 4.

¹⁰ Маринина А. Мужские игры. С. 93.

сравнения, метафоры, а также эмоционально-окрашенные средства.

Дополнительно можно сделать выводы относительно гендерных стереотипов, существующих в русской и немецкой языковых картинах мира. В русской картине мира уделяется большое значение глазам. В русском фразеологическом поле существует и пословица «Глаза – зеркало души». В немецкой картине мира большое внимание придаётся волосам, во фразеологической картине мира это отражает пословица “Andere Jahre, andere Haare”.

Авторы-женщины рассмотренных немецкого и русского детективных романов активно используют стилистический приём сравнения для передачи внешности и характера героев. Неле Нойхаус благодаря сравнению усиливает внешность героинь, а Александра Маринина

описывает с помощью сравнения чувства и эмоции женских персонажей.

Эмоционально-окрашенные слова служат авторам-женщинам в качестве помощника для выражения собственных мыслей и чувств по отношению к героям и событиям.

Стилистические приёмы при описании гендерных стереотипов и их языковые репрезентации (список которых не является закрытым) в текстах детективных романов, являются одним из важных элементов языковой картины мира, в данном случае немецкой и русской. Исследуя и изучая их, можно внести непосредственный вклад в развитие таких наук, как лингвокультурология, типология текста и гендерная лингвистика.

Дата поступления в редакцию 14.11.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Баландина И. Д., Ключникова Д. К., Селютин А. А. Отражение гендерных различий в художественном дискурсе (на материале англоязычного детективного романа) // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 12 (446). С. 7–13. DOI: 10.47475/1994-2796-2020-11201.
2. Бартми́нский Е. Этноцентризм стереотипа. Польские и немецкие студенты о своих соседях // Славяноведение. 1997. № 1. С. 12–24.
3. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: учебное пособие; 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта, 2007. 520 с.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: УРСС, 2020. 144 с.
5. Дежина Т. П. Этапы становления концепта «гендер» в зарубежной и отечественной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4-1 (70). С. 76–79.
6. Кирилина А. В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2000. 40 с.
7. Левченко М. Н., Захарова М. Ю. Немецкий детектив: границы текста в литературном жанре (на материале произведений Ф. Дюрренматта) // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2019. № 2 (26). С. 17–27.
8. Левченко М. Н., Лачугина Е. Н. «Эффект обманутого ожидания» гендерно-окрашенных загадок и разгадок (на материале английского, немецкого и русского языков) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 6. С. 94–100. DOI: 10.18384/2310-712X-2015-6-94-100.
9. Липпман У. Общественное мнение. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. 382 с.
10. Маслова В. А. Культурный стереотип и его роль в поведении сквозь призму языка // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2008. № 4. С. 30–37.
11. Москальская О. И. Текст как лингвистическое понятие // Иностранные языки в школе. 1978. № 3. С. 6–9.
12. Lakoff R. Language and Women's Place. New-York: Harper & Row, 1975. 309 p.
13. Levchenko M., Shabanova V., Batkhieva Kh. Semantic field “appearance”: gender specificity (based on the English, German and Russian languages) // E3S WEB OF CONFERENCES. Topical Problems of Green Architecture, Civil and Environmental Engineering (TPACEE-2021). Vol. 284. Moscow: EDP Sciences, 2021. P. 08014. DOI: 10.1051/e3sconf/202128408014.

REFERENCES

1. Balandina I. D., Kluchnikova D. K., Selyutin A. A. [Gender differences in artistic discourse (based on English detective story)]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2020, no. 12 (446), pp. 7–13. DOI: 10.47475/1994-2796-2020-11201.
2. Bartmin'sky Ye. [Stereotype ethnocentrism. Polish and German students about their neighbors]. In: *Slavyanovedeniye* [Slavic studies], 1997, no. 1, pp. 12–24.
3. Bolotnova N. S. *Filologicheskii analiz teksta* [Philological text analysis]. Moscow, Flinta Publ., 2007. 520 p.
4. Galperin I. R. *Tekst kak ob"yekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, URSS Publ., 2020. 144 p.
5. Dezhina T. P. [Stages of formation of the concept “gender” in foreign and Russian linguistics]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2017, no. 4-1 (70), pp. 76–79.
6. Kirilina A. V. *Gendernyye aspekty yazyka i kommunikatsii: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk* [Gender aspects of language and communication: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2000. 40 p.
7. Levchenko M. N., Zakharova M. Yu. [German detective story: bounds of the text in the literary genre (on the material of the works by F. Durrenmatt)]. In: *Uchenyye zapiski natsional'nogo obshchestva prikladnoy lingvistiki* [Scientific Notes of the National Society for Applied Linguistics], 2019, no. 2 (26), pp. 17–27.
8. Levchenko M. N., Lachugina E. N. [“Effect of failed expectations” in gender-marked riddles and answers to them (in Russian, German and English languages)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2015, no. 6, pp. 94–100. DOI: 10.18384/2310-712X-2015-6-94-100.
9. Lippman U. *Obshchestvennoye mneniye* [Public opinion]. Moscow, Insitut Fonda «Obshchestvennoye mneniye» Publ., 2004. 382 p.
10. Maslova V. A. [Cultural stereotype and its role in behaviour in the light of language]. In: *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. L. Khetagurova* [Bulletin of North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov], 2008, no. 4, pp. 30–37.
11. Moskal'skaya O. I. [Text as a linguistic concept]. In: *Inostrannyye yazyki v shkole* [Foreign languages at school], 1978, no. 3, pp. 6–9.
12. Lakoff R. *Language and Women's Place*. New-York, Harper & Row, 1975. 309 p.
13. Levchenko M., Shabanova V., Batkhieva Kh. Semantic field “appearance”: gender specificity (based on the English, German and Russian languages). In: *E3S WEB OF CONFERENCES. Topical Problems of Green Architecture, Civil and Environmental Engineering (TPACEE-2021)*. Vol. 284. Moscow, EDP Sciences, 2021, p. 08014. DOI: 10.1051/e3sconf/202128408014.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зенцова Валентина Сергеевна – аспирант кафедры германской филологии Государственного университета просвещения;

e-mail: ja.sherlok.holms@ya.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentina S. Zentsova – Postgraduate student, Department of German Philology, State University of Education;

e-mail: ja.sherlok.holms@ya.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зенцова В. С. Стилистические особенности репрезентации гендерных стереотипов в детективных романах авторов-женщин (на материале немецкого и русского языков) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 48–56.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-48-56

FOR CITATION

Zentsova V. S. Stylistic features of the representation of gender stereotypes in detective novels by female authors (based on the material of German and Russian). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 3, pp. 48–56.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-48-56

УДК 81'33

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-57-71

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ: СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ И УРОВНИ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Приходько М. В.*Военный университет имени князя Александра Невского**Министерства обороны Российской Федерации**125047, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14, Российская Федерация*

Аннотация

Цель: сформулировать и описать элементы и уровни воздействия на реципиентов в рамках лингвистической модели информационной войны с точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет обобщение теоретического опыта исследований. В качестве методов практического исследования используется лингвопрагматический анализ, критический дискурс-анализ, лингвокогнитивный анализ.

Результаты. В результате анализа предложена многоуровневая модель информационной войны, разделяющаяся на стратегический, оперативный, тактический и инструментальный уровни. Информационное воздействие на концептуальную картину мира характеризуется как комплекс языковых приёмов, методов, дискурсивных тактик и стратегий для достижения цели изменения концептуальной картины мира.

Теоретическая и/или практическая значимость определяется вкладом в системное описание информационной войны как когнитивно-дискурсивного феномена, разработкой уровневого подхода к её исследованию, развитием методики изучения когнитивного воздействия в рамках информационной войны.

Ключевые слова: информационное воздействие, информационная война, коммуникативная тактика, коммуникативная стратегия, концептуальная картина мира

LINGUISTIC MODEL OF INFORMATION WAR: STRUCTURAL ELEMENTS AND IMPACT LEVELS

M. Prikhodko*Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation**ulitsa Bolshaya Sadovaya 14, Moscow 123001, Russian Federation*

Abstract

Aim. To formulate and describe the elements and impact levels on recipients within the framework of the linguistic model of information war from the point of view of the cognitive-discursive approach.

Methodology. The main content of the article is the generalization of the research theoretical experience. Linguo-pragmatic analysis, critical discourse analysis, linguo-cognitive analysis are used as the methods of practical research.

Results. As a result of the analysis, a multi-level model of information war is proposed, which is divided into strategic, operational, tactical and instrumental levels. The information impact on the conceptual picture of the world is characterized as a set of language techniques, methods, discursive tactics and strategies to achieve the goal of changing the conceptual picture of the world.

Research implications. The theoretical and/or practical significance is determined by the contribution to the systemic description of information warfare as a cognitive-discursive phenomenon, the development of a level approach to its study, the development of a methodology for studying cognitive impact within the framework of information war.

Keywords: information impact, information war, communicative tactics, communicative strategy, conceptual picture of the world

Введение

Информационная война является исторически сложившейся формой борьбы, основную роль в которой играет информация и способ её передачи. Благодаря развитию научного знания человечество сформировало новое понимание информационной войны, которое позволяет трактовать её сущность исходя из формы, которую приобретает информация: программный код, команда, информационное сообщение и т. д. Сетевой формат информации предполагает новый формат информационного воздействия, а именно интернет-войны, ведение которых, по мнению некоторых исследователей, «сопровождается такими же агрессивными средствами, как и при традиционной войне» [16, с. 75].

При этом вопросы, связанные с информацией, представленной с помощью языковых знаков, долгое время оставались неизученными. Благодаря развитию научного знания в последние несколько лет сформировалось новое научное направление – лингвистика информационно-психологической войны, предметом исследования которой становятся механизмы комплексного воздействия на сознание массовой аудитории. Так, современная информационная война с позиции лингвистики характеризуется таким противостоянием сторон, при котором под ударом оказываются концептуальные картины мира представителей разных лингвокультур.

За короткое время существования в лингвистике нового научного направления, занимающегося исследованием информационно-психологической войны, сформировался ряд подходов в её изучении. При этом отсутствие единого подхо-

да в изучении информационно-психологической войны и текстов, используемых для ведения информационного воздействия, возбуждает интерес к углублённому изучению данного феномена как системы, что и определяет цель нашего исследования. В данной работе мы вслед за А. П. Сковородниковым, А. В. Колмогоровой и Г. А. Копниной допускаем относительную тождественность понятий информационно-психологической и информационной войны, определяя информационную войну как более широкое понятие по сравнению с информационно-психологической войной [9, с. 11].

Итак, для достижения основной цели нашего исследования предлагается последовательное решение ряда задач. Во-первых, необходимо проанализировать и описать сложившиеся взгляды на структуру информационной войны. Далее, целесообразно сфокусировать внимание на представляющих для нас наибольший интерес дискурсивном и когнитивном подходах и описать информационную войну с учётом этих двух подходов. Третьим этапом предлагается ввод лингвистической модели информационной войны как когнитивно-дискурсивного феномена с последующим её описанием. Завершающий этап предполагает приведение иллюстрирующих языковых примеров проанализированного текста на китайском языке в целях репрезентации предложенной модели.

Информационная война как иерархическая многоуровневая система

Информационное воздействие как основной процесс, осуществляемый в рамках информационной войны, представ-

ляет собой структурно сложное явление, характеризующееся воздействием с помощью языковых средств на сознание человека на разных уровнях. Характеристики такого воздействия отличаются в зависимости от уровня и степени, однако подчиняются общей логике. Для того чтобы сформировать собственный подход к описанию модели информационной войны, предлагается рассмотреть существующие взгляды на информационное воздействие.

Так, А. П. Сковородниковым, А. В. Колмогоровой и Г. А. Копниной была разработана «стратегически-тактическая система» организационной структуры информационной войны [9, с. 47]. По мнению исследователей информационная война осуществляется на тактическом и стратегическом уровнях за счёт использования речевых стратегий, субстратегий и тактик для воздействия на выбранные мишени, то есть на «понятия и представления о связанных с объектом сторонах действительности, которые подвергаются негативной оценке для оказания давления на объект» [9, с. 15]. Очевидно, что речь идёт о воздействии на определённую концептосферу с целью внесения изменения в концептуальную картину мира реципиента.

По мнению учёных, иерархические отношения между уровнями планирования коммуникации выстраиваются сверху вниз: стратегия – субстратегия – тактика. При этом речевая стратегия рассматривается как «общий мыслительный план, или общая психологическая линия речевого поведения, определяемая интенцией и коммуникативной целью (целями) говорящего/пишущего на основе осознания коммуникативной ситуации как совокупности факторов, влияющих на планирование и реализацию речевой коммуникации (время и место коммуникации, интенции участников коммуникации, их профессиональные, возрастные, гендерные, этнические характеристики, социальные статусы и роли, особенно сти характера, тип межличностных от-

ношений, эмоциональное состояние и другие факторы)»; под субстратегиями учёные понимают «видовые реализации какой-либо общей (родовой) стратегии»; тактика рассматривается как «речевое действие (речевой акт или несколько взаимосвязанных речевых актов), соответствующее тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа. Использование речевой тактики или некоторой их совокупности призвано обеспечить осуществление речевой стратегии и, в конечном итоге, достижение коммуникативной цели говорящего/пишущего» [9, с. 44–45]. Описывая релевантные характеристики существующего многообразия стратегий, субстратегий и тактик, учёные приводят соответствующую схему, которая отражает иерархические отношения между данными уровнями (см. рис. 1).

О. С. Иссерс, рассматривая понятия речевых стратегии и тактики в лингвистике, согласна с утверждением о том, что речевая стратегия – это «совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего» [5, с. 96], при этом под тактикой подразумевается «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [5, с. 110]. Исследователь приводит собственное определение коммуникативной стратегии – «когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнера» [5, с. 100]. Таким образом, согласно О. С. Иссерс, структура планирования коммуникации в ходе информационной войны, с учётом реализации коммуникации в речи, может быть оформлена в виде схемы, представленной на рис. 2.

О. С. Иссерс замечает, что «целью любой речевой стратегии является коррекция модели мира адресата», что достигается путём «введения в разговор

Рис. 1 / Fig. 1. Иерархическая структура информационной войны / Hierarchy of Information War

Источник: [9, с. 47]

Рис. 2 / Fig. 2. Структура планирования коммуникации в ходе информационной войны / The structure of communication planning during the information war

Источник: составлено автором

своих интерпретаций» [5, с. 109]. Такое утверждение позволяет сделать вывод о том, что главной целью коммуникативной стратегии является воздействие на концептуальную картину мира.

Другая система, предложенная А. В. Манойло, предполагает иную структурную организацию информационной войны (далее – ИВ). Учёный выделяет следующие уровни, расположенные сверху вниз: стратегический – оперативный – тактический – инструментальный. Основной особенностью такого устройства является его иерархичность, при этом каждому уровню соответствует определённая организационная форма и цель, направленная на реализацию единой стратегии (см. табл. 1) [11, с. 77].

Модель А. В. Манойло представляется актуальной с точки зрения выделения в ней четырёх структурных уровней: стратегического, оперативного, тактического и инструментального. При этом содер-

жательное описание уровней отражает взгляд на информационную войну как на явление социально-политическое и психологическое, при этом значимая роль языковых процессов не учитывается в полной мере. Модель информационной войны, предложенная А. П. Сковородниковым, А. В. Колмогоровой, Г. А. Копниной и О. С. Иссерс, напротив, является исключительно «лингвоцентричной», так как опирается на описание информационной войны как коммуникативного явления.

Таким образом, исследование информационной войны носит междисциплинарный характер, что предполагает необходимость её изучения с учётом разных подходов для наиболее полного понимания её характерных структурных и организационных особенностей. Кроме того, отметим значимость рассмотрения коммуникативных тактик (субстратегий) и стратегий, отражающих последователь-

Таблица 1 / Table 1

Организация ведения информационной войны / Organization of information warfare

Уровни ведения ИВ	Организационная форма	Цель
Стратегический	Информационная война	Военное поражение противника. Может достигаться либо уничтожением, либо подчинением его воли.
Оперативный	Информационная операция	Внедрение в сознание и подсознание человека программных установок на следование определённой модели поведения, выгодной организаторам информационной операции.
Тактический	Информационная атака	Внедрение в сознание и подсознание человека программных установок на совершение немедленного ответного действия – как правило, в ответ на сигнальный импульс со стороны какого-либо внешнего раздражителя.
Инструментальный	Отдельные способы, методы и инструменты информационно-психологического воздействия	Получение немедленной ответной реакции на внешний информационный импульс-раздражитель (по принципу стимул-реакция).

Источник: [11]

ное информационно-психологическое воздействие.

Информационная война как когнитивно-дискурсивный феномен

Необходимо указать, что в рамках нашего исследования информационная война рассматривается в качестве такого противостояния сторон, для которого характерно воздействие на концептуальную картину мира целевой аудитории с целью внесения в неё изменений или создания новых концептов. Такой взгляд на изучаемый феномен коррелирует с мнением Л. В. Коцюбинской, которая рассматривает информационную войну как «информационное воздействие на общественное (массовое) сознание с целью внесения изменений в когнитивную структуру, с тем чтобы в дальнейшем получить изменения в поведенческой структуре», предлагая сфокусировать основные усилия на изучении понятий «языковой личности» и «когнитивных структур» [10, с. 95].

Рассуждая об информационной войне, невозможно не учитывать её коммуникативный характер, который имеет ряд специфических черт. С одной стороны, информационная война опирается на дискурс как на «единство вербальных и невербальных средств коммуникации» [8, с. 27]. С другой стороны, информационная война подразумевает «информационно-коммуникативное воздействие на когнитивную систему человека или группу людей, способное привести к изменениям в структуре индивидуального или массового сознания, картины мира и характере социальных отношений» [8, с. 29]. Поскольку оба этих аспекта информационной войны имеют большое значение, целесообразно учитывать их оба одновременно. В этой связи изучим сложившиеся взгляды на информационную войну в аспекте её дискурсивной и когнитивной основ и попытаемся объяснить данный феномен с точки зрения теории дискурса и когнитивной лингвистики.

Дискурсивный подход. Данный подход определяет тесную связь информационно-психологического воздействия с коммуникацией, поскольку, согласно взглядам Т. ван Дейка, «дискурс» рассматривается как определённое коммуникативное событие: «Дискурс ... является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» [2, с. 121–122].

Вместе с тем нельзя не вспомнить классическое определение Н. Д. Арутюновой, где дискурс – «это связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное воздействие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [1, с. 136–137].

По мнению О. И. Калинина, «дискурс представляет собой сложное коммуникативное явление, которое включает в себя и социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характеристиках), так и о процессах производства и восприятия сообщений» [6, с. 15].

Так, основные характеристики дискурса как социокультурной коммуникации, обусловленной экстралингвистическими факторами, предполагают, что разные типы дискурсов будет являться доминирующей формой информационной войны, так как последняя одновременно отражает и меняет социальный контекст. В этой связи учёт экстралингвистических факторов, равно как и прагматического аспекта информационного воздействия, представляется важным при исследовании конкретных аспектов информационной войны.

Л. Н. Синельникова, рассуждая об информационной войне и роли дискур-

са в ней, считает, что «информационная война – прежде всего вербальная война ... война языковых знаков как война дискурсов» [15, с. 99]. Исследователь рассматривает политическую коммуникацию в качестве основного ресурса для поиска эмпирического материала исследования и призывает «проводить дискурсивные исследования в данной области, что позволит нацелить фокус внимания на особые языковые проявления и свидетельства в когнитивно-психологическом и прагматическом аспектах» [15, с. 95].

При рассмотрении информационной войны как дискурсивного явления нельзя не согласиться с тем, что одним из наиболее действенных способов анализа текстов манипулятивного информационного воздействия является дискурс-анализ, «который позволяет определить выраженную вербальными и невербальными средствами концептуальную связь между мишенью информационной атаки и внеязыковой сущностью, к которой она приравнивается» [3, с. 51; 4].

Очевидно, что информационная война является объектом исследования дискурсивной лингвистики. Анализ имеющихся научных представлений о дискурсе и его связи с информационной войной как коммуникативным феноменом, указывает на то, что дискурсивный подход «расширяет» представления об информационной войне как об особой форме коммуникации и предполагает преимущественное изучение взаимосвязи языковых инструментов ведения информационного воздействия и экстралингвистических факторов [8, с. 29].

Когнитивный подход. На основании данного подхода можно определить информационную войну как «комплекс системного информационно-коммуникативного воздействия на когнитивную систему человека или группу людей, способный привести к изменениям в структуре индивидуального или массового сознания, картины мира и характере социальных отношений» [8, с. 29].

А. П. Сковородников, А. В. Колмогорова и Г. А. Копнина уделяют особое внимание информационно-психологической стороне информационного воздействия, для которой характерно «прежде всего языковое воздействие на сознание противника для его когнитивного подавления или подчинения» [9, с. 12].

Ю. А. Матвиенко считает, что информационно-психологическая война «представляет собой определенную методологию изменения картины мира противоположной стороны в заданном направлении» [12, с. 5]. Заметим, что именно картина мира определяется когнитивными процессами, состоящими в понимании окружающей действительности.

Отметим взгляд С. Н. Нефедова, который фокусирует внимание на информационном воздействии на когнитивные структуры. По его мнению, в основе такого воздействия находятся «две манипулятивные технологии: технология расширения рамок допустимого и технология смены контекста» [14, с. 34]. Задача первой технологии заключается в «легитимизации» элементов, изначально считавшихся невозможными в рамках концептуальной картины мира реципиента. Вторая технология – в изменении смыслового содержания константного текста. При умелом использовании обеих технологий концептуальная картина мира человека изменяется, что не может не отражаться на поведении реципиента.

Так, теоретические исследования свидетельствуют, что информационная война характеризуется воздействием на концептуальную картину мира человека и его когнитивные структуры. В ходе дискурсивной коммуникации в рамках информационной войны оказывается влияние на психику, мышление и, как следствие, социальное поведение человека.

Принимая во внимание научные наблюдения в области изучения информационной войны с позиции двух подходов, мы приходим к выводу о том, что

в вопросе изучения информационной войны необходимо применять оба подхода одновременно. Таким образом, информационная война характеризуется информационным воздействием на концептуальную картину мира аудитории, которое осуществляется с помощью различных приёмов и методов в рамках определённого дискурса.

Лингвистическая модель информационной войны

Итак, теоретический анализ позволил заключить, что информационное воздействие отличается уровневой структурой и представляет собой когнитивно-дискурсивное явление. На основе сложившихся представлений о структуре информационной войны и лингвоцентрического взгляда на сущность информационной войны как когнитивно-дискурсивного явления нами была разработана организационная структура информационной войны, представленная в табл. 2.

Минимальной единицей воздействия в рамках информационной войны признаётся текст. При этом несколько темпорально и тематически объединённых текстов в совокупности с экстралингвистическими и прагматическими факторами их производства составляют дискурс. В рамках дискурса представляется возможным осуществление информационного воздействия посредством различных дискурсивных тактик (субстратегий) и стратегий, реализуемых за счёт совмещения текстовой и экстралингвистической информации и направленных на изменение или формирование мнения относительно того или иного события или субъекта. Дальнейшее воздействие на более высоком идеологическом уровне не исключает дискурсивного воздействия, но расширяется за счёт воздействия на концептуальные единицы, связанные с идеологией и культурой, то есть идеологемы, которые в рамках лингвистики информационной войны обычно определяются как «вербализованные понятия,

Таблица 2 / Table 2

Организационная структура информационной войны / Organizational structure of information war

Уровни ведения ИВ	Организационная форма	Цель
Стратегический	Когнитивная война	Изменение мировосприятия коммуниканта / группы коммуникантов и приведение их к такому виду (форме), который бы отвечал запросу инициатора. Внесение критических изменений в характеристики концепта. Длительный процесс, который может занимать десятилетия.
Оперативный	Культурно-идеологическая война	Внесение изменений в культурные и идеологические взгляды группы коммуникантов с целью изменения характеристик концептуальной области (части концептосферы). Реализуется с помощью блока текстов, имеющих конкретные культурные и идеологические воздействующие инструменты. Эффект достигается в течение относительно длительного периода времени (одно-два десятилетия).
Тактический	Дискурсивная война / организационная война	Изменение дискурсивных характеристик отдельно взятого концепта в сознании реципиента. Достигается благодаря использованию группы текстов, принадлежащих одному жанру и описывающих одну тему. Реализация возможна благодаря применению различных методов и подходов, определяемых коммуникативной тактикой. Достигается в течение периода до нескольких лет.
Инструментальный	Информационные вбросы, ложные сообщения, отдельные приёмы информационного воздействия	Получение ответной реакции на внешний информационный импульс-раздражитель, представленный в виде отдельно взятого текста (по принципу стимул-реакция). Реализуется в кратчайшие сроки, занимающие до нескольких дней.

Источник: составлено автором

характеризующееся семантической двусмысленностью, метафорической природой, высоким уровнем ассоциативности и двойной оценочной коннотацией» [13, с. 61]. Такой уровень воздействия направлен на изменение концептуальных основ идеологии и культуры. На стратегическом уровне воздействие затрагивает базовые когнитивные структуры,

результатом чего является их полное или частичное изменение, то есть реконцептуализация базовых представлений человека об окружающем мире. Такое воздействие осуществляется постепенно с использованием большого количества текстов. Предполагается, что воздействие на каждом из уровней осуществляется не по отдельности, а одновременно, и со-

ответствует конечной главной цели информационной войны – изменение социально-поведенческих установок и основ менталитета.

Следует заметить, что потенциально любой текст может содержать в себе инструментарий, непосредственно воздействующий на концептуальную сферу, минуя при этом указанные в схеме уровни культурно-идеологической и дискурсивной войн. Таким образом, более наглядно это представлено на схеме, демонстрирующей модель информационного воздействия текстов информационной войны (см. рис. 3).

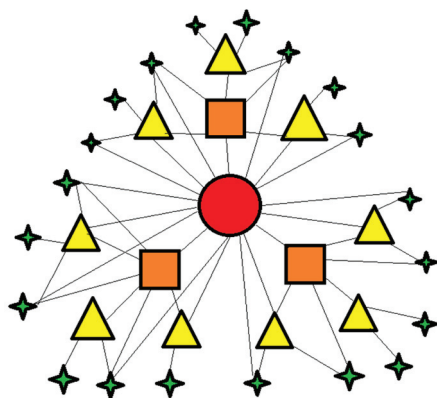

Рис. 3 / Fig. 3. Модель информационного воздействия с помощью текстов / Model of information influence with the use of texts

Источник: составлено автором

На схеме на рис. 3 зелёные звёзды представляют собой воздействующие тексты инструментального уровня, жёлтые треугольники составляют тематически объединённые дискурсы, оранжевые квадраты – идеологический и культурный компоненты, то есть идеологемы. В центре системы находится красный круг, который, имея центральное положение, схематически отображает так называемую «мишень информационного воздействия», актуализированную в качестве концепта.

Таким образом, в рамках исследования феномена информационной войны

в качестве предмета изучения лингвистики, исходя из опыта научных изысканий А. П. Сковородникова, А. В. Колмогоровой, Г. А. Копниной, О. С. Иссерс и А. В. Манойло, нами предложена обновлённая структурная модель ведения информационной войны, которая отличается поликомпонентностью, динамичностью, открытостью, вероятностностью, гетерогенностью, непрерывностью, смешанностью и самоорганизацией. Динамическая модель информационной войны как когнитивно-дискурсивного явления включает много разноуровневых составных компонентов, при этом подчинённость их организации одной цели – стратегической цели – делает эту модель устойчивой. На наш взгляд, подобный подход позволяет системно анализировать дискурсы информационной войны, последовательно выявляя особенности информационного воздействия на разных уровнях «снизу вверх». Предложенная модель делает возможным через анализ языковых явлений выявлять дискурсивные тактики и стратегии, которые подчинены достижению одной стратегической цели – изменению концептуальной картины мира. Так, анализ конкретного текстового материала приводит к выявлению стратегических целей воздействия.

Пример анализа текста информационного воздействия

Далее представляется целесообразным продемонстрировать вышеописанные уровни системы на примере соответствующего языкового материала на китайском языке на примере статьи “多国盘点 2018 贸易战之伤” (здесь и далее перевод наш (М. П.): Ущерб некоторых стран от торговой войны в 2018 году)¹. Изучение текста проводилось посредством комплексного подхода к лингви-

¹ 多国盘点 2018 贸易战之伤 // 环球网 [Электронный ресурс]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1620967278698833316&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 03.04.2022).

стическому анализу текстов информационной войны, который включает в себя: лингвопрагматический анализ (для единиц инструментального уровня), когнитивно-ориентированный критический дискурс-анализ (для выявления дискурсивных тактик, субстратегий и стратегий), лингвокогнитивный анализ (в целях описания мишеней воздействия на когнитивном уровне). Ниже приведём некоторые результаты анализа и соответствующие выводы.

На первом этапе при проведении лингвопрагматического анализа мы сконцентрировали внимание на рассмотрении значимой и наиболее частотной лексики, что позволило выделить нам несколько тематических блоков: общественно-политический, военный, прецизионная информация. В тексте представлено значительное количество лексики общественно-политического характера, а также финансово-экономической терминологии. Например: 经济 (экономика), 美国政府 (американское правительство), 股价 (стоимость акций), 企业总利润 (валовая прибыль предприятия), 消费品 (предметы широкого потребления), 财经 (финансово-экономический), 半导体 (полупроводники), 智能手机 (смартфон), 液晶显示屏 (ЖК-дисплей), 游戏 (игры), 网络 (интернет), 加息 (увеличение процентной ставки). Наличие лексических единиц этой группы очевидно объясняется тематикой анализируемого текста. Отметим, что для китайского текста на инструментальном уровне характерны метафоры, позволяющие концептуально переосмыслить существующие явления. Так, в выражении 以关税措施为大棒 (используя таможенные пошлины в качестве дубинки) мы наблюдаем сравнение таможенных пошлин с дубиной, что, безусловно, отражает желание понятным образом донести читателю мысль об использовании США экономических рычагов как оружия. Словосочетания 贸易交锋 (сражение на мечах в торговле в знач. «торговая война»), 预算之战

(война бюджетов) также отражают интенцию автора описать экономическое противостояние как сражение. Нельзя не отметить словосочетания с экономической терминологией 债务隐忧 (долговое скрытое беспокойство), 世界经济停滞的先兆 (предвестник застоя мировой экономики), 欧洲在混乱中 (Европа в смуте), в которых мы видим стремление автора передать «тревогу» (лексемы 隐忧, 先兆, 混乱) относительно происходящих событий, и тем самым, вероятно, через информирование о событиях предупредить о существующей опасности.

Лексика «военного» тематического блока представлена не большим, но тематически разнообразным количеством словоупотреблений. Например, 贸易战 (торговая война), 挑战 (провоцировать, бросать вызов), 伤害 (урон, нанести урон), 挑拨 (провоцировать), 冲击 (удар, ударять), 损失 (потери, понести потери, убытки), 造成进一步打击 (нанести последующий удар), 预算之战 (война бюджетов). Вероятно, это объясняется попыткой реконцептуализации торгово-экономических отношений как одного из видов противостояния сторон, похожего на конвенциональную войну. Такое умозаключение подтверждается качественным анализом употреблений военной лексики, которая используется для метафорической репрезентации последствий происходящих в экономике событий, например: “贸易战年”为经济带来的冲击” (торговая война стала ударом для мировой экономики). В данном примере мы видим, что экономика становится объектом «атаки». На наш взгляд, использование военной лексики в экономической сфере отражает интенцию автора передать серьёзность происходящих событий. Концептуальный перенос вопросов экономики в сферу войны, в частности сопоставление средств экономического воздействия с сугубо военными методами (атака, удар), позволяет автору статьи продемонстрировать, что торговая война также значима и серьёзна по последстви-

ям, как и война конвенциональная, таким образом, сообщение несёт в себе предупреждающую функцию.

Исследованный текст отличается также обилием фактологической лексики и прецизионной информации, о чём свидетельствует наличие целого ряда ссылок на информационные издания, включая *Нью-Йорк таймс* (The New York Times), *Вашингтон пост* (The Washington Times), *Экономист* (The Economist), *Цзинь мин жи* (Чунан Ильбо), *Чосон Ильбо*, и на отдельные личности, например президента США Д. Трампа. Также замечено большое количество числовых статистических показателей, связанных с датами, динамикой экономических процессов и объёмом денежных средств, что в целом указывает на аналитический характер текста, например: 今年.....减少98亿美元, 降至657亿美元, 比2017年下降13% (в этом году ... сократилось на 9,8 млрд долларов, опустившись до 65,7 млрд долларов, по сравнению с 2017 годом упало на 13%), или “2018年.....增长率为1.5%, 低于此前预计的2%” (в 2018 году рост составил 1,5%, ниже планируемого ранее на 2%). Наличие подобных средств позволяет судить о стремлении автора сделать свой текст более убедительным за счёт фактологической и аналитической информации и повысить его суггестивные свойства с помощью объективной обоснованности суждений.

Краткий композиционный анализ текста показывает, что он чётко разбит на микротемы, на что указывает наличие в нём тематических подзаголовков: “大豆和股市令美国心累” (Соя и рынок акций заставляет США поволноваться), “欧洲在混乱中缓和增长” (Европа постепенно набирает темп роста в условиях смуты), “韩国“蒙上”衰退阴影” (Корею «накрыло тенью» экономического спада). Такая структура добавляет тексту дискретности и упрощает его восприятие, поскольку фокусирует внимание на содержательно незначительных темах, которые вместе при этом собираются в одну главную тему статьи.

Также нельзя не отметить использование в тексте словосочетаний в кавычках, которые в данном случае выражают некоторую насмешку, иронию, высмеивание предмета речевого высказывания. Например, 美国政府推行以“关税大棒”为代表的“美国优先”原则 (Американское правительство продвигает принцип «Американского превосходства» за счёт показательного использования метода «дубинки таможенных пошлин»). В данном случае благодаря метафоре, в которой таможенные пошлины сравниваются с дубинкой, а также использования понятия «американского превосходства» достигается эффект отождествления, цель которого состоит в формировании у реципиента особого взгляда, согласно которому «американское превосходство» равно «дубинке таможенных пошлин». Иначе говоря, предпринимается попытка объяснить, что превосходство США обеспечивается за счёт насилия над другими странами, которое предаётся ироничному вниманию читателя. Такая метафора, вероятно, обладает сильным эмотивным воздействием, поскольку несёт в себе ассоциацию с болью, которую может повлечь применение физической силы и, как следствие, со страхом за испытание такой боли. Вероятно, прагматическая установка использования такого приёма может заключаться в обвинении противника, а за счёт аналитических данных такое обвинение приобретает обоснованный характер.

Ранее мы уже отметили, что исследуемый текст наполнен цитатами текстов западных СМИ, включая *Нью-Йорк таймс* (The New York Times), *Вашингтон пост* (The Washington Times), *Экономист* (The Economist). Кроме того, в некоторых его частях наблюдается последовательное и логическое развитие мысли, о чём говорят следующие вводные конструкции: 一是, 二是 (во-первых, во-вторых); 首先, 其次, 最后 (прежде всего, далее, в конце концов). Такой приём позволяет усилить логичность и убедительность текстового произведения.

В рамках лингвопрагматического анализа нами были использован метод комплексного анализа метафоричности дискурса (МКАМД) [7, с. 270–279], который показал, что изученный текст с позиций анализа метафоричности можно считать умеренно-воздействующим или информационно-воздействующим, что также подтверждается контекстологическим анализом, в ходе которого было выявлено обилие фактологической и прецизионной информации. Также текст соотносится с эмоционально-оценочным воздействием, что подтверждает качественный анализ. Обилие милитарных метафор призвано воздействовать на эмоциональную сферу реципиента, вызвать мгновенную оценку ситуации, основанную на чувствах, а не только на осмыслении. Соединение концептуальных областей экономики и войны, что является наиболее частотным метафорическим переносом в исследуемом тексте, не способствует пониманию сути экономических процессов и связано с интенцией оценивания с позиций эмоций и чувств.

По итогам проведения анализа мы можем сделать вывод, что исследуемый текст относится к разряду информационно-воздействующих, где основной особенностью является логичное, аргументированное изложение фактического материала с использованием статистики и сравнений, призванное аргументированно убедить через объяснение и сравнение. При этом умеренно выраженный уровень употребления военной лексики, высокий уровень образности и метафоричности осмысления экономической сферы позволяет также отметить эмоционально-оценочное трансформационное воздействие. Отметим, что основными объектами образности являлись именно экономические явления, и этот факт, подтверждаемый текстологическим анализом, свидетельствует, что автор изученного текста стремится наполнить несколько новым содержанием понимание происходящих экономических процес-

сов, а также воздействовать на эмоции. При этом мы, безусловно, понимаем, что основной темой исследуемого новостного сообщения является экономическая политика США и результаты её влияния на мировую обстановку. В этой связи полагаем целесообразным рассмотреть, какими прагматическими установками обладает данный текст. Это становится возможным благодаря выявлению отдельных коммуникативных тактик и стратегий.

Анализируя текст с точки зрения использования в нём тактик коммуникативного воздействия, мы наблюдаем признаки использования *тактики обвинения*, например: “全球经济遭遇来自美国的重大挑战, 特朗普政府在全球范围内挑起贸易争端” (Мировая экономика испытала на себе большой удар, пришедший из США, правительство Трампа спровоцировало торговые противоречия в мировых масштабах), где называется причина обострения конфликта сторон, продиктованная действиями администрации и президента США; *тактики привлечения внимания реципиента через запугивание*, пример: “如果中美贸易战进一步恶化, 两国间商贸往来的缩减将对包括韩国在内的全球消费心理造成进一步打击” (Если торговые отношения США и Китая продолжат ухудшаться, сокращение торгово-экономических отношений обеих стран станет ударом по потребительской психологии стран мира, включая Южную Корею), где с помощью примера Южной Кореи неявно указывается на существование негативной динамики, которая может привести к пагубным изменениям во всём мире, что имеет эффект устрашения и (или) запугивания реципиента с целью мобилизации его внимания к сложившейся ситуации. Данные примеры не единичны в тексте и носят системный характер.

Обобщив выявленные тактики и средства инструментального уровня, допускаем, что они являются отражением одной общей *субстратегии предупреждения*

дения и диффамации. Эти субстратегии призваны предупредить реципиента о существующей угрозе, привести его психоэмоциональное состояние к готовности встречать новые угрозы.

Это свидетельствует о вероятной реализации **стратегии активной обороны**, которая объясняется стремлением к обоснованию вынужденного характера своих действий в ответ на экономически и вербально выраженные агрессивные действия извне, опровержение диффамирующих высказываний со ссылкой на СМИ противника, фокусирование негативного внимания реципиента на «слабых местах» информационной повестки противника. Такие наблюдения приводят нас к мысли о вероятности реконцептуализации мишени информационного воздействия в сознании массового реципиента, выраженной в формировании негативного отношения жителей Китая к США, а также пониманию экономики как одного из видов противостояния, производной конвенциональной войны.

С учётом оборонительного характера информационного воздействия, выявленного в данном тексте, были определены основные концепты-мишени: «торгово-экономические отношения», «Америка» и «Китай». Целью информационного воздействия является реконцептуализация этих концептов, которая должна привести к пониманию торгово-экономических отношений как одной из форм противостояния, форм конвенциональной войны, в которой Америка является источником экономических проблем в мире, как заметил автор избранной для анализа статьи, выступает в качестве «полицейского с дубинкой», имеющего угрожающий образ. В то же время Китай, как и другие страны, выступает в роли предмета агрессивных действий Америки и, как следствие, вынужден защищаться, для чего и проводятся подготовительные меры. Таким образом, можно констатировать, что торгово-экономические отношения выступают одним из компонентов

гибридной войны, где США – опасный и агрессивный противник, представляющий реальную угрозу, а Китай – участник войны, в которой необходимо защититься от агрессии Америки. Языковой составляющей в данном случае отводится роль медиатора, говоря метафорически, «оружия», призванного оказать воздействие на стороны конфликта, что и положено в основу описанной в статье модели.

Заключение

Таким образом, можем судить о сформированном взгляде на лингвистическую модель информационной войны, рассматриваемой в качестве когнитивно-дискурсивного феномена. Изучение и синтез накопленного научного опыта когнитивного и дискурсивного подходов подтверждает обоснованность нашего вывода о когнитивно-дискурсивной природе информационной войны. Междисциплинарный характер исследования обуславливает необходимость изучения информационной войны с учётом знаний, накопленных в сопредельных научных областях. Применительно к организационной структуре в разных областях научного знания нами обнаружены общие черты, которые позволили предложить обновлённый взгляд на модель информационной войны с позиции лингвистики, расширив его «уровневое» понимание. Информационная война характеризуется воздействием на концептуальную картину мира посредством комплексного и одновременного информационного воздействия с помощью методов и приёмов, дискурсивных тактик и стратегий, свойственных каждому уровню: инструментальному, тактическому, оперативному, стратегическому. Апробация предложенной модели информационной войны была проведена на примере анализа текста. В ходе анализа были выявлены языковые единицы воздействия свойственные каждому описанному уровню. Дальнейшее изучение функционирования такой системы на

каждом уровне позволит глубже понять её механизмы и более эффективно выстраивать алгоритмы информационного воздействия на аудиторию. Кроме того, выявление соответствующих закономер-

ностей и построение рабочих моделей анализа может способствовать развитию нейросетевых технологий.

Дата поступления в редакцию 24.05.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс: теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. 296 с.
2. Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 302 с.
3. Зарипов Р. И. О некоторых особенностях языка информационно-психологической войны в политическом дискурсе // Учёные записки национального общества прикладной лингвистики. 2022. № 4. С. 41–57.
4. Зарипов Р. И. О соотношении речевого и информационно-психологического воздействия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 2. С. 54–61. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-54-61.
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи; 5-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
6. Калинин О. И. Основы лингвопрагматического исследования политического имиджа. М.: ООО «Издательство «КноРус», 2018. 148 с.
7. Калинин О. И. Функциональный потенциал метафоры в дискурсе: дисс. ... докт. филол. наук. М., 2022. 480 с.
8. Калинин О. И., Приходько М. В. Информационная война: коммуникативный, дискурсивный, когнитивный и культурно-идеологический аспекты // Военно-филологический журнал. 2023. № 1. С. 23–36.
9. Колмогорова А. В. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Лингвистика информационно-психологической войны. Книга 1. Красноярск: СФУ, 2017. 212 с.
10. Коцюбинская Л. В. Понятие «информационная война» в современной лингвистике: новые подходы // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 93–96.
11. Манойло А. В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М.: Горячая линия–Телеком, 2021. 496 с.
12. Матвиенко Ю. А. Информационно-психологическая война как одна из форм разрешения социально-политических противоречий в современном обществе // Информационные войны. 2008. № 4 (8). С. 2–8.
13. Михайловская М. В. Идеологема как инструмент семантического манипулирования: «демократия» // Учёные записки национального общества прикладной лингвистики. 2022. № 4 (40). С. 58–69.
14. Нефедев С. Н. Когнитивно-коммуникативные аспекты информационных войн // Гуманитарные проблемы военного дела. 2020. № 4. С. 26–36.
15. Синельникова Л. Н. Информационная война *ad infinitum*: украинский вектор // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 95–101.
16. Финская Т. Е. Языковые средства ведения кибервойны в современном французском медиадискурсе // Учёные записки национального общества прикладной лингвистики. 2022. № 4. С. 69–77.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Metafora i diskurs: teoriya metaforoy* [Metaphor and discourse: the theory of metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990. 296 p.
2. Van Dijk T. *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, Progress Publ., 1989. 302 p.
3. Zaripov R. I. [On some peculiarities of the information-psychological warfare language in political discourse]. In: *Uchonyye zapiski natsional'nogo obshchestva prikladnoy lingvistiki* [Proceedings of National Association of Applied Linguistics], 2022, no. 4, pp. 41–57.
4. Zaripov R. I. [On the correlation of verbal and information-psychological impact]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2023, no. 2, pp. 54–61. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-54-61.

5. Issers O. S. *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communication strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, LKI Publ., 2008. 288 p.
6. Kalinin O. I. *Osnovy lingvopragmaticheskogo issledovaniya politicheskogo imidzha* [Fundamentals of linguo-pragmatic research of political image]. Moscow, «KnoRus» Publ., 2018. 148 p.
7. Kalinin O. I. *Funktsional'nyy potentsial metafor v diskurse: diss. ... dokt. filol. nauk* [Functional potential of metaphor in discourse: D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2022. 480 p.
8. Kalinin O. I., Prikhodko M. V. [Information war: communicative, discourse, cognitive and cultural-ideological aspects]. In: *Voyenno-filologicheskii zhurnal* [Military Philological Journal], 2023, no. 1, pp. 23–36.
9. Kolmogorova A. V., Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. *Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny. Kniga 1* [Linguistics of information-psychological warfare. Book 1]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ., 2017. 212 p.
10. Kotsyubinskaya L. V. [The term “information warfare” in modern linguistics: prospects and approaches]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2015, no. 4 (54), pp. 93–96.
11. Manoylo A. V. *Informatsionnyye voyny i psikhologicheskiye operatsii. Rukovodstvo k deystviyu* [Information wars and psychological operations. Guide to action]. Moscow, Goryachaya liniya–Telekom Publ., 2021. 496 p.
12. Matviyenko Yu. A. [Information and psychological warfare as one of the forms of resolving socio-political contradictions in modern society]. In: *Informatsionnyye voyny* [Information wars], 2008, no. 4 (8), pp. 2–8.
13. Mikhaylovskaya M. V. [An ideologically-bound unit as an instrument of semantic manipulation: “democracy”]. In: *Uchonyye zapiski natsional'nogo obshchestva prikladnoy lingvistiki* [Proceedings of National Association of Applied Linguistics], 2022, no. 4, pp. 58–69.
14. Nefedev S. N. [Cognitive and communicative aspects of information wars]. In: *Gumanitarnyye problemy voyennogo dela* [Humanitarian problems of military affairs], 2020, no. 4, pp. 26–36.
15. Sinelnikova L. N. [Information warfare ad infinitum: Ukrainian way]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2014, no. 2 (48), pp. 95–101.
16. Finskaya T. Ye. [Linguistic means of cyber warfare in modern French media discourse]. In: *Uchonyye zapiski natsional'nogo obshchestva prikladnoy lingvistiki* [Proceedings of National Association of Applied Linguistics], 2022, no. 4, pp. 69–77.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Приходько Марк Владимирович – адъюнкт, кафедра английского языка (второго) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации; e-mail: marko007@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mark V. Prikhodko – Adjunct, Department of English (The Second Foreign Language), Military University of Defense Ministry of the Russian Federation; e-mail: marko007@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Приходько М. В. Лингвистическая модель информационной войны: структурные элементы и уровни воздействия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 57–71.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-57-71

FOR CITATION

Prikhodko M. V. Linguistic model of information war: structural elements and impact levels. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 3, pp. 57–71.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-57-71

УДК 81-26

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-72-84

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ МЕТАФОР В ВОЕННОМ НЕЙМИНГЕ

Старченко Д. О.*Государственный университет просвещения**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Разработка типологии метафор военной терминосистемы. Предмет анализа составляют метафорические ассоциации как когнитивная основа косвенной номинации в рамках отраслевого материала. Объектом являются лингвистические факты метафор, используемые в номинации единиц боевой техники.

Процедура и методы. Материал получен из «Энциклопедии современного оружия и боевой техники» и представлен 50 единицами на английском и русском языках. Методология объединяет общенаучные методы (направленная выборка, наблюдение над эмпирическим материалом, анализ, синтез, индукция, дедукция, классифицирование, количественный анализ, графическая интерпретация данных, обобщение и абстрагирование) с лингвистическими (когнитивное моделирование, семантический и дескриптивный анализ, анализ словарных дефиниций).

Результаты. Выявлены общезыковые единицы, продуцирующие новые имена, и показаны отношения между эталонами и единицами вторичной номинации военной сферы. Определены главные онтологические признаки вторичных военных номинаций, которые положены в основу авторской типологии. Разработанная семантическая типология метафор в военной сфере представлена таксономией с 4 уровнями иерархии и 17 подгруппами.

Теоретическая и практическая значимость заключается в анализе метафорического и когнитивного аспектов военной терминосистемы для оптимизации переводоведения и лексикографической практики.

Ключевые слова: номинация, нейминг, метафора, эталон, военный дискурс, таксономия

METAPHOR SEMANTIC TYPOLOGY IN MILITARY NAMING

D. Starchenko*State University of Education**ulitsa Verry Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To develop the terminological system of military metaphor typology. The analysis subject is metaphorical associations as the cognitive basis for the indirect naming within the industry material. The object is the metaphors used in the nomination of military equipment units.

Methodology. The material was obtained from the "Modern Weapons and Military Equipment Encyclopedia" and is presented by 50 metaphorical units in English and Russian. The methodology combines general scientific methods (directed sampling, empirical material observation, analysis, synthesis, induction, deduction, classification, quantitative analysis, graphical data interpretation, generalization and abstraction) and linguistic methods (cognitive modeling, semantic and descriptive analysis, analysis of dictionary definitions).

Results. The general language units that produce new names are revealed, and the relationship between the standards and derived military nomination units are represented. The main ontological features of the derived military nominations are determined, which forms the author's typology basis. The developed semantic typology of the metaphors in the military sphere is presented in the taxonomy which contains 4 hierarchy levels and 17 subgroups.

Research implications. The analysis of metaphorical and cognitive aspects of the military terminological system enables certain optimization of translation studies and lexicographic practice.

Keywords: nomination, naming, metaphor, standard, military discourse, taxonomy

Введение

Метафоры на протяжении всей истории человечества отражают результаты когнитивной и служат вспомогательным образным средством вербальной коммуникации, вследствие чего представляют интерес для множества исследователей. Метафоры подробно изучены как средства индивидуальной концептосферы (работы М. М. Бахтина¹, Н. С. Валгиной², В. В. Виноградова³), политического дискурса на материале русского (работы А. Н. Баранова⁴, Э. В. Будаева⁵, Ю. Н. Караулова^{6, 7}, А. П. Чудинова⁸) и английского языков (работы Е. С. Белова⁹,

Е. Б. Кагана¹⁰, А. А. Касловой¹¹, Т. В. Моисеевой¹², О. А. Солоповой¹³), лингвоманипулирования в отраслевых текстах (работы Л. А. Гаврилова, Р. И. Зарипова, П. А. Иванова¹⁴, О. В. Оришак¹⁵), в межкультурной передаче (работы Л. С. Бархударова¹⁶, Е. В. Бреуса¹⁷, Г. Гачечиладзе¹⁸,

¹ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса; 2-е изд. М.: Худож. литература, 1990. С. 5.

² Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 280 с.

³ Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 239 с.

⁴ Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 73–94.

⁵ Будаев Э. В. Концептуальные метафоры с исходной понятийной сферой «Религия» в современном политическом дискурсе // Система и среда: Язык. Человек. Общество: материалы Всероссийской научной конференции (Нижний Тагил, 4-5 апреля 2005 г.). Нижний Тагил: НТГСПА, 2005. С. 86–87.

⁶ Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М.: Редакция АСМ, «Помовский и партнеры», 1994. 330 с.

⁷ Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность; 8-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 264 с.

⁸ Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая метафорология. Екатеринбург: УрГПУ, 2008. 248 с.

⁹ Белов Е. С. Метафорическое моделирование внешнеполитического дискурса России и США: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2011. 237 с.

¹⁰ Каган Е. Б. Метафорические заголовки в российской, американской и британской прессе: когнитивный, текстовый и психолингвистический подход: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 227 с.

¹¹ Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США: 2000 г.: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 208 с.

¹² Моисеева Т. В. Метафорическое моделирование образа России в американских СМИ и образа США в российских СМИ: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 235 с.

¹³ Солопова О. А. Метафорическое моделирование образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России (2003 год) и Великобритании (2001 год): дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 244 с.

¹⁴ Иванов П. А. Модальности функции воздействия публицистического стиля: на материале французской прессы: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012. 172 с.

¹⁵ Оришак О. В. Факторы культурной асимметрии в лингвистическом сопоставлении и в переводе (на материале русских и французских военных и военно-политических текстов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009. 20 с.

¹⁶ Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Междунар. отношения, 1975. 239 с.

¹⁷ Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М.: Изд-во Университета РАО, 1998. 208 с.

¹⁸ Гачечиладзе Г. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. М.: Советский писатель, 1980. 253 с.

Д. И. Ермоловича¹, Т. А. Казаковой²,
В. Н. Комиссарова³, Т. Р. Левицкой,
А. М. Фитермана⁴, Л. Л. Нелюбина,
Г. Т. Хухуни, И. Я. Рецкера⁵, А. В. Федорова⁶,
А. Д. Швейцера⁷, И. Г. Жировой и др.) [1; 2; 4–10; 12; 14–16]. Однако, среди множества исследований, так или иначе освещающих метафорические аспекты, на данный момент не существует работ, описывающих непосредственно метафоризацию в военной терминосистеме.

В настоящем исследовании использованы 2 значимых признака исследуемых объектов, которые составляют принципы классификации: 1) семантика метафор в военном нейминге, соотносящая прямую номинацию с переносной ассоциативной и раскрывающая когнитивные механизмы метафоризации; 2) взаимосвязь модели метафоризации с подязыком коммуникативной или предметной сферы⁸. При обращении к этим характеристикам невозможно построить классификацию на взаимоисключающих основаниях, разрабатываемая типология может быть реализована только как таксономия [3, с. 108–115; 13; 17, с. 28].

Типология метафор

(1) Первый уровень таксономии представляют объекты действительности (эталоны), имя которых переносится на номинируемые объекты военной техники. Эталонами служат собственные имена и тематические группы общеупотребительных лексем. В соответствии с этим критерием разграничены 3 уровня с 10 таксонами.

(1.1) Отождествление объекта с эталоном (антропонимом или топонимом) происходит на основе значимых признаков [11]: богатства, красоты, экономического статуса (для географических объектов) – активности, успешности, военных побед, заслуг в области культуры (для людей).

(1.1.1) К антропонимным метафорам относятся *танк MkIV «Черчилль»*⁹, *танк М4 «Sherman»*¹⁰, *броневый автомобиль FV601 «Саладин»*¹¹, *РСЗО БМ-13 «Катюша»*¹² и *управляемая 81-мм мина «Мерлин»*¹³. Среди них представлены элементы антропонимикона, частично утратившие свою функцию выделения (*Катюша*), и прецедентные имена (*Черчилль*, *Шерман*, *Саладин*). *Черчилль* соответствует единственному реальному лицу. В дескрипции *Шерман* выделено 3 носителя имени¹⁴, поэтому однозначно выявить эталон этой метафоры в военном нейминге невозможно. Эталонами этой модели метафоризации служат антропонимы уникальных лиц или некоторого множества.

(1.1.2) Ко второй подгруппе метафор (от топонимов) отнесены *танк*

¹ Ермолович Д. И. Основы профессионального перевода: Вводный курс для специализирующихся на английском языке. М.: Изд-во Университета РАО, 1996. 72 с.

² Казакова Т. А. Коммуникативно-прагматические основы художественного перевода: дисс. ... докт. филол. наук. Нижний Тагил, 1989. 270 с.

³ Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учеб. пособ. / под ред. Д. И. Ермоловича. М.: Р. Валент, 2014. 407 с.

⁴ Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. Проблемы перевода. М.: Междунар. отношения, 1976. 205 с.

⁵ Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. М.: Р. Валент, 2004. 237 с.

⁶ Федоров А. И. Образная речь. Новосибирск: Наука, 1985. 110 с.

⁷ Швейцер А. Д. Перевод в контексте культурной традиции // Литературный язык и культурная традиция / отв. ред. Н. Н. Семенюк, В. Я. Порхомовский. М.: ИЯз РАН, 1994. С. 169–185.

⁸ См.: Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь; 7-е изд. М.: Флинта: Наука, 2016. 320 с.

⁹ См.: Волковский Н. Л. Энциклопедия современного оружия и боевой техники: в 2 томах. СПб., «Издательство Полигон», 1997. Том II. С. 6 Далее – Энциклопедия современного оружия и боевой техники.

¹⁰ Энциклопедия современного оружия и боевой техники. С. 6.

¹¹ Там же. С. 63.

¹² Там же. С. 151.

¹³ Там же. С. 170.

¹⁴ См.: Шерман (танк) [Электронный ресурс] // Википедия : [сайт]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Шерман_\(танк\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Шерман_(танк)) (дата обращения: 21.02.2022).

Т-72 «Урал»¹, противотанковый ракетный комплекс «Милан»² и танк М4 «Sherman»³. Лексикографические источники указывают на многозначность единиц-эталонов Урал (3 значения) и Шерман (9 значений), Милан представлен в словарях одним значением⁴. Топоним Шерман – производное от прецедентных антропонимов, в таком случае можно говорить о двойном переносе имени: с лица – на географический объект, а затем – на единицу военной техники. Этот аспект может далее составить отдельную тему исследования на материале иных тематических групп эпонимов.

(1.1.3) Относящиеся к мифонимическим концептам наименования представлены единицами: управляемая 81-мм мина «Мерлин»⁵, самоходная гаубица 2С5 «Гиацинт»⁶, танк «Марс-15»⁷. Все они имеют ярко выраженную культурную принадлежность и отчётливые ассоциации. Мерлин – прецедентное имя: «В мифологии валлийских кельтов Мерлин – волшебник ... в легендах Артуровского цикла»⁸. Гиацинт – «красивый спартанский юноша, любимец Аполлона ...»⁹. Марс – «римский бог войны ...»¹⁰. Очевидная метонимическая трансляция (по смежности) мифонима на военную

единицу исключает необходимость дальнейших комментариев.

(1.1.4) В военном метафорическом нейминге задействованы астрономы: танк «Марс-15»¹¹ и пусковая установка «ASTROS II»¹². В толковом словаре в составе полисемной лексемы Марс упоминается значение «четвертая планета Солнечной системы ...»¹³, производное от первого (бога войны), т. е. военная метафора является результатом двойного переноса эталона. Астрос описывается в словарях как «небесное тело, звезда, планета или спутник»¹⁴. Мотивацией для военного нейминга служит ассоциативная связь с интенционалом 'звезда, планета', которая обуславливает эмотивный коннотат значимости, принадлежности к вершинам мироздания.

В рассмотренных группах 1.1.1–1.1.4 прецедентные имена проецируют на новый объект (единицу боевой техники) значимые характеристики эталонов. Интенционал антропонимов, топонимов, мифонимов и астрономов транслируется на иные денотативные сущности, т. е. присваивается новому экстенционалу, а имя военной техники становится разновидностью эпонима.

(1.2) Нейминг военной техники по эталонам, выраженным нарицательными существительными, продуктивен и охватывает лексико-семантические группы зоонимов, энтонимов, фитонимов, астрономов, натуронимов, мифонимов, этнонимов, инструментонимов.

(1.2.1) Тематическая группа зоонимных номинаций боевой техники представ-

¹ Энциклопедия современного оружия и боевой техники. С. 25.

² Там же. С. 170.

³ Там же. С. 6.

⁴ См.: Географическая энциклопедия: Милан [Электронный ресурс] // Академик : [сайт]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_geo/3224/Милан (дата обращения: 16.02.2022).

⁵ Энциклопедия современного оружия и боевой техники. С. 170.

⁶ Там же. С. 127.

⁷ Там же. С. 63.

⁸ См.: Мерлин [Электронный ресурс] // Энциклопедия мифов : [сайт]. URL: <https://rus-mythology-enc.slovaronline.com/6553-мерлин> (дата обращения: 16.02.2022).

⁹ См.: Корш М. Краткий словарь мифологии и древностей [Электронный ресурс] // Читалка : [сайт]. URL: https://4italka.su/nauka_obrazovanie/istoriya/200925.htm (дата обращения: 06.03.2022). Далее – Краткий словарь мифологии и древностей.

¹⁰ См.: Краткий словарь мифологии и древностей.

¹¹ Энциклопедия современного оружия и боевой техники. С. 155.

¹² Там же. С. 170.

¹³ См.: Энциклопедический словарь: Марс [Электронный ресурс] // Академик : [сайт]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/35096/Марс> (дата обращения: 04.03.2022).

¹⁴ См.: Enciclopedia di Italiano: astro [Электронный ресурс] // Academic : [сайт]. URL: <https://encyclopedia.it.en-academic.com/3682/astro> (дата обращения: 04.03.2022).

лена единицами *танк Т-VI «Тигр»¹, танк Т-V «Пантера»², танк «Леопард-2»³, боевая разведывательная машина FV721 «Fox»⁴, бронетранспортёр ACEC «Cobra»⁵. Когнитивной основой номинации служат сигнификативные свойства представителей животного мира, которые эксплицируют сходные характеристики боевой техники. Так, в военный нейминг «заимствуются» компоненты значения единиц-эталонов: *тигр* – «крупное хищное млекопитающее сем. кошачьих»⁶; *пантера* – «(греч., от *pas* – весь, и *ther* – дикое животное) – хищное животное ...»⁷; *леопард* – «крупная кошка»⁸; *фокс* – «небольшая очень подвижная собака группы терьеров ...»⁹; «*cobra* – а highly venomous snake ...»¹⁰. Стимулом новой номинации выступают внешнее сходство или функциональные качества эталонов.*

(1.2.2) Фитонимические концепты в выборке представлены наименованиями *самоходная гаубица 2С2 «Фиалка»¹¹, самоходная гаубица 2С5 «Гиацинт»¹², самоходная гаубица 2С1 «Гвоздика»¹³.*

Словарные описания единиц эталонов обнаруживают связующее звено всех номинаций – сигнификат «запах» (*фиалка* – «род ... эфирно-масличных растений»¹⁴; *гиацинт* – «... очень часто разводится в комнатах ради душистых цветов ...»¹⁵; *гвоздика* – «пряность из ... бутонов гвоздичного дерева»¹⁶), который контрастирует с боевыми реалиями. Антагонистические отношения между общеязыковой и военной номинациями позволяют усмотреть эвфимию в форме иронии или оксюморона. Эталон *гиацинт* является эпонимом и реализует двойной перенос имени (с антропонима – на фитоним, а затем – на боевую единицу).

(1.2.3) Натуронимы достаточно распространены в военном нейминге: *трёхствольный 82-мм нарезной гранатомёт «Туча»¹⁷, ракетная система залпового огня «Град»¹⁸, ракетная система залпового огня «Смерч»¹⁹, ракетная система залпового огня «Ураган»²⁰. В словарных статьях толковых словарей выделены значимые компоненты семантики, служащие основой для военной номинации. *Туча* – «1) ... облако, грозящее дождем, градом, снегом; 2) перен. опасность, нависающая беда, что-н. угрожающее ...; 3) перен. ... множество чего-н.»²¹; *град* – «перен. множество (о чем-нибудь осы-*

¹ Энциклопедия современного оружия и боевой техники. С. 6.

² Там же. С. 6.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 51.

⁵ Там же. С. 88.

⁶ См.: Тигр [Электронный ресурс] // Исторический словарь галлицизмов русского языка (сост. Епишкин Н. И.) : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34Yyz5> (дата обращения: 16.03.2022).

⁷ См.: Пантера [Электронный ресурс] // Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка (сост. Чудинов А. Н., 1910 г.) : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34Yz94> (дата обращения: 21.02.2022).

⁸ См.: Леопард [Электронный ресурс] // Иллюстрированный энциклопедический словарь (сост. Бородулин В. И.) : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34YzBd> (дата обращения: 04.03.2022).

⁹ См.: Современный толковый словарь русского языка Ефремовой: Фокс [Электронный ресурс] // Академик : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34ZDfa> (дата обращения: 19.02.2022).

¹⁰ См.: English terms dictionary: Cobra [Электронный ресурс] // Академик : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34ZDgH> (дата обращения: 19.02.2022).

¹¹ Энциклопедия современного оружия и боевой техники. С. 125.

¹² Там же. С. 127.

¹³ Там же. С. 124.

¹⁴ См.: Фиалка [Электронный ресурс] // Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка (сост. Чудинов А. Н., 1910 г.) : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34YzV2> (дата обращения: 21.02.2022).

¹⁵ См.: Гиацинт [Электронный ресурс] // Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка (сост. Павленков Ф., 1907 г.) : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34Yzeg> (дата обращения: 25.02.2022).

¹⁶ См.: Гвоздика [Электронный ресурс] // Иллюстрированный энциклопедический словарь (сост. Бородулин В. И.) : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34YzbK> (дата обращения: 04.03.2022).

¹⁷ Энциклопедия современного оружия и боевой техники. С. 92.

¹⁸ Там же. С. 151.

¹⁹ Там же. С. 159.

²⁰ Там же. С. 152.

²¹ См.: Туча [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ушакова : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34Z2aq> (дата обращения: 14.03.2022).

пающем, поражающем)»¹. *Смерч* – «чрезвычайно сильный атмосферный вихрь с циркуляцией воздуха ...»²; *ураган* – «название *бури* со скоростью ветра больше 30 м/с»³. Сигнификаты ‘угроза’ и ‘множество’ пронизывают эталоны подгруппы, создают основу для метонимии и обеспечивают объект новой номинации прагматическим эффектом, присущим эталону.

(1.2.4) Названия инструментов также служат эталонами для словопроизводства лексем в военной терминосистеме: *переносной зенитно-ракетный комплекс «Игла»*⁴, *переносной зенитно-ракетный комплекс «Стрела-2»*⁵ и *танк FV107 “Scimitar”*⁶. *Игла* – «небольшой, очень тонкий кусок металла с острым концом, который используется для шитья»⁷; *стрела* – «... прямая, облая деревянная спица, со стальным ... жалом ...»⁸; *Scimitar / Scimitar* – “a saber with a much curved blade having the edge on the convex side ...”⁹. Внешнее сходство эталона (инструмента, орудия, оружия) и военной техники обеспечивает возможность передачи имени общеязыковой лексемы узкоспециализированной военной единице.

(1.2.5) Лексико-семантическое словопроизводство в военном подязыке использует также энтонимы – метафоры, полученные путём переноса имён насекомых: *танк FV101 «Скорпион»*¹⁰ и *инженерная разведывательная машина «Жук»*¹¹. Сигнификаты эталонов служат фундаментом для переноса значимых свойств на номинируемые объекты в военной сфере: *скорпион* – «род *ядовитого* паука, яд которого передается из *крючка*, *находящегося на хвосте* ...» (ср. кормовое расположение башни у танка, ассоциируемое с эталоном)¹²; *жук* – «общее название *жесткокрылых* насекомых» (ср. броневую сталь, используемую в корпусе машины)¹³.

(1.2.6) Энтонимы актуализированы в наименованиях *бронетранспортёр Alvis FV603 “Saracen”*¹⁴ и *колёсный бронетранспортёр AT105 «Саксон»*¹⁵. В военном нейминге использована семантика *сарацин* ‘противостояние врагу’: «Во времена крестовых походов этим словом называли арабов и египтян, *противостоявших европейцам* на ближнем Востоке»¹⁶. Эталон *саксон* – “a confederation of Old Germanic tribes; early mediaeval peoples that settled in Britain”¹⁷ указывает место производства техники (Великобритания) и отражает в новой номинации чувство гордости и национальной идентичности производителей бронетранспортёра (см. рис. 1).

¹ См.: ГРАД [Электронный ресурс] // Словарь Ушакова : [сайт]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=10997> (дата обращения: 14.03.2022).

² См.: Географическая энциклопедия: смерч [Электронный ресурс] // Академик : [сайт]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_geo/7141/смерч (дата обращения: 21.03.2022).

³ См.: Ураган [Электронный ресурс] // «Центр гигиенического образования населения» Роспотребнадзора : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34Z3WC> (дата обращения: 21.03.2022).

⁴ Энциклопедия современного оружия и боевой техники. С. 92.

⁵ Там же. С. 92.

⁶ Там же. С. 56.

⁷ См.: Игла [Электронный ресурс] // Толковый словарь русского языка Дмитриева : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34Z3iK> (дата обращения: 10.03.2022).

⁸ См.: Стрела // Толковый словарь Даля онлайн. URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=39283> (дата обращения: 21.02.2022).

⁹ См.: The Collaborative International Dictionary of English: Scimitar [Электронный ресурс] // Academic : [сайт]. URL: <https://cide.en-academic.com/154706/Scimitar> (дата обращения: 10.03.2022).

¹⁰ Энциклопедия современного оружия и боевой техники. С. 51.

¹¹ Там же. С. 53.

¹² См.: Скорпион [Электронный ресурс] // Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка (сост. Чудинов А. Н., 1910 г.) : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34Z4Xw> (дата обращения: 21.02.2022).

¹³ См.: Жук // Толковый словарь Даля онлайн. URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=8063> (дата обращения: 21.02.2022).

¹⁴ Энциклопедия современного оружия и боевой техники. С. 85.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: Сарацины [Электронный ресурс] // Википедия : [сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сарацины> (дата обращения: 21.02.2022).

¹⁷ См.: Saxons [Электронный ресурс] // Wikipedia : [сайт]. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Saxons> (дата обращения: 21.02.2022).

Рис. 1 / Fig. 1. Группировка данных первого уровня таксономии / Taxonomy first level data set

Источник: составлено автором по материалам исследования

(2) Второй критерий авторской типологии составляют различные типы мотивационных семантических отношений между эталоном и номинируемой единицей: от отождествления до антагонизма [18, с. 90]. В этой иерархии представлены 4 уровня, насчитывающие 7 таксонов.

(2.1) Онтологическая связь между объектами номинации – эталоном и его вторичным экспонентом – основана на их сопоставлении и/или соположении, наиболее часто реализуемым через тождество, близость, уподобление.

(2.1.1) Подобие является результатом когнитивной деятельности, которая позволяет выявить сходство по внешним и/или по функциональным характеристикам эталона и номинанта. В выборке представлены метафоры, основанные на сходстве внешних параметров: *противотанковая ракета «Малютка-2»*¹, *зенитно-ракетный комплекс «Круг»*², мина АРМ РМГТ «*Спираль*»³. Габаритное уподобление очевидно в отношении единицы *малютка-2* с эталоном: она небольшая в сравнении с аналогами (длина: 860 мм, калибр: 125 мм, размах крыльев: 393 мм)⁴.

Военная номинация *круг* основана на сходстве с геометрической фигурой, которая соответствует зоне поражения ракеты (окружность, созданная областью действия широкого луча радиоканала)⁵. В основе метафоры *спираль* лежит конструктивная характеристика военной единицы.

(2.1.2) Среди функциональных аналогий, служащих мотивом к вторичной косвенной номинации, выделены звуковые, поведенческо-тактические, технические, организационные, результативные проявления.

(2.1.2.1) Звуковые метафоры представляют ассоциации, связанные с природными явлениями и характерными для них звуками. Общность аудиального эффекта в таком случае служит основой установления подобия между естественным (природным) акустическим свойством и искусственным (рукотворным), присущим военной технике. *Гладкоствольная пусковая установка 2А28 «Гром»*⁶ апеллирует к значению «*сильный шум; грохот*»⁷. В имени *ракетная систе-*

¹ Энциклопедия современного оружия и боевой техники. С. 90.

² Там же. С. 127.

³ Там же. С. 170.

⁴ См.: *Малютка (ПТРК)* [Электронный ресурс] // Википедия : [сайт]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Малютка_\(ПТРК\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Малютка_(ПТРК)) (дата обращения: 14.03.2022).

⁵ *Круг (зенитный ракетный комплекс)* [Электронный ресурс] // Википедия : [сайт]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Круг_\(зенитный_ракетный_комплекс\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Круг_(зенитный_ракетный_комплекс)) (дата обращения: 14.03.2022).

⁶ Энциклопедия современного оружия и боевой техники. С. 90.

⁷ См.: *Энциклопедический словарь: Гром* [Электронный ресурс] // Академик : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34ZAeL> (дата обращения: 14.03.2022).

ма залпового огня «Слэммер-6»¹ очевидна мотивация понятием *slam* 'хлопать'².

(2.1.2.2.) Поведенческие особенности эталонов ассоциируются тактическими и техническими характеристиками военного объекта. Бронетранспортёр ACEC «Cobra»³: *“The Cobra was the fifth vehicle prototype of the experimental project to create a vehicle with an electric transmission”*. Приближенное к бесшумному и неожиданное для противника перемещение этого БТР (т. е. скрытное)⁴ указывает на функциональное сходство рептилии и военной техники, что и служит основой лексико-семантического словопроизводства. Кирасир (лёгкий танк “Steyr SK 105”⁵) апеллирует к реалии «военнослужащий частей тяжёлой кавалерии, носивший кирасу»⁶, а аналогия связывает защищённость эталона (доспехом) и номинанта (бронею). Боевая разведывательная машина FV721 “Fox”⁷ является результатом ассоциативного переноса имени с эталона фокстерьер, соотносимого с ним по тактическому критерию.

(2.1.2.3) К техническим метафорам отнесены единицы образной номинации в военной сфере, имеющие конструкционное и эксплуатационное сходство с эталоном. Наименование *переносной зенитно-ракетный комплекс «Игла»* ис-

пользовано как сравнение работы снаряда ПЗРК со швейной иглой (т. е. фактического «прошивания» бронирования авиации)⁸. В имени *переносной зенитно-ракетный комплекс «Стрела-2»* образ указывает на форму данного снаряда⁹. Такое же семантическое развитие общезыковой единицы в военном нейминге можно проследить в названии *ракетный комплекс MGM-52 «Ланс»*¹⁰: «Ланс – Копье. Фигура фейерверка»¹¹. Ракетный комплекс «Точка»¹² содержит переосмысленное означаемое «маленькое круглое пятнышко»¹³ и отсылает пользователя к высокоточности ракетного комплекса.

(2.1.2.4) Организационные метафоры отражают ассоциации с мероприятиями и структурой организаций (специализацией войск). Противотанковый управляемый ракетный комплекс «Конкурс»¹⁴ апеллирует к «соискательству нескольких лиц для получения награды, премии»¹⁵. Сапёрный танк «Пионирпациер»¹⁶ включает в своё наименование общезыковые единицы 'пионер' и 'танк', где пионер – «тот, кто прокладывает новые пути в

¹ Энциклопедия современного оружия и боевой техники. С. 156.

² См.: «Взрыв» и «хлопок» – в чём разница [Электронный ресурс] // Бел.Ру: [сайт]. URL: <https://bel.ru/news/society/13-05-2022/vzryv-i-hlopok-v-chyom-raznitsa> (дата обращения: 29.03.2022).

³ Энциклопедия современного оружия и боевой техники. С. 88.

⁴ См.: ACEC Cobra [Электронный ресурс] // Wikipedia: [сайт]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/ACEC_Cobra (дата обращения: 19.02.2022); English terms dictionary: Cobra [Электронный ресурс] // Академик: [сайт]. URL: https://terms_en.en-academic.com/8945/cobra (дата обращения: 19.02.2022).

⁵ Энциклопедия современного оружия и боевой техники. С. 73.

⁶ См.: Толковый словарь Ожегова: Кирасир [Электронный ресурс] // Академик: [сайт]. URL: <https://clck.ru/34ZBGp> (дата обращения: 16.03.2022).

⁷ Энциклопедия современного оружия и боевой техники. С. 51.

⁸ См.: Игла [Электронный ресурс] // Толковый словарь русского языка Дмитриева: [сайт]. URL: <https://clck.ru/34Z3iK> (дата обращения: 10.03.2022).

⁹ См.: Стрела // Толковый словарь Даля онлайн. URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=39283> (дата обращения: 21.02.2022).

¹⁰ Энциклопедия современного оружия и боевой техники. С. 176.

¹¹ См.: Ланс [Электронный ресурс] // Исторический словарь галлицизмов русского языка (сост. Епишкин Н. И.): [сайт]. URL: <https://clck.ru/34ZBiY> (дата обращения: 16.03.2022).

¹² Энциклопедия современного оружия и боевой техники. С. 176.

¹³ См.: Точка [Электронный ресурс] // Словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=77563> (дата обращения: 14.03.2022).

¹⁴ Энциклопедия современного оружия и боевой техники. С. 91

¹⁵ См.: Словарь иностранных слов русского языка: конкурс [Электронный ресурс] // Академик: [сайт]. URL: <https://clck.ru/34ZEE6> (дата обращения: 14.03.2022).

¹⁶ Энциклопедия современного оружия и боевой техники. С. 108.

какой-л. сфере»¹, указывает на специфику применения танка для ускоренного разминирования новой местности. *Минный заградитель «Рейнджер»*² отражает общность организации деятельности и ассоциируется с силами специального назначения.

(2.1.2.5) К подгруппе результативных метафор относятся единицы, отражающие результат сравнения и/или сопоставления с эталоном, в качестве которого используются прагмемы и лексемы с ярким экспрессивно-оценочным значением. *Ракетная система залпового огня «Прима»*³ содержит указание на первоочерёдность действия и первостепенность его качества, т. к. *прима* – «лицо или инструмент, ведущие первую партию в ансамбле» и «главная солистка или солист в оперном или балетном театре»⁴. *120-мм миномет М65 «Солтам»*⁵ указывает на сигнификат единицы *султан*, имеющей в арабском языке значение 'мощный', 'господин'⁶, эксплицируя эффективность военной техники.

(2.2) Отличительным признаком второй подгруппы является отчётливо выраженная семантика контраста сопоставляемых понятия (эталона) и предмета образной номинации. Когнитивная связь в таком переносе имени предстаёт как

конфронтация и реализует прагматику сарказма, оксюморона и т. п. К этой подгруппе отнесены фитонимные метафоры *Гиацинт*, *Гвоздика*, *Фиалка*, обозначающие в общем лексиконе цветы, где положительная коннотация обусловлена сигнификатом 'аромат' и/или 'красивый цветок'. Номинация боевых единиц артиллерии преломляет семантику, переключая оценку на отрицательную, связанную с понятиями 'война', 'оружие', 'смерть'. Подобный контраст интенционала и экстенционала демонстрирует имя *самоходная пушка FV433 «Аббот»*⁷, т. к. семантика эталона указывает на мирную духовную деятельность: "a title given to the superior of a community of twelve or more monks"⁸, а переносом имени с единицы положительной коннотации на военный объект репрезентируется противопоставление 'мир-война' (см. рис. 2).

Заключение

Основные результаты анализа военного нейминга позволяют сделать ряд важных выводов практического порядка (над наблюдаемым языковым материалом) и заключений в теоретическом обобщении.

1. Военный нейминг активно использует метафоры, которые склонны к универсальности, т. к. представлены в языковых фактах разных национальных языков (русского, английского и немецкого).

2. Авторская семантическая типология метафор в номинации военной техники построена как таксономия с не-взаимоисключающими основаниями, представлена 4 уровнями и дифференцирует 17 подгрупп.

3. Количественный анализ обнаруживает в военном подязыке переосмысление нарицательных зоонимов, фитонимов, натуронимов и инструментонимов

¹ См.: Энциклопедический словарь: Пионер [Электронный ресурс] // Академик : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34ZBxC>; Энциклопедия техники: Танк [Электронный ресурс] // Академик : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34ZC2L> (дата обращения: 19.03.2022).

² См.: Словарь иностранных слов русского языка: Рейнджер [Электронный ресурс] // Академик : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34ZC4d> (дата обращения: 19.03.2022).

³ Энциклопедия современного оружия и боевой техники. С. 154.

⁴ См.: Прима [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ушакова : [сайт]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=57484> (дата обращения: 19.03.2022).

⁵ Энциклопедия современного оружия и боевой техники. С. 174.

⁶ См.: Султан [Электронный ресурс] // Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка (сост. Чудинов А. Н., 1910 г.) : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34ZCWN> (дата обращения: 19.03.2022).

⁷ Энциклопедия современного оружия и боевой техники. С. 138.

⁸ См.: Abbot // The Catholic Encyclopedia: in 15 volumes / ed. by C. G. Herbermann et al. New York: Rodert Appleton Company, 1907. Vol. I. P. 15.

Рис. 2 / Fig. 2. Группировка данных второго уровня таксономии / Taxonomy second level data set

Источник: составлено автором по материалам исследования

и распространение эпонимов, также с двойным переносом имени собственного (антропотопонимов, антропофитонимов и антропоастронимов на номинируемый объект).

4. Когнитивное моделирование метафор по мотивирующему признаку обнаруживает две конкурирующие стратегии номинации: на основании сходства (внешнего и функционального) и контраста между общеупотребительным эталоном и единицей военной номенклатуры.

Теоретическая значимость заключается в пополнении системы знаний о способах не прямой образной номинации в военном подязыке, построении авторской

таксономии метафор в военном нейминге, решении задачи когнитивного моделирования метафор военного дискурса. Практическая ценность состоит в возможности использования результатов исследования в курсах лингвокогнитологии, лингвистилистики, лингвокультурологии. Дальнейшую перспективу исследования составляют дифференциация уникальных и национально специфичных стратегий метафоризации в военном подязыке, разработка морфологической типологии военных метафор, исследование перевода образной номинации в военной сфере.

Дата поступления в редакцию 27.12.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М.: Институт русского языка РАН, 1991. 193 с.
2. Баранова Т. М., Жирова И. Г. Функции индивидуальных образных сравнений в художественном тексте жанра «комическое фэнтези»: лингвистический и переводческий аспекты // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 2. С. 73–80. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-2-73-80.
3. Берков В. Ф. Философия и методология науки. М.: Новое знание, 2004. 336 с.
4. Блох М. Я., Молчанова Е. С. Метафоры и сравнения в жанрах интернет-дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 3. С. 6–14. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-3-6-14.
5. Будаев Э. В. «Могут ли метафоры убивать?»: Прагматический аспект политической метафористики // Политическая лингвистика. 2006. № 20. С. 67–75.

6. Будаев Э. В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. 2007. № 1. С. 16–32.
7. Виноградов В. В. Слово и образ // Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики. М.: Высшая школа, 1981. С. 102–119.
8. Гаврилов Л. А., Оришак О. В. Роль языкового манипулирования сознанием в текстах западных СМИ и их учет в процессе реферирования и перевода // Актуальные проблемы преподавания курса перевода в вузе: материалы научно-практической конференции (24 мая 2006 г.). М.: Спецтипография Академии ФСБ России, 2008. С. 71–81.
9. Жирова И. Г. Лингвистические проблемы ономастики: когнитивная и социокультурная знаковая имени собственного в художественном произведении. Рецензия на монографию Елены Фёдоровны Косиченко «Имя собственное в семиотическом пространстве культуры и художественного текста» (М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. 294 с.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 4. С. 90–97. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-4-90-97.
10. Зарипов Р. И. Метафорическое манипулятивное воздействие как элемент информационной войны // Вопросы психолингвистики. 2015. № 23. С. 95–106.
11. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. История науки о языке; 4-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2011. 376 с.
12. Прямухина С. А., Филиппова И. Н. Статус словообразовательных калькированных единиц (на материале немецкоязычных калек в русском языке XVIII–XIX вв.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 4. С. 117–126. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-4-117-126.
13. Пшеницын С. Л. Культурологический подход к переводу: теоретическое значение // *Studia Linguistica*. 1998. № VII. С. 185–199.
14. Кирпичева О. В. Прецедентные имена героев мультипликационного дискурса киностудии «Дисней-фильм» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 6. С. 17–26. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-6-17-26.
15. Кирсанова М. М. К вопросу об интерпретации образных неологических сочетаний публицистических текстов (на материале французского языка) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 1. С. 80–87. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-1-80-87.
16. Смирнова А. Г. Обувь как метафора эмоциональных состояний в романе Дж. С. Фоера «Жутко громко и запредельно близко» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3. С. 65–73. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-65-73.
17. Филиппова И. Н. Лингвофилософия холизма. М.: Формат, 2019. 185 с.
18. Филиппова И. Н. Сравнительная типология немецкого и русского языков. М.: Флинта, 2012. 144 с.

REFERENCES

1. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. *Russkaya politicheskaya metafora. Materialy k slovaryu* [Russian political metaphor. Materials for the dictionary]. Moscow, Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences Publ., 1991. 193 p.
2. Baranova T. M., Zhirova I. G. [Functions of original similes in comic fantasy fiction: linguistic and translation aspects]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2021, no. 2, pp. 73–80. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-2-73-80.
3. Berkov V. F. *Filosofiya i metodologiya nauki* [Philosophy and methodology of science]. Moscow, Novoye znaniye Publ., 2004. 336 p.
4. Blokh M. Y., Molchanova E. S. [Metaphors and similes in the genres of internet-discourse]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2021, no. 3, pp. 6–14. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-3-6-14.
5. Budaev E. V. [“Can metaphors kill?”: pragmatic aspects of political metaphors]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2006, no. 20, pp. 67–75.

6. Budaev E. V. [Formation of the cognitive theory of metaphor]. In: *Lingvokul'turologiya* [Lingvocul-turology], 2007, no. 1, pp. 16–32.
7. Vinogradov V. V. [Word and image]. In: Vinogradov V. V. *Problemy russkoy stilistiki* [Problems of Russian stylistics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1981, pp. 102–119.
8. Gavrilov L. A., Orishak O. V. [The role of linguistic manipulation of consciousness in the texts of Western media and their consideration in the process of abstracting and translation]. In: *Aktual'nyye problemy prepodavaniya kursa perevoda v vuze: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii (24 maya 2006 g.)* [Actual problems of teaching the course of translation at the university: materials of the scientific-practical conference (May 24, 2006)]. Moscow, Spetstipografiya Akademii FSB Rossii Publ., 2008, pp. 71–81.
9. Zhironova I. G. [Linguistic problems of onomastics: cognitive and socio-cultural significance of a proper name in a work of art. Review of the monograph by Elena F. Kosichenko "A proper name in the semiotic space of culture and fiction text" (Moscow, Moscow State Linguistic University Publ., 2017. 294 p.)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2020, no. 4, pp. 90–97. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-4-90-97.
10. Zaripov R. I. [Manipulation impact through metaphors as an element of information warfare]. In: *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2015, no. 23, pp. 95–106.
11. Nelyubin L. L., Khukhuni G. T. *Istoriya nauki o yazyke* [History of the science of language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2011. 376 p.
12. Pryamukhina S. A., Filippova I. N. [The status of the derivational loan translations (study of German calques in the Russian language in XVIII–XIX centuries)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2018, no. 4, pp. 117–126. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-4-117-126.
13. Pshenitsyn S. L. [Cultural approach to translation: theoretical significance]. In: *Studia Linguistica*, 1998, no. VII, pp. 185–199.
14. Kirpicheva O. V. [Precedent names of the Walt Disney animated discourse characters]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2020, no. 6, pp. 17–26. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-6-17-26.
15. Kirsanova M. M. [Figurative neological combinations interpretation in publicistic texts (the French language)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2020, no. 1, pp. 80–87. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-1-80-87.
16. Smirnova A. G. [Boot metaphor as a mean of conceptualizing emotions (based on the book by J. S. Foer "Extremely loud and incredibly close")]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2022, no. 3, pp. 65–73. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-65-73.
17. Filippova I. N. *Lingvofilosofiya kholizma* [Linguistic philosophy of holism]. Moscow, Format Publ., 2019. 185 p.
18. Filippova I. N. *Sravnitel'naya tipologiya nemetskogo i russkogo yazykov* [Comparative typology of German and Russian languages]. Moscow, Flinta Publ., 2012. 144 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Старченко Дмитрий Олегович – аспирант кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Государственного университета просвещения;
e-mail: starchenko_dmitry@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry O. Starchenko – Postgraduate Student, Department of translation studies and cognitive linguistics, State University of Education;
e-mail: starchenko_dmitry@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Старченко Д. О. Семантическая типология метафор в военном нейминге // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 72–84.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-72-84

FOR CITATION

Starchenko D. O. Metaphor semantic typology in military naming. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 3, pp. 72–84.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-72-84

УДК 81.366

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-85-93

СОХРАНЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ЕДИНСТВО И ПРОТИВОРЕЧИЕ

Хухуни Г. Т., Валуйцева И. И.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель исследования – рассмотрение некоторых аспектов лингвистического и экстралингвистического характера, связанных с процессами сохранения / утраты языковой / культурной идентичности в иноязычном / инокультурном окружении.

Процедура и методы. Используются методы социолингвистического анализа фактического материала на основе источников различного характера (официальные документы, имеющие отношение к языковой политике тех или иных государств, научные работы, освещающие данную проблематику, исторические свидетельства и др.).

Результаты. Выявлены и изучены факторы, оказывающие влияние на процессы сохранения / утраты этнической и лингвистической идентичности: признание / отрицание её наличия со стороны государственных органов, рассмотрение этнической общности как «коренной» или «пришлой», квалификация идиома как «языка» или «диалекта», религиозная составляющая лингвокультурной идентичности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Представленный в статье фактический материал и полученные на основе его анализа результаты могут быть использованы при изучении особенностей языковой ситуации в различных регионах, а также при преподавании курсов социолингвистики и этнопсихолингвистики в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: идентичность, этнический, сохранение, окружение, религиозный, язык, диалект

THE PRESERVATION OF THE ETHNIC AND LINGUISTIC IDENTITY: UNITY AND CONTRADICTION

G. Khukhuni, I. Valuitseva

State University of Education

ulitsa Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider some aspects of linguistic and extralinguistic nature related to the processes of preservation / loss of linguistic / cultural identity in a foreign language / foreign cultural environment.

Methodology. The methods of sociolinguistic analysis of factual material based on sources of various nature (official documents related to the language policy of certain states, scientific papers covering this issue, historical evidence, etc.) are used.

Results. The factors influencing the processes of preserving / loss of the ethnic and linguistic identity are identified and studied: recognition / denial of its existence by state bodies, consideration of an

ethnic community as “indigenous” or “alien”, qualification of an idiom as “language” or “dialect”, religious component of linguistic and cultural identity.

Research implications. The factual material presented in the article and the results obtained on the basis of its analysis can be used in studying the peculiarities of the language situation in various regions, as well as in teaching courses of sociolinguistics and ethnopsycholinguistics in higher educational institutions.

Keywords: identity, ethnic, preservation, environment, religious, language, dialect

Введение

Говоря о судьбе тех или иных этноязыковых общностей, оказавшихся в силу различных причин в иноязычном / инокультурном окружении, чаще всего предполагают направление их развития по двум возможным путям: 1) конечная ассимиляция, прежде всего в языковом отношении (пока оставляем в стороне вопрос о том, будет ли она как-то стимулироваться административными мерами извне или протекать «естественным» путем) или 2) сохранение собственной лингвокультурной и этнической идентичности, при которой осознаются отличия как со своей стороны, так и со стороны окружающих. Названные тенденции нашли отражение в двух наиболее известных моделях – «плавильного котла» и мультикультурализма, с разной степенью (не)удачи применявшихся в различных странах. Конкретные условия, в которых эти процессы протекают, весьма несхожи в тех или иных государствах (или отдельных регионах). Предлагаемая статья содержит попытку рассмотреть некоторые аспекты данной проблемы на конкретных примерах.

Признание или отрицание?

Начать наше рассмотрение приходится с очевидного, на первый взгляд, вопроса: признаётся ли вообще наличие проблемы этноязыкового меньшинства / меньшинств в том или ином территориально-государственном образовании? Подчеркнём: речь идёт именно об их *признании* на официальном уровне и учёте данного фактора в языковой политике, а не о *фактическом наличии* таких меньшинств. Если признание оговаривается

специально, то оно, как правило, подтверждается фиксацией в соответствующих государственных документах. Примером может служить статья 68 ныне действующей Конституции Российской Федерации, в которой, наряду с общегосударственной идентичностью, гарантируется забота о сохранении этноязыковой и этнокультурной идентичности¹. Отсутствие такого признания, как правило, выражается «по умолчанию», когда все граждане / подданные рассматриваются как представители одной нации, а упоминание о каких-либо других этносах, кроме титульного, отсутствует. Так, в статье 3 Конституции Турецкой Республики читаем: «Турецкое государство, его территория и нация – единое неделимое целое. Официальный язык – турецкий»², – хотя наличие там значительного по численности курдского населения, отношения части которого с центральной властью порой принимали сложный характер, известно. В подобных случаях ожидаемыми являются попытки со стороны соответствующих «нетитульных» народов сохранить свою, отличную от общего-

¹ Положения, касающиеся данного вопроса (статья 68): «2. Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации. 3. Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития». См.: Конституция Российской Федерации // Правовой портал ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 18.11.2022).

² Конституция Турецкой Республики [Электронный ресурс] // Конституции государств (стран) мира: [сайт]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=84> (дата обращения: 18.11.2022).

сударственной, языковую и культурную идентичность. При формально нейтральной языковой политике стремление к сохранению идентичности, в лучшем случае, признаётся либо их частным делом, к тому же не очень положительно воспринимаемым властями, либо – когда языковая политика носит по отношению к ним агрессивно-деструктивный характер – рассматривается как проявление запрещённого сепаратизма и принимает фактически подпольный характер, что можно наблюдать в нынешней Украине.

Хотя традиционно деструктивная политика связывается обычно с правыми диктатурами, история знает и обратные примеры. Наиболее яркий и известный относится к Великой Французской революции, один из деятелей которой (Бертран Барер) в докладе Конвенту провозгласил: «Федерализм и предрасудок говорят на бретонском диалекте, эмиграция и зависть к республике – на немецком, контрреволюция говорит по-итальянски, а фанатизм по-баскски. Разобьём эти орудия вредительства и заблуждения! Монархия имела основания оставаться похожей на вавилонскую башню, но в демократии оставлять граждан невежественными в национальном языке, не способными контролировать власть, – значит совершать измену по отношению к родине, ибо всякий печатник – учитель языка и законодательства. Французский язык станет всемирным языком, потому что это язык французов. Пока что, так как он имел честь служить Декларации прав человека, он должен стать языком всех французов. У свободного народа язык должен быть единым для всех» (цит. по: [4, с. 48–49]). Стремление к унификации характерно для языковой политики Франции и в позднейшие периоды, хотя, разумеется, её проявления могли – в соответствии с потребностями времени – видоизменяться¹.

¹ Так, с 2008 г. в Конституцию Франции включена статья 75-1: «Региональные языки являются частью национального достояния Франции» с сохранени-

«Коренные» и «некоренные» языки

При рассмотрении языковой политики приходится принимать во внимание ещё один фактор, который может существенным образом повлиять на возможность или, напротив, затруднительность для того или иного меньшинства обеспечить сохранение своей лингвокультурной идентичности. Имеется в виду квалификация идиома в данном государстве как принадлежащего «коренной» или «пришлой» этнической общности, то есть рассматривается ли она с государственно-административной точки зрения как «своя» или «чужая». В большинстве случаев (что далеко не всегда выражается прямо) основную роль в подобной квалификации обычно играют причины не столько собственно языкового и/или культурного, сколько политического характера. Весьма показательным, с этой точки зрения, представляется Закон об официальном языке – *Official Language Law* (поскольку официальный русский перевод нам обнаружить не удалось, мы пользовались англоязычной версией²), принятый после получения независимости в Латвийской Республике. Провозглашается необходимость заботиться о письменной форме латгальского (п. 4 статьи 3) на том основании, что он представляет собой «исторический вариант латышского» (“The State shall ensure the maintenance, protection and development of the Latgalian written language as a historic variant of the Latvian language”³). Относительно принадлежащего к совершенно

ем положения (статья 2), согласно которому «Язык Республики – французский». См. полный текст Конституции 1958 года с изменениями, внесёнными 23 июля 2008 года: *Constitution du 4 octobre 1958 à jour de la révision du 23 juillet 2008* [Электронный ресурс]. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf (дата обращения: 24.11.2022). Подробнее см. [10].

² *Official Language Law* [Электронный ресурс] // Likumi: LEGAL ACTS OF THE REPUBLIC OF LATVIA : [сайт]. URL: <https://likumi.lv/ta/en/id/14740-official-language-law> (дата обращения: 16.11.2022).

³ Там же.

другой (угро-финской) языковой семье ливского провозглашается (статья 4) обеспечение его сохранения и развития как «коренного» (автохтонного) языка: “The State shall ensure the maintenance, protection and development of the Liv language as the language of the indigenous (autochthon) population”¹. Напомним, что на ливском живое общение практически отсутствует. Следующая статья цитируемого документа содержит весьма лаконичную формулировку, касающуюся остальных идиомов на территории республики: “Any other language used in the Republic of Latvia, except the Liv language, shall be regarded, within the meaning of this Law, as a foreign language.”² Какой именно язык, в первую очередь, тем самым исключался из числа имеющих какой-либо официальный статус, наглядно показали последующие события.

Лингвокультурный и этнокультурный аспекты: проблема взаимоотношения

Приведённые выше примеры относятся, в первую очередь, к факторам политико-административного характера, представляющим собой прямое вмешательство государственных органов в дело использования какого-либо идиома / идиомов как средства коммуникации. Их число можно было бы умножить, обращаясь как к прошлому, так и к современным событиям, имеющим место в различных регионах. На анализируемые процессы влияют и другие факторы.

В связи с этим представляется целесообразным сделать одну существенную оговорку. До сих пор мы говорили об этноязыковых / лингвокультурных моментах в целом. Однако полный параллелизм между ними наблюдается не всегда: практически полная языковая ассимиляция мо-

жет не сопровождаться столь же полной потерей идентичности *этнокультурной*.

Это привлекало внимание не только (и до определённого времени не столько) представителей лингвистической науки, сколько политических деятелей, которым приходилось обращаться к данному вопросу по роду своих занятий. Практически идентичные высказывания по рассматриваемой проблеме можно встретить у авторов, полярно противоположных по своему мировоззрению.

Наглядным примером такого парадоксального совпадения можно назвать суждения, относящиеся к языковой ситуации в Ирландии, принадлежащие Ф. Энгельсу и Д. Ллойд Джорджу. Трудно найти какие-либо точки соприкосновения между Ф. Энгельсом (спутниками жизни которого были две сестры – ирландки по происхождению), утверждавшим вместе со своим соратником: «Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Сила, нужная ему для подавления другого народа, в конце концов всегда обращается против него самого» [7, с. 509], – и премьер-министром Британской империи, построенной как раз на этом самом «подавлении» народов, попавших под её власть. И тем не менее оценки их в данном случае оказались весьма схожими, о чём свидетельствуют две приводимые ниже цитаты.

Ф. Энгельс: «После свирепейшего подавления, после каждой попытки истребления ирландцы, спустя короткий срок, снова поднимались с ещё большей силой, чем когда-либо прежде; они словно черпали свою главную силу в чужеземном гарнизоне, который сажали им на шею для их угнетения. Во втором, а часто и в первом поколении, чужеземцы превращались в больших ирландцев, чем сами ирландцы (*Hiberniores ipsis Hibernis*), а последние – чем больше усваивали английский язык и забывали свой собственный, тем больше становились ирландцами» (курсив наш – Г. Х., И. В.) [8].

¹ Official Language Law [Электронный ресурс] // Likumi: LEGAL ACTS OF THE REPUBLIC OF LATVIA : [сайт]. URL: <https://likumi.lv/ta/en/id/14740-official-language-law> (дата обращения: 16.11.2022).

² Там же.

Д. Ллойд Джордж: «Язык не является еще признаком при определении национальной принадлежности ... Значительная часть ирландского народа забыла свой древний язык и в течение многих столетий говорила на языке ненавистных им порабощателей, ругая последних на их собственном языке» [6, с. 131].

Заметим, что подобные примеры иногда приводят к недооценке значения языка как фактора, играющего одну из ведущих ролей в сохранении этнокультурной идентичности. Так, в статье, принадлежащей авторитетному отечественному этнографу, утверждалось: «Добровольная языковая ассимиляция (то есть переход с этнического языка на общеупотребимый) является нормой, неотъемлемым правом человека, как и право сохранять язык своей местности. Надо признать эти права. ... Утрата языка трактуется как исчезновение народа. Это ... заблуждение. ... Индейские языки почти исчезли. Но народы остаются. То же самое и в нашей стране. Российские немцы, украинцы, армяне почти все русскоязычные. Из евреев мало кто знает идиш или иврит. Но от этого они не перестали быть армянами или евреями»¹.

На наш взгляд, приведённая трактовка требует уточнения. С одной стороны, она рассматривает в качестве нормы явление, в подавляющем большинстве случаев вызванное причинами внешнего порядка. С другой – игнорирует коренное различие между идиомами, используемыми за пределами данной территории в качестве ведущих и, как правило, формально закреплёнными в той или иной форме в роли основного средства коммуникации. Говорить о «добровольности» того, что произошло с массой носителей коренных языков Америки после прихода туда европейцев или, тем более, идиша в 30–40-е годы XX века, весьма сложно.

¹ Тишков В. Народ не умирает с языком [Электронный ресурс] // Известия: [сайт]. URL: <https://iz.ru/920557/valerii-tishkov/narod-ne-umiraet-s-iazykom> (дата обращения: 23.11.2022).

Относительно же российских немцев, украинцев, армян и т. п. приходится рассуждать именно как о *российских*, поскольку эти языки в соответствующих странах (а немецкий не только в одной стране) и фактически, и юридически могут квалифицироваться как доминирующие. Если применительно к таким языкам вопрос о сохранении их применения в диаспоре (здесь в разных случаях дело действительно обстоит по-разному) не является решающим для дальнейшего существования и функционирования, то по отношению к тем этноязыковым коллективам, которые никакой другой территорией не располагают, ситуация выглядит принципиально иначе: прекращение их использования неизбежно приведёт к превращению таких идиомов в мёртвые языки, что вряд ли можно считать положительным фактом.

Не совсем обоснованным представляется и упоминание в контексте приведённой выше цитаты иврита – хотя бы потому, что языком повседневной коммуникации ни среди российских, ни среди других еврейских общин он никогда не был, используясь в религиозной, философской и других подобных сферах² (что, разумеется, не исключало его применения в учёной среде в устной форме подобно латыни в Европе или санскриту в Индии). При создании государства Израиль было сочтено необходимым возродить иврит как важнейший компонент, цементирующий нацию, хотя у такого решения были не только сторонники (ср. [9])³. Во многих случаях стремление к этнокультурному возрождению сопровождалось, хотя и не в столь значительных масштабах, и соответствующим «лингвистическим обеспечением», как

² Этот факт нашёл широкое отражение в ряде поговорок: «Бог говорит на идише в будни, а на иврите в субботу», «Иврит учат, а идиш знают», «Кто не знает иврита, тот не образован, кто не знает идиша, тот не еврей». Подробнее см.: [1].

³ Подробнее материал, относящийся к ивриту, будет представлен ниже.

это имело место в той же Ирландии. Ср. замечание Г. Доррена, автора недавно вышедшей книги о языках Европы: «Для националистов язык всегда был символом принадлежности к Ирландии» [3, с. 233]. Аналогичные тенденции отмечаются им и для носителей таких языков, как корнский, мэнский, гэльский и др. И это вполне понятно, если учесть, что одной из важнейших функций языка признаётся *выделительная*, заключающаяся как раз в противопоставлении себя другим, то есть используемая как средство национальной идентификации¹. Вместе с тем, приходится принимать во внимание, что акцентирование противопоставления «свой / чужой» как в этнокультурном, так и этноязыковом отношении в определённых случаях может спровоцировать и реакцию, отмеченную чертами ксенофобского характера (о чём, в частности, может свидетельствовать и тот факт, что в 2016 г. онлайн-словарём Dictionary.com в качестве слова года была выбрана лексема *xenophobia*, причём, как отмечалось исследователями, в последующие годы названное слово «также оставалось достаточно популярным» [5, с. 54]).

Язык или диалект?

На первый взгляд, данный вопрос не имеет прямого отношения к теме статьи, так как «граница между языком и диалектом в значительной степени является условной и существует только с социолингвистической, но не с чисто лингвистической точки зрения» [2, с. 44]. Однако именно эта граница существенна для решения вопроса о том, выделяется ли данный коллектив в качестве самостоятельного этноса (немецкий / нидерландский) или он является своего рода субгруппой, входящей в состав более крупного народа, хотя и могущей сохранять некоторую специфику, в том числе

и в лингвистическом плане (баварский / швабский). Это может привести к серьёзным языковым (а нередко не только языковым) конфликтам. В стремлении признать за своим идиомом право называться «языком», а следовательно, иметь те атрибуты, которые с таким признанием связаны: собственная письменность, литературная норма, отличающаяся от «имперской», получение на нём образования, использование в административном управлении и др., сторонники «единства и неделимости» государства усматривали (далеко не всегда обоснованно) проявление стремления к языковому сепаратизму, естественным продолжением которого может стать сепаратизм политический. Наибольшие подозрения в этом смысле вызывали как раз идиомы, лингвистически близкие к «центральному». В этой связи можно вспомнить отношение в царской России к таким языкам, как грузинский или армянский. Литература и публицистика на них вполне допускались, но об использовании их в большинстве социально значимых сфер речь не шла. С другой стороны, отношение к украинскому и белорусскому было иным, хотя и здесь о запрете в полном смысле слова говорить вряд ли целесообразно. Ещё более жёсткая языковая политика в этом отношении проводилась во франкистской Испании. Поскольку большинство представленных в ней языков относились, как и кастильский, к романской группе, они считались, особенно в первые десятилетия диктатуры, диалектами, употребление которых в публичном пространстве не должно иметь места. Отношение к баскскому, который под этот критерий не подходил, было фактически таким же – под тем предлогом, что он неразвит и непригоден для современного общества, то есть представляет собой совокупность сельских диалектов. И в данном случае квазисоциолингвистический подход был провозглашён определяющим и имеющим преференцию перед собственно лингвистическим.

¹ См.: Выделительная функция языка // Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2006. С. 41–42.

Религиозная и этнокультурная / этноязыковая идентичность

Важная, а иногда и определяющая роль при разрешении вопроса о признании тех или иных коллективов отдельными этническими общностями отводится их религиозной принадлежности. Для этого используется понятие *этнорелигиозной группы*.

То, что отличие в религиозном плане может существенным образом способствовать обособлению какой-либо общности от окружающего большинства и тем самым стимулировать консервацию, а при соответствующих условиях и укрепление, присущей ей «особости», является известным фактом. В этом плане заслуживает внимания ситуация с египетскими коптами, основным цементирующим фактором для которых является именно исповедание христианства – в отличие от арабо-исламского мира, в окружении которого они живут веками. Однако и в данном случае лингвистический момент не может считаться полностью элиминированным, поскольку богослужение ведётся на коптском языке, давно утратившем функцию основного средства коммуникации. В подобном случае общность языка, хотя бы в литургической практике, является важным моментом, препятствующим полной потере этнокультурной идентичности. Отмечаются и попытки возродить использование коптского в более широком масштабе именно в качестве специфического признака собственной, отличной от окружающего арабо-мусульманского мира идентичности, причём значительную роль в них играют представители коптской церкви¹.

Мощное воздействие оказывал религиозный стимул и в еврейской истории, где этнический и вероисповедный моменты во многих отношениях оказались слитными: исповедовавший иудаизм считался евреем. Обратное имело место не всегда, но доминирующая тенденция была именно такой. Данный фактор приводил к тому, что как в христианском, так и в мусульманском окружении евреи выделялись и противопоставлялись тому и другому, что способствовало сохранению своей «особенности». Это обособление сказывалось и в лингвистическом плане. Хотя древнееврейский не функционировал как разговорный язык, но о полной утрате лингвистического своеобразия различными общинами еврейской диаспоры говорить не приходится, так как идиш или сефардский, будучи связаны по происхождению, соответственно, с немецким и испанским, тем не менее им не тождественны. Книжно-письменная традиция на иврите сохраняла свою непрерывность, причём не ограничивалась исключительно областью религии, что в лингвистическом плане стало важнейшим фактором возрождения языка. После создания Израиля применение иврита во всех сферах коммуникации – от научной до бытовой – получило мощную поддержку уже на государственном уровне. Многие репатрианты действительно были ассимилированы в языковом отношении в своём прежнем месте проживания; однако их потомки, ставшие гражданами Израиля, усваивали иврит уже как родной язык.

Заключение

Процессы, связанные с сохранением / утратой этнокультурной идентичности в значительной степени пересекаются с факторами лингвистического порядка (сохранение / утрата идиома в качестве маркера в оппозиции «свой / чужой»), хотя и не могут рассматриваться как полностью им тождественные. С этим связано стремление добиться признания

¹ Приведём замечание одного из современных авторов по данному вопросу: “Coptic Christianity, thus, played an important role in shaping the ethnic Egyptian identity, because it had preserved ancient Egyptian culture among the Copts. In one way or another, the Coptic language became symbolic of the Coptic Christian identity after it disappeared as a daily spoken language”. См.: Farah R. The Story of Qibṭī: Remnants of the Coptic Language in Egypt [Электронный ресурс] // Egyptian Streets : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34c5xQ> (дата обращения: 26.11.2022).

такого идиома полноправным средством коммуникации – *языком*, в противоположность низкопрестижному *диалекту*, что иногда может рассматриваться как проявление сепаратизма и стать при-

чиной различного рода конфликтов, не ограничивающихся только собственно лингвистической сферой.

Дата поступления в редакцию 12.01.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Акулич М. Идиш и идишская культура в Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/34c5qE>. (дата обращения: 26.11.2022).
2. Вахтин Н. Б., Головкин В. Г. Социолингвистика и социология языка. СПб.: Издательский центр «Гуманитарная академия»; Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.
3. Доррен Г. Лингво. Языковой пейзаж Европы. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. 336 с.
4. Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Л.: Художественная литература, 1936. 300 с.
5. Корецкая О. В. Ксенофобия как слово года в англоязычном медиадискурсе XXI века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 4. С. 51–60. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-51-60.
6. Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. Т. 2. 555 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения; 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 18. 808 с.
8. Энгельс Ф. Из фрагментов к работе «История Ирландии» [Электронный ресурс] // ВикиЧтение : [сайт]. URL: <https://fil.wikireading.ru/32257> (дата обращения: 25.11.2022).
9. Harshav B. Language in Time of Revolution. Berkeley: University of California Press, 1993. XII + 234 p.
10. Verpeaux M. Article 75-1. La reconnaissance constitutionnelle des langues regionales // La révision de 2008: Une nouvelle constitution? / ouvrage Coordonné par Jean-Pierre Camby, Patric Fraisseix, Jean Gicquel. Paris: LGDJ, 2011. P. 423–427.

REFERENCES

1. Akulich M. *Idish i idishskaya kul'tura v Belarusi* [Yiddish and Yiddish culture in Belarus]. Available at: <https://clck.ru/34c5qE>. (accessed: 26.11.2022).
2. Vakhtin N. B., Golovko V. G. *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka* [Sociolinguistics and sociology of language]. St. Petersburg, "Gumanitarnaya akademiya" Publ., Publishing House of the European University at St. Petersburg, 2004. 336 p.
3. Dorren G. *Lingvo. Yazykovoy peyzazh Yevropy* [The linguistic landscape of Europe]. Moscow, KoLibri Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2018. 336 p.
4. Zhirmunskiy V. M. *Natsional'nyy yazyk i sotsial'nyye dialekty* [National language and social dialects]. Leningrad, Khudozhestvennaya literature Publ., 1936. 300 p.
5. Koretskaya O. V. Xenophobia as the Word of the Year in English Media Discourse of the 21st Century]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2022, no. 4, pp. 51–60. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-51-60.
6. Lloyd George D. *Pravda o mirnykh dogovorakh* [The truth about peace treaties]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literature Publ., 1957. Vol. 2, 555 p.
7. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literature Publ., 1961. Vol. 18, 808 p.
8. Engels F. [From fragments to the work "History of Ireland"]. In: *VikiChteniye* [WikiReading]. Available at: <https://fil.wikireading.ru/32257> (accessed: 25.11.2022).
9. Harshav B. Language in Time of Revolution. Berkeley, University of California Press, 1993. XII + 234 p.
10. Verpeaux M. Article 75-1. La reconnaissance constitutionnelle des langues regionales. In: Camby J.-P., Fraisseix P., Gicquel J., eds. *La révision de 2008: Une nouvelle constitution?* Paris, LGDJ, 2011, pp. 423–427.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хухуни Георгий Теймуразович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Государственного университета просвещения;
e-mail: khukhuni@mail.ru

Валуйцева Ирина Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Государственного университета просвещения;
e-mail: irinaiv-v@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Georgy T. Khukhuni – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Language Theory, English and Applied Linguistics, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, State University of Education;
e-mail: khukhuni@mail.ru;

Irina I. Valuitseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Language Theory, English and Applied Linguistics, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, State University of Education;
e-mail: irinaiv-v@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Хухуни Г. Т., Валуйцева И. И. Сохранение этнической и лингвистической идентичности: единство и противоречие // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 85–93.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-85-93

FOR CITATION

Khukhuni G. T., Valuitseva I. I. The preservation of the ethnic and linguistic identity: unity and contradiction. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 3, pp. 85–93.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-85-93

УДК 81'119

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-94-101

КОММУНИКАТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ПУБЛИЧНОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Чекмаева Н. А.*Московский городской педагогический университет**129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д., д. 4, корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель данной работы заключается в выявлении особенностей коммуникативного взаимодействия в публичном академическом дискурсе.

Процедура и методы. В статье рассматриваются проявления Другого в речи говорящего в современном публичном академическом дискурсе. Методологию исследования составляет представление о диалогической природе общения и научной деятельности, применяется дискурсивный анализ.

Результаты. В ходе работы были выявлены средства, вводящие фигуру как эксплицитного, так и имплицитного Другого, сделан вывод о повсеместном присутствии данной фигуры в академическом дискурсе. Присутствие Другого разрушает монологичность высказывания, так как говорящий приводит слова Другого с определённой целью – для подтверждения, опровержения или дополнения мысли.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в анализ специфики диалогового взаимодействия в академическом дискурсе, в научный оборот введён новый исследовательский материал – ранее не изученные публичные лекции отечественных учёных-лингвистов за 2015–2020 гг., занимающихся вопросами языкознания: В. И. Карасик «Билингвизм как лингвокультурная ценность», А. В. Кирилина «Язык и пол (гендерная лингвистика)»; В. А. Плунгян «Русский язык в современном мире»; А. А. Кибрик «Язык в широкой перспективе».

Ключевые слова: русскоязычный академический дискурс, дискурсивный анализ, Другой, диалогичность, лекция

COMMUNICATIVE INTERACTION IN RUSSIAN PUBLIC ACADEMIC DISCOURSE

N. Chekmaeva*Moscow City University**4 build. 1 Vtoroy Selskhoziajstvenny proezd, Moscow 129226, Russian Federation*

Abstract

Aim. To reveal the specifics of communicative interaction in public academic discourse.

Methodology. The article examines the manifestation of Other in modern public academic discourse speech. The methodology of the research is based on the idea of the dialogical nature of communication and academic performance. The study relies on discourse analysis.

Results. In the course of the study, the means that introduce the figure of both the explicit and the implicit Other were identified. The conclusion was made about the ubiquitous presence of this figure in academic discourse. The presence of Other in discourse challenges the monologic nature of utterance as the speaker involves Other's words for a specific reason, which is to confirm, refute or supplement the argument.

Research implications. The results of the study contribute to the analysis of the specifics of dialogical interaction in academic discourse, new research material is introduced into scientific circulation – previously unexplored public lectures of Russian linguists in 2015–2020: V. I. Karasik's "Bilingualism as a linguocultural value", A. V. Kirillina's "Language and gender (gender linguistics)"; V. A. Plungyan's "The Russian language in the modern world"; A. A. Kibrik's "Language in a broad perspective".

Keywords: Russian academic discourse, discourse analysis, Other, dialogueness, lecture

Введение

В настоящее время наблюдается устойчивый интерес к исследованию академического дискурса как особой сферы взаимодействия представителей профессионального сообщества в связи с востребованностью высшего образования, а также изменениями способов трансляции научного знания. Ряд вузов системно проводит публичные лекции с последующим размещением записей видеолекций на различных видеохостингах. Подобный формат приводит, с одной стороны, к трансформации традиционной парадигмы образования, которая способствует удовлетворению запросов современного общества, а с другой – позволит сделать образовательный процесс более динамичным и интерактивным.

Анализ современной теоретической литературы показывает, что активно исследуются вопросы, связанные с проявлением языковой личности [10], когнитивным основанием оценки в академическом дискурсе [3], составляющими его основу признаками, жанровым разнообразием и коммуникативными стилями [12; 13; 15; 17], а также прагматические особенности хеджирования, или речевого отгораживания, то есть коммуникативной стратегии, позволяющей говорящему достичь цель, сохранив при этом гармоничные межличностные отношения за счёт использования особых языковых средств, снижающих категоричность высказывания [7]. Вместе с тем, как представляется, в особом изучении нуждается устный академический дискурс, в частности жанр публичной лекции, с точки зрения исследования динамики диалогического пространства говорящего ввиду необходимости исследования особенностей

взаимодействия говорящего с Другим, не получившим исчерпывающего описания в академическом дискурсе, что и делает настоящее исследование актуальным.

По мнению М. М. Бахтина, Другой – это тот, кто оказывает значительное влияние на формирование личности. Учёный утверждал, что наша речь пронизана чужими словами, которые либо принимаются и заимствуются нами, становясь нашими собственными, либо отвергаются, поскольку являются чуждыми и враждебными [2].

Ж. Отье-Ревю, вслед за М. М. Бахтиным, выявила неоднородность дискурса, вызванную присутствием в речевой цепочке говорящего слов Другого. Говорящий может обозначить его как эксплицитно, так и имплицитно. Автор говорит о двух способах эксплицитной отсылки к Другому – косвенная речь, где говорящий приводит слова Другого, пользуясь своими собственными словами, то есть выступает «переводчиком» Другого; прямая речь – говорящий чётко обозначает слова Другого как цитату и выступает его «рупором». К имплицитным средствам Ж. Отье-Ревю относит формы автонимной коннотации, выделяемые говорящим курсивом, кавычками, интонацией, и/или каким-либо комментарием [8]. Вместе с тем в работе не предложены критерии, позволяющие однозначно идентифицировать имплицитное присутствие Другого. Следовательно, исследование языковых средств, системно маркирующих слова Другого, особенно имплицитного, представляет научный интерес и определяет **цель** работы. Она заключается в изучении специфики коммуникативного взаимодействия в публичном академическом дискурсе с Другим, так как данная

фигура является неотъемлемым участником академической коммуникации.

Объектом настоящей статьи выступает ет публичная лекция.

Предмет исследования составляют языковые средства, маркирующие взаимодействие говорящего с Другим.

Научную новизну данной работы определяет введение в обиход научного исследования нового материала – публичных лекций отечественных учёных-лингвистов по вопросам языкознания за 2015–2020 гг. (В. И. Карасик¹, А. В. Кирилина², В. А. Плунгян³, А. А. Кибрик⁴), а также выявление и систематизация языковых средств, участвующих в конструировании диалога между говорящим и Другим.

Методологию исследования определяют положения, связанные с:

– представлением о диалогической природе общения и научной деятельности [2; 10; 12].

Как известно, научная деятельность строится на преемственности, новое знание базируется на предшествующем, следовательно, можно говорить о непрерывном диалоге с Другим, об интертекстуальных пересечениях между текстами как основе познания и движения вперёд. При этом интертекстуальность в академическом дискурсе получает отличную, например, от художественного дискурса

интерпретацию. Как утверждает Е. А. Баженова, в первом случае данная категория носит эксплицитный характер, маркируется специальными сигналами (кавычки, указание на источник чужой речи), разграничивающими предшествующее и авторское знание. В художественном дискурсе, напротив, интертекстуальность вносит элемент завуалированности и имплицитности, оставляя пространство для интерпретации интенций автора адресатом [1]. Похожая ситуация наблюдается и в области упоминания Другого. В философии Другой признаётся необходимым условием формирования самосознания индивида [9], в художественном дискурсе данная фигура создаёт полифонию, часто эксплицируется и наделяется определённой ролью [10]. В академическом дискурсе мы предлагаем понимать под Другим источник передаваемого смысла, к которому обращается говорящий с определённой целью – солидаризации с профессиональным сообществом, усилению собственной позиции, воздействия на адресата. Кроме того, Другой может служить идентификацией личности говорящего, например, его принадлежности к научной школе.

– применением дискурсивного анализа в русле французской школы, фокусно рассматривающей интенции говорящего, семантику языковых знаков и контекст [5; 11; 16].

Методической базой для французского анализа дискурса являются основные положения структурализма, а именно идея о разделении языка и речи. Речь трактуется представителями французской школы как действие, продуцируемое с учётом контекста (определённой ситуации), язык – как система, актуализируемая в речи [9]. При этом важно осознавать взаимосвязанность этих явлений. Конституирование анализа дискурса должно происходить на стыке между лингвистикой и другими науками (психологией, социологией и прочими), что позволит выработать методы интерпретации высказывания, проясня-

¹ Карасик В. И. Билингвизм как лингвокультурная ценность (22 октября 2020 г.) // Московский Дом соотечественника: YouTube-канал. URL: <https://youtu.be/LW83bsZPxsU> (дата обращения: 16.01.2023). Далее в тексте – В. И. Карасик.

² Кирилина А. В. Язык и пол (гендерная лингвистика) // МГПУ АРХИВ: YouTube-канал. URL: <https://youtu.be/tJQg35sg-4o> (дата обращения: 16.01.2023). Далее в тексте – А. В. Кирилина.

³ Плунгян В. А. Русский язык в современном мире // NSU LIFE: YouTube-канал. URL: <https://youtu.be/Abcki8MS474> (дата обращения: 16.01.2023). Далее в тексте – В. А. Плунгян.

⁴ Кибрик А. А. Язык в широкой перспективе // Институт перспективных исследований мозга МГУ: YouTube-канал. URL: https://youtu.be/_NM3LrMn-VNw (дата обращения: 16.01.2023). Далее в текст – А. А. Кибрик.

ющие его порождение и функционирование [5]. Таким образом, глобально анализ дискурса сводится к попытке объяснения феномена языкового общения через анализ институциональных практик. Как отмечает В. И. Карасик, дискурсивный анализ языковых единиц позволяет развить коммуникативный подход к описанию языка, неразрывно связанного с анализом условий достижения взаимопонимания между участниками акта коммуникации [4]. Данная установка коррелирует с принципом интеракционизма, развиваемом в отечественном анализе дискурса, в рамках которого коммуникация понимается как процесс взаимодействия, то есть со-участие коммуникантов (говорящего и Других) в едином процессе демонстрации и интерпретации смыслов [6]. В настоящем исследовании дискурсивный анализ позволяет выявить формульные выражения Другого в академическом дискурсе.

Коммуникативное взаимодействие говорящего с эксплицитным Другим

В ходе анализа теоретических работ по настоящей теме исследования становится очевидным, что Другой распространён в академическом дискурсе. Данная фигура получает эксплицитное и имплицитное выражение. Изучение эмпирического материала исследования позволило выделить три основных средства эксплицитного присутствия Другого в современных публичных лекциях:

1. Субстантивная группа: *Джоан Скотт предложила термин “gender”* [А. В. Кирилина]; *Гофман в своей работе описал механизм взаимодействия полов* [А. В. Кирилина]; *Мишель Фуко вводит в оборот понятие дискурсивной практики* [А. В. Кирилина]. Референция к классу: *Преподаватели иностранного языка в этом смысле люди очень подготовленные, и они знают всегда хорошо, на что нужно обращать внимание* [В. И. Карасик]; *Дело в том, что сначала как бы лидировали социологи, историки, и только потом на собственно гендерное исследование обра-*

тили внимание в лингвистике [А. В. Кирилина].

2. Метонимический перенос, который, как правило, представлен в виде обобщённого представления коллектива учёных в форме обозначения направления научного познания: *Однако гендерная лингвистика возникла, как и другие направления гендерных исследований, лишь примерно в середине XX века* [А. В. Кирилина].

3. Местоимение *мы*, потенциально включающее в дискурсивное пространство говорящего Другого, ввиду неыводимости референции к кому-то конкретно: *Кроме учебного билингвизма мы также говорим о билингвизме рабочем* [В. И. Карасик]; *Мы понимаем, что сейчас на глазах меняются требования к знанию иностранных языков, к владению иностранным языком* [В. И. Карасик]. Следует отметить, что психологи рассматривают местоимение *мы* как призыв к близкому и более качественному взаимодействию, в то время как местоимение *я*, с одной стороны, служит показателем осознания своей идентичности говорящим, с другой стороны – может сигнализировать о чрезмерном фокусировании индивида на себе [14]. Русскоязычной академической коммуникации присуще местоимение *мы* («авторское *мы*»), которое часто не является инклюзивным, однако служит проявлением скромности автора, стремлением к объективности изложения информации, признанием заслуг всего научного коллектива.

Очевидно, что форма публичной лекции, в рамках которой происходит взаимодействие лектора с аудиторией, требует от говорящего упоминания имён других учёных, так как это является маркером качества и объективности транслируемой информации. Эксплицитное присутствие Другого регистрируется слушающим без особых усилий, по сравнению с имплицитным Другим, так как явно обозначается говорящим. Основная сложность, связанная с выявлением и

анализом средств диалога с Другим, заключается в том, что они не грамматикализованы и получают дискурсивную интерпретацию только в контексте.

Коммуникативное взаимодействие говорящего с имплицитным Другим

Наличие имплицитного компонента в высказывании усложняет его содержание, адресату необходимо приложить дополнительные усилия, чтобы расшифровать сообщение. К системным средствам, вводящим имплицитного Другого, в данной работе, вслед за исследованием О. А. Сулеймановой [10], предлагается относить средства, среди которых отдельно выделяются:

– показатели эпистемической модальности *вероятно, возможно, по всей видимости*: *Героизм по-русски – это никогда не героизм напоказ. А по сути дела. Почему такое произошло? Вероятно, потому что в основе лежала другая прототипная ситуация. Скажем, наш героизм – это героизм на поле боя, с врагом, когда человек должен защищать своих и так далее* [В. И. Карасик];

– неопределённо-личные и безличные конструкции: *Поскольку интерпретировали категорию пола ещё с не научных позиций, то интерпретации были оценочного характера и совершенно не лингвистического* [А. В. Кирилина]; *Подразумевается, что есть разные типы билингвизма* [В. И. Карасик];

– предикаты потенциальности с модальными словами *возможно, необходимо*: *... обрисовать эти проблемы так, чтобы они были прозрачными для междисциплинарного изучения, и, возможно, с перспективой каких-то новых идей, или инсайтов, со стороны, в том числе, и специалистов в области нейронауки в будущем* [А. А. Кибрик];

– риторический вопрос: *И мы также отчетливо понимаем, что если бы человек XIX века увидел бы рядовой русский текст сегодняшний, он бы очень многого там не понял. Не только из-за реалий,*

но из-за языка в том числе. Хорошо это или плохо? Вообще нужно ли оценивать эти изменения? Если нужно, то как? И что делать, если что-то делать? [В. А. Плунгян].

Выделенные средства обладают повышенной степенью адресованности. Кроме того, они позволяют осуществить скрытую апелляцию к Другому. Различные оттенки смысла, вносимые таким образом говорящим, увеличивают иллокутивную силу высказывания, активизируют мыслительный процесс у слушающего. Данные единицы вносят в высказывание элемент субъективного, а также снижают степень присутствия субъекта высказывания. Говорящий не «закрывается» от иной точки зрения, наоборот, он проявляет готовность её принять. Примечательно, что в роли имплицитного Другого нередко выступает и говорящий, который, рассуждая, сам занимает позицию Другого, следящего за тем, какую реакцию могут вызвать его слова у аудитории, у потенциального Другого. Так, говорящий может усилить сообщение с помощью слов *действительно, конечно, именно*: *Лингвистически я занимаю здесь ангажированную позицию. Как лингвист, конечно же, я поддерживаю позицию номер два* [В. И. Карасик]; *Сейчас всё-таки я хотел бы поговорить именно о лингвокультуре и о тех характеристиках коммуникативного поведения, которые нам дороги* [В. И. Карасик]. Использование подобных слов упрощает восприятие информации слушающим, расстановка акцентов и чёткое обозначение позиции самого говорящего позволяет адресату прийти к верным выводам. Следовательно, мысль о Другом подталкивает говорящего на поиск оптимального способа взаимодействия в условиях профессионального общения.

Заключение

В рамках настоящей статьи на материале публичных лекций отечественных лингвистов были рассмотрены особенно-

сти коммуникативного взаимодействия в публичном академическом дискурсе. Значимым и неотъемлемым участником академической коммуникации признаётся фигура Другого, к которому обращается говорящий с целью модификации иллюкативной силы высказывания. Другой получает как эксплицитное, так и имплицитное выражение. Эксплицитно Другой чаще всего представлен субстантивной группой *X говорит / утверждает*, в конструкции с метонимическим переносом по типу учёные – сфера деятельности (*Лингвистика смотрит иначе*), местоимением *мы*, включающим в дискурсивное пространство говорящего Другого.

Более сложной формой взаимодействия с Другим является имплицитная,

которую маркируют: показатели эпистемической модальности в функции ослабления активного участия говорящего, сокращение дистанции с Другим; неопределённо-личные и безличные конструкции в функции смещения говорящим акцента в сторону действия, а не его субъекта; предикаты потенциальности в функции приглашения к совместной когнитивной операции, и, наконец, риторический вопрос, который, с одной стороны, нарушает успешность коммуникации, так как говорящий сам даёт ответ, с другой стороны – априори диалогичен, побуждает Другого поразмыслить над вопросом.

Дата поступления в редакцию 25.01.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Баженова Е. А. Научный текст и среда // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. 2010. № 2 (8). С. 60–64.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Эксмо, 2017. 640 с.
3. Водяницкая А. А. Когнитивные основания оценки в академическом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2018. № 33. С. 181–186.
4. Карасик В. И. Дискурсивная точность: функциональные характеристики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3. Т. 2. С. 61–72. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-61-71.
5. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / ред. П. Серио. М.: Прогресс, 1999. 416 с.
6. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 276 с.
7. Михалева Е. И., Пушинина И. В. Прагматические особенности хеджирования в академическом дискурсе // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 45 (1). С. 113–124. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.45.1.12.
8. Отье-Ревю Ж. Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме другого в дискурсе // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / ред. П. Серио. М.: Прогресс, 1999. С. 54–94.
9. Семенова Т. И. Феномен Другого в концептуализации внутренней сферы человека // Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов. М.: Тезаурус, 2011. С. 117–128.
10. Сулейманова О. А. Особенности языковой личности в академическом дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (135). С. 106–109.
11. Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия, 2020. 413 с.
12. Хутыз И. П. Средства диалогизации академического дискурса на русском и английском языках // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2020. № 59. С. 41–55.
13. Чернявская В. Е. Научный дискурс: выдвижение научного результата как коммуникативная и языковая проблема. М.: Ленанд, 2017. 144 с.
14. Fitzsimons G. M., Kay A. C. Language and Interpersonal Cognition: Causal Effects of Variations in Pronoun Usage on Perceptions of Closeness // Personality and Social Psychology Bulletin. 2004. Vol. 30. Iss. 5. P. 547–557. DOI: 10.1177/0146167203262852.
15. Hyland K., Jiang F. “We must conclude that...”: A Diachronic Study of Academic Engagement // Journal of English for Academic Purposes. 2016. Vol. 24. P. 29–42. DOI: 10.1016/j.jeap.2016.09.003.
16. Peeters J. La médiation de l'étranger: une sociolinguistique de la traduction. Arras: Artois Presses Université, 1999. 368 p.
17. Sword H. Stylish academic writing. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2016. 240 p.

REFERENCES

1. Bazhenova Ye. A. [Scientific texts and the context]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2010, no. 2 (8), pp. 60–64.
2. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoyevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, Eksmo Publ., 2017. 640 p.
3. Vodyanitskaya A. A. [Evaluation as a cognitive fundamental of academic discourse]. In: *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 2018, no. 33, pp. 181–186.
4. Karasik V. I. [Discourse precision: functional characteristics]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2022, no. 3, vol. 2, pp. 61–72. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-61-71.
5. Sériot P., ed. *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of meaning: French school of discourse analysis]. Moscow, Progress Publ., 1999. 416 p.
6. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of discourse theory]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 276 p.
7. Mikhaleva E. I., Pushinina I. V. [Pragmatic use of hedging in academic discourse]. In: *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoye obrazovaniye* [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 2022, no. 45 (1), pp. 113–124. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.45.1.12.
8. Authier-Revue J. [Explicit and constitutive heterogeneity: to the problem of the other in discourse]. In: Sériot P., ed. *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of meaning: French school of discourse analysis]. Moscow, Progress Publ., 1999, pp. 54–94.
9. Semenova T. I. [The phenomenon of the Other in the conceptualization of the inner sphere of man]. In: *Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnykh smyslov* [Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value meanings]. Moscow, Tezaurus Publ., 2011, pp. 117–128.
10. Suleymanova O. A. [Features of a language personality in academic discourse]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2019, no. 2 (135), pp. 106–109.
11. Foucault M. *Arkheologiya znaniya* [Archeology of knowledge]. St. Petersburg, Gumanitarnaya akademiya Publ., 2020. 413 p.
12. Khoutyz I. P. [Dialogicity means in academic discourse in English and Russian]. In: *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [World of linguistics and communication: electronic scientific journal], 2020, no. 59, pp. 41–55.
13. Chernyavskaya V. Ye. *Nauchnyy diskurs: vydvizheniye nauchnogo rezul'tata kak kommunikativnaya i yazykovaya problema* [Scientific discourse: promotion of scientific results as a communicative and language problem]. Moscow, Lenand Publ., 2017. 144 p.
14. Fitzsimons G. M., Kay A. C. Language and Interpersonal Cognition: Causal Effects of Variations in Pronoun Usage on Perceptions of Closeness. In: *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2004, vol. 30, iss. 5, pp. 547–557. DOI: 10.1177/0146167203262852.
15. Hyland K., Jiang F. “We must conclude that...”: A Diachronic Study of Academic Engagement. In: *Journal of English for Academic Purposes*, 2016, vol. 24, pp. 29–42. DOI: 10.1016/j.jeap.2016.09.003.
16. Peeters J. *La médiation de l'étranger: une sociolinguistique de la traduction*. Arras, Artois Presses Université, 1999. 368 p.
17. Sword H. *Stylish academic writing*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 2016. 240 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чекмаева Наталья Александровна – аспирант, ассистент кафедры языкознания и переводоведения Московского городского педагогического университета;
e-mail: n.chekmaeva@ya.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia A. Chekmaeva – Postgraduate Student, Assistant Lecturer, Department of Linguistics and Translation Studies, Moscow City University;
e-mail: n.chekmaeva@ya.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чекмаева Н. А. Коммуникативное взаимодействие в русскоязычном публичном академическом дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 94–101.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-94-101

FOR CITATION

Chekmaeva N. A. Communicative interaction in Russian public academic discourse. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 3, pp. 94–101.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-94-101

УДК 81`26

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-102-109

ИНТЕРНЕТ-МЕМ КАК СПОСОБ ДИСКРЕДИТАЦИИ ИМИДЖА ПОЛИТИКА

Шипилова Д. С.*Южный Федеральный Университет**344066, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализ интернет-мемов как способа манипуляции массовым сознанием и дискредитации имиджа политика.

Процедура и методы. Ведущими методами исследования стали контекстологический и описательный. Проведён анализ содержательной стороны интернет-мемов, отобранных методом сплошной выборки.

Результаты. Доказан высокий прагматический потенциал интернет-мема на сферу бессознательного за счёт образности, наличия визуального эффекта, продуманного языкового наполнения. Установлено, что мем навязывает определённое видение политического лидера (часто отрицательное) и благодаря своей вирусной природе способствует быстрому распространению дискредитирующего эффекта.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в раскрытии манипулятивного потенциала современных медиасредств и их влияния на политическую коммуникацию. Предполагаемое использование полученных результатов состоит в возможности разработки специальных курсов и семинаров по прагма- и политлингвистике, а также медиаграмотности. Данные курсы необходимы студентам, поскольку именно молодёжь становится жертвой интернет-пропаганды.

Ключевые слова: высмеивание, демонизация, дискредитация, имидж политика, интернет-мем

INTERNET MEME AS A WAY TO DISCREDIT THE IMAGE OF A POLITICIAN

D. Shipilova*Southern Federal University**ulitsa Bolshaya Sadovaya 105/42, Rostov-on-Don 344066, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the Internet memes as a powerful means of mass consciousness manipulation and as a way to discredit politician's image.

Methodology. Content and descriptive analyses served as the leading research methods. The analysis of the content side of Internet memes, selected by the method of continuous sampling, was carried out.

Results. The high pragmatic potential of an Internet meme on the sphere of the unconscious has been proved due to its figurativeness, the presence of a visual effect, and thoughtful linguistic content. It has been established that the meme imposes a certain vision of a political leader (often negative) and, due to its viral nature, contributes to the rapid spread of a discrediting effect.

Research implication. The study reveals the manipulative potential of modern media tools and their influence on political communication. The results of the present study can be used in special courses

and seminars on pragmatic and political linguistics, as well as media literacy. These courses are necessary for students, because it is young people who become victims of Internet propaganda.

Keywords: demonization, discrediting, Internet meme, ridicule, politician's image

Введение

Сегодняшнее общество претерпевает заметные изменения, в ходе которых происходит виртуализация всех институциональных областей – от науки и образования до политики. Данные изменения носят взаимный характер: политическая сфера виртуализируется, а виртуальная (или интернет) среда политизируется, наполняя коммуникацию определёнными смыслами [4]. Политическая коммуникация в условиях интернета представляет собой единое целое из новостей, рекламы и развлечений (“politainment”) [6, с. 59], где ведущую роль играет имидж политика (искусственно созданный виртуальный образ), а не его реальные качества.

С началом кибервойны Хиллари Клинтон и Дональда Трампа в Твиттере в 2016 г. политики осознали роль интернета в пропаганде и попытались максимально расширить свои контакты и своё влияние в виртуальном пространстве. Политическая интернет-коммуникация предполагает обращение к средствам виртуальной сети, позволяющим сделать информационное послание убедительным для широкой аудитории. Одним из виртуальных средств воздействия может выступать интернет-мем, совмещающий визуальные и языковые средства передачи информации. Целью настоящего исследования является рассмотрение интернет-мема как способа дискредитации имиджа политика.

Обзор литературы

Термин «мем» появился в XX веке и к настоящему времени существует множество трактовок и характеристик данного феномена. Так, одни исследователи определяют мем как культурный код [9, р. 173] и подчёркивают его цифровую природу [15], другие рассматривают его как широко распространённое шутливое он-

лайн-сообщение [8, р. 122] и акцентируют сжатость передаваемой информации, её мгновенное распространение и активное воспроизведение в виртуальной среде как основные черты¹. Таким образом, интернет-мем это короткое виртуальное высказывание, актуальное для сетевого общества и обладающее «вирусной природой» [7, с. 18] за счёт смыслового и визуального содержания.

В настоящее время интернет-мем становится предметом изучения отечественных и зарубежных исследователей [2; 5; 10–14; 16], которые рассматривают мем в качестве манипулятивного инструмента, однако работ, посвящённых исследованию мема в качестве имиджедискредитирующего элемента, нами обнаружено не было, что обуславливает актуальность данного исследования.

Среди функций интернет-мемов в политическом дискурсе можно выделить: 1) информационную (распространяют новую информацию о политике/партии), 2) ценностно-ориентированную (выражают интересы, настроения и ценности данного общества), 3) коммуникативную (являются средством общения между гражданами и политиками), 4) манипулятивную или пропагандистскую (навязывают определённое видение какого-либо явления), 5) имиджеформирующую (позволяет сформировать желаемый имидж политика или дискредитировать имидж оппонента). Привлекая внимание аудитории своей образностью, мемы навязывают пользователям интернета определённый имидж политика (положительный или отрицательный) и его партии. Политический мем в своём арсенале использует доводы к пафосу, т. е. обращается к чувственной стороне личности. Так, эмо-

¹ См.: Кронгауз М. А., Литвин Е. А., Мерзлякова В. Н. Словарь языка интернета.ru. М.: АСТ Пресс Книга, 2016. 288 с.

циональное воздействие на адресата приводит к трансформации политической картины мира реципиента [1, с. 25]. Однако, стоит также упомянуть, что мемы довольно часто используются для доводов к отвержению. Это означает, что политические мемы способны отражать неодобряемые в обществе черты личности [3, с. 73], что приводит к дискредитации человека, которому посвящён мем.

Материал и методы

Для проведения анализа методом сплошной выборки (через поисковый агрегатор Google¹) нами было отобрано около 50 интернет-мемов, посвящённых Дональду Трампу. Выбор именно 45 президента Соединённых Штатов обусловлен неугасающим интересом к его яркому имиджу со стороны многих исследователей, журналистов, политиков и избирателей в целом. В настоящем исследовании использовался описательный метод и метод контекстологического анализа, что позволило выявить актуальный смысл мемов и описать их.

Результаты

В ходе проведённого анализа нами было выявлено три направленности мемов: 1) мемы, принижающие личность политика; 2) мемы, подвергающие насмешке его профессиональные способности; 3) мемы, демонизирующие политика. Рассмотрим эти типы более подробно.

Первый тип мемов, посвящённых личным качествам бывшего президента США, направлен на принижение его личности. Так, за счёт игры слов “word pollution” (см. рис. 1) высмеивается излишняя агрессивность Дональда Трампа и его вспыльчивость, которые проявляются в чрезмерном употреблении грубых выражений и оскорблений, что приводит к «словесному загрязнению». Дискредитирующим дополнением к этому высказыванию служит

визуальный контент – изображение автобуса с фотографией Трампа, рот которого является выхлопной трубой.

Рис. 1 / Fig. 1. Словесное загрязнение / Word pollution

Источник: Trump Bus GIF [Электронный ресурс] // Tenor : [сайт]. URL: <https://tenor.com/ru/view/trump-bus-exhaust-gif-14852719> (дата обращения: 15.11.2022).

Адекватность Дональда Трампа ставится под вопросом и является темой многих мемов, где политик изображается в качестве психопата (см. рис. 2). Отсутствие самоконтроля у Трампа, его импульсивность, самолюбование, пренебрежение другими и склонность видеть во всём заговоры против себя, вызывают острые прения по поводу его умственного здоровья. Именно поэтому Трампа часто изображают в виде Джокера (американского сумасшедшего злодея), приписывая политике все черты психически нездоровой личности.

Второй тип мемов подвергает сомнению профессиональные качества Дональда Трампа. В меме, представленном на рис. 3, расшифровывается аббревиатура POTUS, часто используемая в социальных сетях политиком для обозначения своей должности (President of the United States). Так, бывшего президента США сравнивают с куском мусора (Piece of To-

¹ См.: Trump memes [Электронный ресурс] // Google : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34dQX3> (дата обращения: 15.11.2022).

Рис. 2 / Fig. 2. Трамп-Джокер / Trump-Joker

Источник: Trump Joker Memes [Электронный ресурс] // Imgflip : [сайт]. URL: <https://imgflip.com/meme/76296632/Trump-Joker> (дата обращения: 15.11.2022).

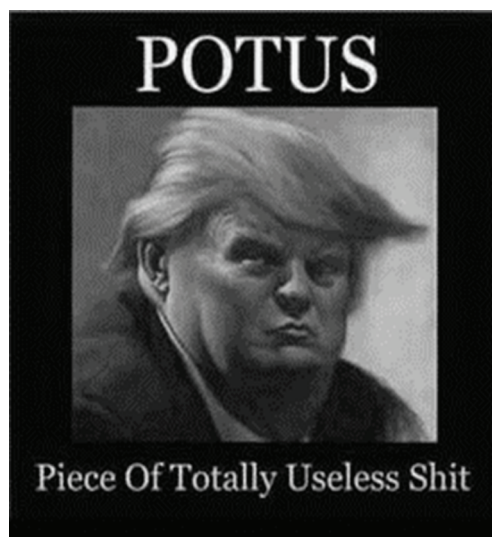

Рис. 3 / Fig. 3. POTUS / POTUS

Источник: Posters for the anti-Trump crowd [Электронный ресурс] // Acerbic Politics : [сайт]. URL: <https://politicalfun.blogspot.com/2018/07/posters-for-anti-trump-crowd.html> (дата обращения: 15.11.2022).

tally Useless Shit), а гипербола “totally useless” (абсолютно бесполезный) усиливает дискредитирующий эффект и подчёркивает полную негодность и никчёмность Трампа.

Дискредитирующим потенциалом обладают мемы, демонстрирующие губительные способности Трампа (рис. 4). Так, за счёт лексического приёма юмора создаётся имидж политика-уничтожителя, поскольку он сеет только страх, ненависть, сексизм, расизм и насилие. Ничего хорошего не стоит ждать от такой личности, поскольку способен он лишь на разлом общества.

Рис. 4 / Fig. 4. Посев семян / Sowing seeds

Источник: Granlund cartoon: Trump sowing seeds : [Электронный ресурс] // Tri-County Independent : [сайт]. URL: <https://www.tricountyindependent.com/story/opinion/cartoons/2016/03/29/granlund-cartoon-trump-sowing-seeds/32052451007/> (дата обращения: 15.11.2022).

Третий тип мемов несёт в себе максимально отрицательный имиджевый эффект, поскольку демонизирует политика путём отождествления его с роковыми историческими личностями. Так, имидж Дональда Трампа снижается за счёт его сравнения с Адольфом Гитлером (рис. 5). Д. Трамп известен как активный пользователь социальной сети Twitter, которая послужила благоприятной платформой для самопродвижения в предвыборной гонке и завоевания американской аудитории. Однако в данной сети политик не только

Рис. 5 / Fig. 5. Твитлер / Twittler

Источник: Politically Incorrect: Thread #388984839 : [Электронный ресурс] // 4plebs : [сайт]. URL: <https://archive.4plebs.org/pol/thread/388984839/> (дата обращения: 15.11.2022).

создавал свой собственный имидж, но и дискредитировал других таким образом, что интернет платформа превратилась в «поле битвы» претендентов на пост президента США в 2017 г. Д. Трамп не стеснялся в выражениях, нарушал границы допустимого и не боялся открыто вступать в конфликты. Подобные методы борьбы сравнили с гитлеровскими, за что Трамп был прозван “Twittler”.

Нами были также обнаружены мемы, дискредитирующие Дональда Трампа с точки зрения его работы в интересах Российской Федерации (рис. 6). Известный слоган американского политика “Make America Great Again” был перифразирован на “Make Russia Great Again”, что наводит реципиента на мысль о разрушительной работе Трампа для Америки.

Рис. 6 / Fig. 6. Великая Россия / Great Russia

Источник: Tom Stiglich for July 28, 2016 [Электронный ресурс] // Creators Syndicate : [сайт]. URL: <https://www.creators.com/read/tom-stiglich/07/16/183550> (дата обращения: 15.11.2022).

Другие дискредитирующие мемы высмеивали американского политика и указывали на то, что им управляет президент РФ Владимир Владимирович Путин (см. рис. 7).

Рис. 7 / Fig. 7. Марионетка / Puppet

Источник: Trump Comic Art : [Электронный ресурс] //Mavink : [сайт]. URL: <https://mavink.com/explore/Trump-Comic-Art> (дата обращения: 15.11.2022).

Заключение

Таким образом, мы рассмотрели одни из самых вирусных интернет-мемов, посвящённых 45 президенту Соединённых Штатов Америки Дональду Трампу. На основе проведённого анализа можно сделать следующие выводы:

1. Интернет-мем стал мощным манипулятивным инструментом, способным дискредитировать имидж политика.

2. Интернет-мемы оказывают негативное влияние на имидж политика путём его высмеивания и демонизации.

3. Проанализированные нами интернет-мемы несут деструктивный характер по отношению к имиджу 45 президента США Дональда Трампа и формируют в сознании людей образ агрессивного психопата, управляемого Владимиром Путиным и несущего только хаос и ненависть.

Дата поступления в редакцию 29.12.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Зверева П. П., Максименко О. И. Современные направления лингвистических исследований имиджа страны и её жителей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2013. № 6. С. 25–29.
2. Квят А. Г. Медиаем как инструмент политического PR: когнитивный подход // Медиаскоп. Реклама и PR (электронный научный журнал). 2013. № 1. URL: <http://www.mediascope.ru> (дата обращения: 05.11.2022).
3. Нестерова О.Б. Реализация речевого воздействия в пропагандно-политическом рекламном ролике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2009. № 2. С. 72–79.
4. Пешкова Н. В. Нарушение законов формальной логики как источник игрового эффекта в конфронтационном медиадискурсе // Вестник Пятигорского государственного университета. 2021. № 2. С. 116–120. DOI: 10.53531/25420747_2021_2_116.
5. Столяров А. А. Политические мемы эпохи «Фейсбук-революции» как способ конструирования медиареальности // Медиаскоп (электронный научный журнал). 2014. № 3. URL: <http://www.mediascope.ru> (дата обращения: 05.11.2022).
6. Черных А. И. Власть и политика в эпоху медиадемократии. М.: ГУ ВШЭ, 2010. 72 с.
7. Шомова С. А. Мемы как они есть. М.: Аспект Пресс, 2019. 136 с.
8. Davison P. The language of Internet memes // The social media reader / ed. M. Mandiberg. New York: New York University Press, 2012. P. 120–134. DOI: 10.18574/nyu/9780814763025.003.001.
9. Dawkins R. The Selfish Gene; 2nd edition. New York: Oxford University Press, 1990. 368 p.
10. De Leon F. M. G., Ballesteros-Lintao R. The Rise of Meme Culture: Internet Political Memes as Tools for Analysing Philippine Propaganda // Journal of Critical Studies in Language and Literature. 2021. Vol. 2. No. 4. P. 1–13. DOI: 10.46809/jcsll.v2i4.70.
11. Ertanowska D. Memes as a means of communication and manipulation // Visnyk of the Lviv University. Series Journalism. 2021. No. 49. P. 187–195 DOI: 10.30970/vjo.2021.49.11073.
12. Haqqi H., Putro D., Murdani A. D. Role of Political Memes on Social Media in Criticizing Political Policy in the United States 2016–2019 // Husnayain Business Review. 2022. Vol. 2. No. 2. DOI: 10.54099/hbr.v2i2.285.
13. Malodia S., Dhir A., Bilgihan A. Meme marketing: How can marketers drive better engagement using viral memes? // Psychology & Marketing. 2022. Vol. 39. Iss. 9. P. 1775–1801. DOI: 10.1002/mar.21702.
14. McVicker S. M. Political Disinformation in Memes. Political Disinformation, Propaganda, and Persuasion in Memes: A Content Analysis of 2020 U.S. Election Political Memes: Sciences in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Information Systems and Communications. Robert Morris University, 2021. 285 p. DOI: 10.13140/RG.2.2.30066.22728.
15. Wiggins B. E., Bret B. G. Memes as Genre: a Structural Analysis of the Memescape // New Media & Society. 2014. No. 11 (17). P. 1886–1906. DOI: 10.1177/1461444814535194.
16. Zabotnova M. Memes as a way of manipulation in the process of digital interaction // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: «Філологія». 2018. № 36. Т. 1. С. 152–154.

REFERENCES

1. Zvereva P. P., Maksimenko O. I. [Modern linguistic trends in studying the image of a country and its citizens]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2013, no. 6, pp. 25–29.
2. Kvyat A. G. [Media meme as a tool of political PR: a cognitive approach]. In: *Mediascope (elektronnyy nauchnyy zhurnal)* [Mediascope (electronic scientific journal)], 2013, no. 1. Available at: <http://www.mediascope.ru> (accessed: 05.11.2022).
3. Nesterova O. B. [Speech effect in propagandistic political spots]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2009, no. 2, pp. 72–79.
4. Peshkova N. V. [Violation of the laws of formal logic as a source of game effect in confrontational media discourse]. In: *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta* [Pyatigorsk State University Bulletin], 2021, no. 2, pp. 116–120. DOI: 10.53531/25420747_2021_2_116.
5. Stolyarov A. A. [Political memes of the “Facebook revolution” era as a way of media reality design]. In: *Mediascope (elektronnyy nauchnyy zhurnal)* [Mediascope (electronic scientific journal)], 2014, no. 3. Available at: <http://www.mediascope.ru> (accessed: 05.11.2022).
6. Chernykh A. I. *Vlast' i politika v epokhu mediademokratii* [Power and politics in the era of media democracy]. Moscow, Higher School of Economics University Publ., 2010. 72 p.
7. Shomova S. A. *Memy kak oni yest'* [Memes as they are]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2019. 136 p.
8. Davison P. The language of Internet memes. In: Mandiberg M., eds. *The social media reader*. New York, New York University Press, 2012, pp. 120–134. DOI: 10.18574/nyu/9780814763025.003.001.
9. Dawkins R. *The Selfish Gene*; 2nd edition. New York, Oxford University Press, 1990. 368 p.
10. De Leon F. M. G., Ballesteros-Lintao R. The Rise of Meme Culture: Internet Political Memes as Tools for Analysing Philippine Propaganda. In: *Journal of Critical Studies in Language and Literature*, 2021, vol. 2, no. 4, pp. 1–13. DOI: 10.46809/jcssl.v2i4.70.
11. Ertanowska D. Memes as a means of communication and manipulation. In: *Visnyk of the Lviv University. Series Journalism*, 2021, no. 49, pp. 187–195 DOI: 10.30970/vjo.2021.49.11073.
12. Haqqi H., Putro D., Murdani A. D. Role of Political Memes on Social Media in Criticizing Political Policy in the United States 2016–2019. In: *Husnayain Business Review*, 2022, vol. 2, no. 2. DOI: 10.54099/hbr.v2i2.285.
13. Malodia S., Dhir A., Bilgihan A. Meme marketing: How can marketers drive better engagement using viral memes? In: *Psychology & Marketing*, 2022, vol. 39, iss. 9, pp. 1775–1801. DOI: 10.1002/mar.21702.
14. McVicker S. M. Political Disinformation in Memes. Political Disinformation, Propaganda, and Persuasion in Memes: A Content Analysis of 2020 U.S. Election Political Memes: Sciences in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Information Systems and Communications. Robert Morris University, 2021. 285 p. DOI: 10.13140/RG.2.2.30066.22728.
15. Wiggins B. E., Bret B. G. Memes as Genre: a Structural Analysis of the Memescape. In: *New Media & Society*, 2014, no. 11 (17), pp. 1886–1906. DOI: 10.1177/1461444814535194.
16. Zabolotna M. Memes as a way of manipulation in the process of digital interaction. In: *Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: «Філологія»*, 2018, no. 36, т. 1, с. 152–154.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шипилова Диана Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного Федерального Университета; e-mail: diana.shipilov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Diana S. Shipilova – Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer, Department of Intercultural Communication and Methods of Foreign Languages Teaching, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, the Southern Federal University; e-mail: diana.shipilov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шипилова Д. С. Интернет-мем как способ дискредитации имиджа политика // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 102–109.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-102-109

FOR CITATION

Shipilova D. S. Internet meme as a way to discredit the image of a politician. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 3, pp. 102–109.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-102-109

УДК 81'255.2

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-110-120

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ПЕРЕВОДА С ЦЕЛЬЮ ДОСТИЖЕНИЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ: НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА РОМАНА «СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ»

Ян Шичжан, Чжан Цюнсинь

Шанхайский университет иностранных языков

201620, г. Шанхай, ул. Вэньсян, д. 1550, Китайская Народная Республика

Аннотация

Цель данной работы заключается в определении понятия прагматической адаптации перевода, рассмотрении её видов и анализе прагматической адаптации перевода с целью достижения эквивалентности на примере перевода романа «Сон в красном тереме».

Процедура и методы. Изучаются определения понятий «переводческая адаптация» и «прагматическая адаптация перевода». Описывается прагматическая адаптация перевода с целью достижения эквивалентности в переводе романа «Сон в красном тереме». Основными методами, применяемыми в исследовании, являются описательный метод и индуктивный метод.

Результаты. Прагматическая адаптация перевода определяется как вид переводческой адаптации, приводящий к трансформации или переделке на прагматическом уровне исходного текста при переводе с целью соответствовать лингвокультурной ситуации в языке перевода. Показано, что переводчик В. А. Панасюк использует пять способов прагматической адаптации перевода для достижения эквивалентности, таких как добавление, примечание, опущение, генерализация и конкретизация. Сделан вывод о том, что прагматическая адаптация перевода может обеспечить адекватное понимание и передать эмоциональное воздействие исходного текста.

Теоретическая и практическая значимость. Исследование расширяет определение прагматической адаптации перевода и обогащает содержание переводческой адаптации. Результаты исследования способствуют выходу китайской культуры в мир.

Ключевые слова: прагматическая адаптация перевода, переводческая эквивалентность, трансформация, перевод на русский язык, «Сон в красном тереме»

Благодарности: Статья выполнена при государственной финансовой поддержке “Chinese Fund for the Humanities and Social Sciences” (проект № 19WSHB004) и проекта «Программа академического наставничества научного руководителя Шанхайского университета иностранных языков» (№ 2022113008).

A STUDY ON PRAGMATIC ADAPTATION OF TRANSLATION IN ORDER TO ACHIEVE EQUIVALENCE: ON THE EXAMPLE OF THE TRANSLATION OF THE NOVEL “A DREAM OF RED MANSIONS”

Yang Shizhang, Zhang Qiongxin

Shanghai International Studies University

1550 Wenxiang Road, Shanghai 201620, People's Republic of China

Abstract

Aim. To define the concept of pragmatic adaptation of translation, to consider its types and to analyse pragmatic adaptation of translation to achieve equivalence on the example of the translation of the novel "A Dream of Red Mansions".

Methodology. The authors examine the definitions of "translation adaptation" and "pragmatic adaptation of translation". Furthermore, the authors describe the pragmatic adaptation of translation to achieve equivalence in the translation of the novel "A Dream of Red Mansions". The main methods used in the study are the descriptive method and the inductive method.

Results. In the research, pragmatic adaptation of translation is defined as a type of translation adaptation, which transforms or rewrites at the pragmatic level of the source text in translation to fit the linguistic and cultural situation in the target language. It is shown that V. A. Panasyuk uses five methods of pragmatic adaptation of translation to achieve equivalence, which are addition, annotation, omission, abstraction and specification. It is concluded that the pragmatic adaptation of translation can provide an adequate understanding and convey the emotional impact of the source text.

Research implications. The study extends the definition of translation pragmatic adaptation and enriches the content of translation adaptation. In addition, the results of this study will continue to promote Chinese literature to the world.

Keywords: pragmatic adaptation of translation, translation equivalence, transformation, Russian translation, "A Dream of Red Mansions"

Acknowledgments: This article was supported by the Chinese Fund for the Humanities and Social Sciences (Project No. 19WSHB004) and the Academic Mentoring Program of Shanghai International Studies University (No. 2022113008).

Введение

С 1950-х по 1980-е годы лингвистическая теория перевода занимала главное место в переводоведении. Структуралистское лингвистическое переводоведение фокусируется на самом тексте и считает, что главной задачей переводчика является воспроизведение смысла оригинала, то есть перевод и переводчик рассматриваются как подчинённые оригиналу и автору, игнорируя внетекстовые элементы. Однако перевод является однонаправленным и двухфазным процессом межъязыковой и межкультурной коммуникации [12, с. 147], сложной работой, включающей в себя множество аспектов [8, с. 122]. Иными словами, от понимания оригинала до создания перевода переводчику необходимо учитывать различные факторы, не относящиеся к языковым знакам. В самом процессе перевода переводчику приходится учитывать контекст дискурса и истинное намерение говорящего. Следовательно, статическая теория перевода, основанная на структуралист-

ской лингвистике, не может описать весь процесс переводческой деятельности.

Прагматика является разделом лингвистики. Она возникла в 1970-х гг. и в основном изучает отношения между знаком и человеком, который его использует. При переводе на переводчиков часто влияют многие прагматические факторы. В связи с этим всё больше учёных изучают перевод с точки зрения прагматики, придавая переводоведению новую широту и глубину. Л. Хикки исследует роль прагматической теории в переводе и предполагает, что прагматика помогает добиться прагматической эквивалентности между переводом и оригиналом [13, p. 35], тем самым максимизируя понимание и восприятие читателя перевода наравне с читателем оригинала. По мнению В. Н. Комиссарова, осуществление прагматического воздействия на получателя информации составляет важнейшую часть любой коммуникации, в том числе и межъязыковой. Влияние на ход и результат переводческого процесса необходимости воспроизвести прагматиче-

ский потенциал оригинала и стремления обеспечить желаемое воздействие на рецептора перевода называется прагматическим аспектом или прагматикой перевода [2, с. 209].

«Сон в красном тереме»¹ представляет собой самый популярный из четырёх классических романов в Китае. В данном романе в речи персонажей из разных слоёв китайского общества в XVIII веке содержится множество прагматических явлений. Разные люди имеют разный культурный опыт и разный образ мышления, что неизбежно влияет на их модели использования языка. Таким образом, при переводе романа «Сон в красном тереме» переводчику необходимо подумать о том, как правильно передать прагматический потенциал исходного текста и постараться вызвать у получателя перевода ту же реакцию, что и у носителя языка оригинала. Данная работа посвящена изучению прагматической адаптации с целью достижения эквивалентности на примере перевода В. А. Панасюка романа «Сон в красном тереме»², опубликованного в 1958 г.

1. Переводческая адаптация и прагматическая адаптация перевода

Термин «адаптация» используется во многих областях научных знаний. Вопросы изучения переводческой адаптации занимался ряд учёных, таких как П. Н. Рыбкин [9], Ш. Пэй и Х. Гумин [7], Дж. Сандерс (J. Sanders) [14], Л. Хики (L. Hickey) [13] и др. Например, Ши Пэй и Ху Гумин отметили, что адаптация в процессе перевода является динамической. Исходя из цели перевода, переводчик сознательно выбирает методы перевода с целью адаптации к определённой коммуникативной среде и коммуникативным объектам [7, с. 118]. Однако вышепо-

мянутые учёные считают, что адаптация перевода – это метод перевода или приём перевода, и не рассматривают адаптацию перевода как самостоятельную проблему.

С точки зрения лингвистики, межкультурной коммуникации и переводческих ценностей можно доказать, что переводческая адаптация является видом переводческих универсалий. Следовательно, необходимо обсудить определение переводческой адаптации на уровне общей теории перевода. По мнению китайского учёного Ян Шичжана, чтобы осмыслить понятие «адаптация», необходимо уяснить два аспекта: 1) способ достижения адаптации, то есть «внесения изменений или корректировок»; 2) цель адаптации, то есть «приспособление к новой среде». Итак, «переводческую адаптацию как вид переводческих универсалий можно определить как трансформацию или переделку (rewriting) на любом уровне исходного текста при переводе с целью соответствовать лингвокультурной ситуации в языке перевода» [16, 121 页].

Прагматическая адаптация – это основная тема прагматики перевода, которая фокусируется на том, как передать прагматический потенциал оригинала и как интерпретировать прагматические аспекты перевода.

В 1973 г. А. Д. Швейцер отметил, что прагматическая адаптация является преобразованием исходного высказывания с учётом передачи его прагматического значения [11, с. 273]. Впоследствии он обсудил прагматические проблемы перевода с трёх точек зрения: коммуникативная интенция отправителя, установка на получателя и коммуникативная установка переводчика [12, с. 145–178]. Немецкий лингвист и теоретик перевода А. Нойберт указывает на то, что адекватный перевод должен сохранять прагматический потенциал исходного текста. Кроме того, он делит прагматическую адаптацию перевода на четыре типа на основе типа исходного текста и степени переводимости [6, с. 197–198].

¹ 曹雪芹, 高鹗. 红楼梦. 北京: 人民文学出版社, 1974. 1547页.

² Цао Сюэ-цзинь. Сон в красном тереме: в 2 томах / перевод В. А. Панасюка. М.: Художественная литература, 1958.

По мнению В. Н. Комиссарова, в некоторых случаях эквивалентное воспроизведение оригинального содержания обеспечивает передачу прагматического потенциала при переводе. Однако принадлежность рецептора перевода к иному языковому коллективу, к иной культуре нередко приводит к тому, что эквивалентный перевод оказывается прагматически неадекватным. В данном случае переводчику приходится прибегать к прагматической адаптации перевода, внося в свой текст необходимые изменения [3, с. 141]. Согласно определению В. Н. Комиссарова, прагматическая адаптация – это система действий переводчика, направленных на приспособление текста ПЯ (переводного языка) с использованием средств ИЯ (исходного языка) к его восприятию носителем другой культуры [2, с. 223].

Основываясь на точке зрения В. Н. Комиссарова о прагматической адаптации, В. В. Сдобников и О. В. Петрова также изучали данный вопрос. По их мнению, прагматическая адаптация текста заключается в приведении текста в такую форму, которая максимально облегчает его восприятие и способствует оказанию соответствующего коммуникативного эффекта. Кроме того, они предлагают четыре способа для достижения прагматической адаптации. Во-первых, эксплицирование подразумеваемой в оригинале информации путём дополнений и пояснений в самом тексте, либо путём примечаний к тексту. Во-вторых, опущение информации, неизвестной получателю перевода и не имеющей отношения к коммуникации. Следующим способом прагматической адаптации является использование приёма генерализации, т. е. замены слова с конкретным значением словами для получателя перевода. Четвёртый тип – использование конкретизации для того, чтобы сделать непонятную информацию оригинала лёгкой для понимания получателем перевода [10, с. 164–168]. Согласно В. В. Сдобникову и

О. В. Петровой, прагматическая адаптация обеспечивает получателям перевода полное понимание прагматического значения оригинала и достижение коммуникативного эффекта, желаемого автором оригинала, при прагматической адаптации смысл текста остаётся неизменным. Так что прагматическая адаптация, по мнению исследователей, заключается в достижении эквивалентности перевода.

Н. К. Гарбовский также изучал прагматическую адаптацию. Необходимость передать коммуникативное значение оригинала при переводе определяет целесообразность различных переводческих преобразований. Он утверждает, что на прагматическом уровне существует два типа преобразований – прагматические и прагматически обусловленные. Прагматическое преобразование изменяет прагматическое значение оригинала и может обеспечить адекватный перевод, т. е. приблизить его к другим видам межкультурного посредничества. А прагматически обусловленные преобразования направлены на сохранение коммуникативного эффекта оригинального текста и являются средством достижения прагматического значения [1, с. 395–397]. Таким образом, прагматическое преобразование стремится к достижению прагматической эквивалентности, а прагматически обусловленные преобразования могут изменять отдельные элементы смысла исходного текста, не стремятся к достижению эквивалентности.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что прагматическая адаптация перевода была глубоко изучена, и среди русских учёных принято считать, что прагматическая адаптация заключается в достижении прагматической эквивалентности, цель прагматической адаптации состоит в том, чтобы передать прагматическое значение исходного языка. Ян Шичжан утверждает, что культура является фундаментальным фактором, ограничивающим прагматическую адаптацию перевода [15]. Что касается исходного

текста, не содержащего противоречивой культурной информации, то текст перевода может быть адаптирован через трансформацию для достижения эквивалентности между исходным и переводным языками. Когда исходный текст содержит противоречивую культурную информацию, переводчик не стремится к прагматической эквивалентности, а переписывает исходный текст, чтобы устранить противоречие [15, 97页]. Таким образом, можно определить прагматическую адаптацию перевода как вид переводческой адаптации, который трансформирует или переделывает на прагматическом уровне исходный текст при переводе с целью соответствовать лингвокультурной ситуации в языке перевода.

Проблема перевода текста художественного произведения с языка оригинала на переводящий язык остаётся актуальной для теории и практики перевода [5, с. 108]. В нашем исследовании рассматривается прагматическая адаптация перевода с целью достижения эквивалентности, т. е. достижения адекватного понимания и передачи правильного восприятия на примере перевода романа «Сон в красном тереме».

2. Прагматическая адаптация перевода с целью обеспечения адекватного понимания сообщения

Сообщения, которые вполне понятны читателям оригинала, могут быть непонятны читателям перевода из-за отсутствия необходимых фоновых знаний. В случае перевода романа «Сон в красном тереме» В. А. Панасюк использовал следующие пять способов прагматической адаптации перевода, чтобы обеспечить адекватность перевода.

2.1. Добавление

Пример 1: 一时, 只见贾珍、贾琏、贾蓉三个人将王太医领来。王太医不敢走甬路, 只走旁阶, 跟着贾珍到了阶矶上。早有兩個婆子在两边打起帘子, 兩

个婆子在前导引进去; 又见宝玉迎接出来。¹

Цзя Чжэнь, Цзя Лянь и Цзя Жун ввели доктора Вана. Но он чувствовал смущение, поэтому не посмел идти по главной лестнице, а прошел сторонкой и, следуя за Цзя Чжэнем, поднялся на террасу. Две служанки подняли дверную занавеску, и на встречу вышел Бао-юй².

В феодальном Китае сложилась строгая иерархическая система, и её нельзя было переступать. Цзя Чжэнь, Цзя Лянь и Цзя Жун имеют более высокий ранг, чем доктор Ван. Для доктора Вана это был официальный повод посетить дом королевских родственников, поэтому он старался быть осторожным везде. Поскольку русские читатели не знакомы с системой социальных рангов в древнем Китае, при переводе фрагмента «...не посмел идти по главной лестнице, а прошел сторонкой и, следуя за Цзя Чжэнем...» В. А. Панасюк добавил причину – «он чувствовал смущение», – чтобы сделать текст перевода понятным русскому читателю, тем самым обеспечить адекватное понимание.

2.2. Примечание

Пример 2: “哥儿已念到第三本《诗经》，什么‘彼彼鹿鸣，荷叶浮萍’，小的不敢撒谎。”说的满座哄然大笑起来，贾政也撑不住笑了。³

Старший брат Бао-юй выучил три раздела «Шицзина» до какой-то там песни: «Оленей, оленей вдали слышен зов, там лотосов листья и ряска прудов». Ей-ей, не смею вам лгать! Все так и покатались со смеху. Цзя Чжэн, который тоже не мог сдержать улыбку...⁴*

¹ 曹雪芹, 高鹗. 红楼梦. 北京: 人民文学出版社, 1974. 第516页.

² Цао Сюэ-цин. Сон в красном тереме: в 2 томах / перевод В. А. Панасюка. М.: Художественная литература, 1958. Т. 1. С. 583. Далее – Сон в красном тереме. Т. 1.

³ 曹雪芹, 高鹗. 红楼梦. 北京: 人民文学出版社, 1974. 第108页.

⁴ Сон в красном тереме. Т. 1. С. 140.

***Примечание:** Ли Гуй искажил цитату из «Шицзина», сделав эти строки абсурдным: олени пасутся на водоёмах. Подлинная цитата следующая:

*Олений, олений разносится зов,
Едят они дикие травы лугов.*

Приведённые выше слова – это ответ Ли Гуя на вопрос Цзя Чжэна об учёбе Бао-Юя. Поскольку Ли Гуй очень мало знал «Шицзин», он допустил ошибку в повторении предложения. Согласно «Шицзин», стихотворение должно звучать так: «Олений, олений разносится зов, едят они дикие травы лугов». Однако Ли Гуй произнёс: «Олений, олений вдали слышен зов, там лотосов листья и ряска прудов». Цзя Чжэн и литераторы были хорошо знакомы с этим произведением, они могли услышать ошибки. Истинное намерение автора состоит в том, чтобы показать поверхностные знания Ли Гуя. Однако большинство русских читателей не знакомы с китайским произведением, поэтому они не могут понимать, почему Цзя Чжэн и литераторы смеялись. При буквальном переводе был бы утрачен прагматический потенциал исходного текста, поэтому В. А. Панасюк сделал примечание, чтобы русские читатели могли получить такое же понимание из перевода.

2.3. Опускание

Пример 3: 天下这样标致人儿! 我今日才算看见了! 况且这通身的气派竟不象老祖宗的外孙女儿, 竟是嫡亲的孙女儿似的, 怨不得老祖宗天天嘴里心里放不下。——只可怜我这妹妹这么命苦, 怎么姑妈偏就去世了! ¹

Право же, бывают в Поднебесной люди с такой прекрасной внешностью! А я только сейчас впервые увидела! И вид у неё не такой, как у внучки по материнской линии, она похожа скорее на внучку по мужской линии. Не удивительно, что вы все время и вспоминали о ней! Жаль,

¹ 曹雪芹, 高鹗. 红楼梦. 北京: 人民文学出版社, 1974. 第30页.

*что моей сестричке не повезло: и почему её матушка так рано умерла?*²

Эти слова высказала Ван Сифэн, когда Дайюй впервые вошла в семью Цзя. Цель данного высказывания – польстить матушке Цзя и похвалить необыкновенный темперамент Дай-юй. Здесь «老祖宗» относится не только к «старой бабушке», но и затрагивает более глубокое социокультурное значение, имея в виду конкретно матушку Цзя, которая почиталась и пользовалась высоким авторитетом в семье. Это отражает ранг и порядок в китайской семье, что отсутствует в русском обществе. Кроме того, согласно семейному и наследственному праву, внучка от сына ближе, чем внучка от дочери. Однако на русскую культуру влияют параллельные социальные отношения. Как «внучка от сына», так и «внучка от дочери» в русском языке – это «внучка», и между ними нет никакой разницы. Поэтому В. А. Панасюк сначала опускает слова «老祖宗», а затем упрощает оригинальное предложение как «в ней больше сходства с отцовской линией, чем с материнской», что легко понимается читателями перевода.

2.4. Генерализация

Пример 4: 黛玉方进房, 只见两个人扶着一位鬓发如银的老母迎上来, 黛玉知是外祖母了。³

Линь Дай-юй вошла в дом и сразу увидела старуху с белыми, как серебро, волосами, которая шла ей навстречу, поддерживаемая под руки служанками. Дай-юй поняла, что это и есть её бабушка⁴.

Термин «外祖母» относится к бабушке со стороны матери. Поскольку древний Китай был патриархальным обществом, связанным патриархальной структурой, родственникам с материнской стороны семьи давали слово «外», чтобы отличить

² Сон в красном тереме. Т. 1. С. 55.

³ 曹雪芹, 高鹗. 红楼梦. 北京: 人民文学出版社, 1974. 第1262页.

⁴ Цао Сюэ-цин. Сон в красном тереме: в 2 томах / перевод В. А. Панасюка. М.: Художественная литература, 1958. Т. 2. С. 54.

материнскую сторону от отцовской. Однако в России такого обращения не существует, поэтому В. А. Панасюк обобщает, заменяя «бабушку со стороны матери» на «бабушку», которое знакомо русскому читателю.

2.5. Конкретизация

Пример 5: 尤氏道: “我也暗暗的叫人预备了。就是那件东西不得好木头, 且慢慢的办着呢。”¹

– Я уже давно приказала слугам тайком все приготовить, – призналась госпожа Ю. – Правда, пока еще не удалось достать хорошего дерева для гроба, но думаю постепенно все подготовим².

Чтобы избежать зла, китайцы обычно используют тактичные обороты речи вместо прямых выражений, таких, например, как «смерть» и «гроб», которые в значительной степени можно считать субъективным явлением. Восприятие одного и того же явления разными людьми или группами людей может существенно различаться [4, с. 48]. В контексте “那件东西” относится к гробу для мёртвых. Однако В. А. Панасюк отказывается от табуированного выражения и прямо переводит его как «гроб», чтобы русским читателям было понятно.

3. Прагматическая адаптация перевода с целью достижения эмоционального воздействия исходного текста

Помимо достижения адекватного понимания, прагматическая адаптация перевода может также передавать эмоциональное воздействие исходного текста (ИТ). В каждом языке существуют названия каких-то объектов и ситуаций, с которыми у представителей данного языкового коллектива связаны особые ассоциации. Если подобные ассоциации не переданы или искажены в переводе, прагматический потенциал перевода и

оригинала не будет одинаковым, даже при эквивалентном воспроизведении содержания [3, с. 145]. В. А. Панасюк часто использует следующие четыре способа прагматической адаптации перевода.

3.1. Добавление

Пример 6: 说着, 催宝玉喝了两口汤, 宝玉故意说: “不好吃。” 玉钏儿撇嘴道: “阿弥陀佛! 这个还不好吃, 也不知什么好吃呢!”³

Бао-юй отпил несколько глотков, потом поставил чашку и заявил:

– Невкусно!

– Амиитофо! – удивилась Юй-чуань, скорчив гримасу. – Если это невкусно, что же вкусно?⁴

“阿弥陀佛” (амиитофо) – буддийское слово, которое показывает, что в древнем Китае буддизм незаметно влиял на людей в их мыслях и поведении. В романе «Сон в красном тереме» персонажи выражают сильные эмоции восклицанием «Амиитофо». В данном контексте Юй-чуань уговаривает Бао-юя выпить суп, Юй-чуань сказала: «Амиитофо», чтобы опровергнуть утверждение Бао-юя о том, что суп не вкусный. Однако русским читателям трудно понять эмоциональный смысл «Амиитофо» в конкретном контексте, поэтому В. А. Панасюк добавил слова «удивилась» и «скорчив гримасу», чтобы русские читатели оценили эмоциональный эффект исходного текста.

3.2. Примечание

Пример 7: 黛玉道: “...今儿得罪了我的事小, 倘或明儿宝姑娘来, 什么贝姑娘来, 也得罪了, 事情可就大了。”⁵

Согласилась Дай-юй: «Но только не мне следовало тебе говорить об этом. То, что меня обидели, пустяки, но если завтра к тебе придет Бао-чай или какая-нибудь другая “драгоценная барышня” и

¹ 曹雪芹, 高鹗. 红楼梦. 北京: 人民文学出版社, 1974. 第35页.

² Сон в красном тереме. Т. 1. С. 166.

³ 曹雪芹, 高鹗. 红楼梦. 北京: 人民文学出版社, 1974. 第425页.

⁴ Сон в красном тереме. Т. 1. С. 483.

⁵ 曹雪芹, 高鹗. 红楼梦. 北京: 人民文学出版社, 1974. 第328页.

ее обидят, тогда действительно беда будет!»¹

Примечание: «Драгоценная барышня» – игра слов, основанная на том, что слог «Бао» из имени Бао-чай имеет значение «драгоценный».

В китайском языке иероглиф “贝” (бэй) обычно сочетается с иероглифом “宝” (бао), который обычно относится к сокровищам. “宝姑娘” относится к Бао-чай, а “贝姑娘” была придумана Дай-юй. При переводе на русский важно передать саркастический тон Дай-юй. Поэтому В. А. Панасюк не придерживается оригинального текста, а передаёт эмоциональный эффект слов Дай-юй с помощью примечания.

3.3. Опускание

Пример 8: 贾母道：“既这么样，就一日五斤，每月打总儿关了去。” 马道婆道：“阿弥陀佛，慈悲大菩萨！”²

– Ладно, пусть будет по пять цзиней, – согласилась матушка Цзя. – Рассчитываться будем сразу за месяц.

– **Слава великому и милосердному Бодисатве!** – воскликнула монахиня Ма³.

Монахиня Ма сказала «Амитофо», чтобы поблагодарить матушку Цзя. Однако русскому читателю трудно понять эмоциональное содержание «Амитофо» в данном контексте, поэтому В. А. Панасюк решил опустить «Амитофо» и перевести “慈悲大菩萨” как «Слава великому и милосердному Бодисатве», что также выражает благодарность, передавая соответствующий эмоциональный эффект и облегчая понимание для русского читателя.

3.4. Генерализация

Пример 9: 刘姥姥忙念佛道：“我们家艰难，走不起。来到这里。没的给姑奶奶打嘴，就是管家爷们瞧着也不象。”⁴

Нам дома и так тяжело приходится, денег на дорогу нет, когда нам думать о визитах?! Сюда ходить – только унижать **вас** да себя ставить в смешное положение перед слугами⁵.

Чтобы выразить уважение к Фын-цзе, бабушка Лю использовала обращение “姑奶奶” по отношению к ней. Русские читатели, не имеющие такого же культурного опыта, не поняли бы намерения бабушки Лю, поэтому В. А. Панасюк переводит “姑奶奶” как индикатив «вас», проявляя такое же уважение к Фын-цзе. Следовательно, использование генерализации позволяет воспроизвести значение обращения в полном объёме.

3.5. Конкретизация

Пример 10: 晴雯睡在枕上嗔道：“好二爷，你干你的去罢，那里就得病了。”⁶

– **Дорогой мой господин!** – отвечала Цинвэнь, бессильно опустив голову на подушку. – Не чахотка же у меня!⁷

Китайское обращение “二爷” обычно относится к почётному дедушке, предку и чиновнику. В данном контексте служанка Цинвэнь обращается к Бао-юй как “好二爷”, что не соответствует социальным отношениям между ними, Цинвэнь только льстит Бао-юй, преувеличивая своё старшинство. Поэтому В. А. Панасюк переводит его конкретно как «дорогой мой господин», и данное выражение лучше отражает близость их отношений, выходящих за рамки отношений хозяина и слуги, передавая эмоциональный эффект.

На основе проанализированного материала можно сделать вывод, что при выполнении прагматической адаптации перевода с целью достижения эквивалентности содержание исходного текста не изменяется. В. А. Панасюк только трансформирует и использует слова, которые рецепторам перевода легко понять на прагматическом уровне исходного

¹ Сон в красном тереме. Т. 1. С. 383.

² 曹雪芹, 高鹗. 红楼梦. 北京: 人民文学出版社, 1974. 第292页.

³ Сон в красном тереме. Т. 1. С. 345.

⁴ 曹雪芹, 高鹗. 红楼梦. 北京: 人民文学出版社, 1974. 第75-76页.

⁵ Сон в красном тереме. Т. 1. С. 107.

⁶ 曹雪芹, 高鹗. 红楼梦. 北京: 人民文学出版社, 1974. 第662页.

⁷ Сон в красном тереме. Т. 1. С. 740.

текста, чтобы адаптироваться к лингвокультурной ситуации перевода.

Заключение

Процесс перевода «пересекает» не только границы языков, но и границы культур, а создаваемый в ходе этого процесса текст транспонируется не только в другую языковую систему, но и в систему другой культуры [12, с. 14]. Разные народы имеют разный культурный опыт и образ мышления, и эти различия неизбежно влияют на особенности использования языка. Когда между когнитивными

средами исходной и целевой культур нет конфликта, переводчику не нужно менять содержание оригинала, он может достичь прагматической эквивалентности путём трансформации. В нашей работе был исследован только эквивалентный аспект прагматической адаптации перевода на примере романа «Сон в красном тереме». Другой аспект прагматической адаптации перевода – переделка – ещё требует изучения, что может составить перспективу дальнейших исследований.

Дата поступления в редакцию 27.02.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Издательство Московского университета, 2004. 542 с.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 250 с.
3. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 1999. 407 с.
4. Ли М., Лобанова Т. Н. Исследование эвфемизма *смерть* в переводе романа «Сон в красном тереме» с китайского языка на русский язык // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 6. С. 41–50. DOI: 10.18384/2310-712x-2022-6-41-50.
5. Низовцева Т. В. Особенности перевода бытовых реалий с русского языка на английский в произведениях фантастического жанра (на материале повести А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине» и её перевода на английский язык) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 4. С. 107–114. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-107-114.
6. Нойберт А. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. 229 с.
7. Пэй Ши, Гумин Ху. Исследование китайского перевода романа «Анна Каренина» с точки зрения адаптации культурного контекста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 5. С. 115–125. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-115-125.
8. Пэй Ши, Гумин Ху. Об играх переводчика в переводческой деятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3. С. 113–124. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-113-124.
9. Рыбкин П. Н. Типологии переводческих трансформаций Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне и Л. С. Бархударова: опыт сопоставления // Молодые голоса: сборник трудов молодых ученых. Вып. 9. Екатеринбург: Ажур, 2020. С. 156–161.
10. Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода. М.: Восток–Запад, 2007. 444 с.
11. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973. 278 с.
12. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 214 с.
13. Hickey L. The Pragmatics of Translation. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2001. 242 p.
14. Sanders J. Adaptation and Appropriation. New York & London: Routledge, 2016. 184 p.
15. 杨仕章. 《论翻译语用适应的双指向性》// 外语学刊, 2018, № 3, 92–97页.
16. 杨仕章. 《作为翻译通论新议题的翻译适应:问题的提出》// 中国翻译, 2022, № 1, 115–122页.

REFERENCES

1. Garbovskiy N. K. *Teoriya perevoda* [Theory of translation]. Moscow, Moscow State University Publ., 2004. 542 p.
2. Komissarov V. N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskiye aspekty)* [Theory of translation (linguistic aspects)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 250 p.

3. Komissarov V. N. *Sovremennoye perevodovedeniye* [Modern translation studies]. Moscow, ETS Publ., 1999. 407 p.
4. Li M., Lobanova T. N. [A study of the euphemism “death” in the translation of the novel “The dream in the red chamber” from Chinese into Russian]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2022, no. 6, pp. 41–50. DOI: 10.18384/2310-712x-2022-6-41-50.
5. Nizovtseva T. V. [Translation of everyday realia from Russian to English in science fiction (study of the novel “Roadside picnic” by A. and B. Strugatski and its English translation)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2019, no. 4, pp. 107–114. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-107-114.
6. Neubert A. *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoy lingvistike* [Questions of the theory of translation in foreign linguistics]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1978. 229 p.
7. Pei Shi, Gumin Hu. [A study on the Chinese translation of “Anna Karenina” from the perspective of cultural context adaptation]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2021, no. 5, pp. 115–125. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-115-125.
8. Pei Shi, Gumin Hu. [A study of translators’ games in translation activities]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2022, no. 3, pp. 113–124. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-113-124.
9. Rybkin P. N. [Typologies of translation transformations of J.-P. Vinay, J. Darbelnet and L. S. Barkhudarov: experience of comparison]. In: *Molodyye golosa: sbornik trudov molodykh uchennykh. Vyp. 9* [Young voices: a collection of works of young scientists. Issue. 9]. Yekaterinburg, Azhur Publ., 2020, pp. 156–161.
10. Sdobnikov V. V., Petrova O. V. *Teoriya perevoda* [Translation theory]. Moscow, Vostok–Zapad Publ., 2007. 444 p.
11. Schweitzer A. D. *Perevod i lingvistika* [Translation and Linguistics]. Moscow, Voenizdat Publ., 1973. 278 p.
12. Schweitzer A. D. *Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty* [Translation theory: Status, problems, aspects]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 214 p.
13. Hickey L. *The Pragmatics of Translation*. Shanghai, Shanghai Foreign Language Education Press, 2001. 242 p.
14. Sanders J. *Adaptation and Appropriation*. New York & London, Routledge, 2016. 184 p.
15. 杨仕章. 《论翻译语用适应的双指向性》 In: 外语学刊, 2018, no. 3, 92–97页.
16. 杨仕章. 《作为翻译通论新议题的翻译适应:问题的提出》 In: 中国翻译, 2022, no 1, 115–122页.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ян Шичжан – доктор филологических наук, профессор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии, Центра исследований России Шанхайского университета иностранных языков; e-mail: yangshizhang@shisu.edu.cn;

Чжан Цюньсинь – магистрант Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Шанхайского университета иностранных языков; e-mail: zqxlena@foxmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yang Shizhang – Yang Shizhang – Dr. Sci. (Philology), Prof., School of Russian and Eurasian Studies, Center for Russian Studies, Shanghai International Studies University; e-mail: yangshizhang@shisu.edu.cn;

Zhang Qiongxin – Postgraduate Student, School of Russian and Eurasian Studies, Shanghai International Studies University; e-mail: zqxlena@foxmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ян Шичжан, Чжан Цюнсинь. Исследование прагматической адаптации перевода с целью достижения эквивалентности: на примере перевода романа «Сон в красном тереме» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 110–120.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-110-120

FOR CITATION

Yang Shizhang, Zhang Qiongxin. A study on pragmatic adaptation of translation in order to achieve equivalence: on the example of the translation of the novel “A dream of red mansions”. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 3, pp. 110–120.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-110-120

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ И РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

УДК 811.11-112

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-121-131

СПЕЦИФИКА ДИСКУРСА «ЛИТЕРАТУРНЫХ ОДИНОЧЕК»

Морозова М. Е.

Пятигорский государственный университет

357500, г. Пятигорск, пр-т Калинина, д. 9, Российская Федерация

Аннотация

Цель статьи в описании персонажей-одиночек как специфичной группы литературных персонажей, своеобразие которых проявляется в их особом душевном состоянии.

Процедура и методы. Для фигур персонажей-одиночек выявляются контексты их высказываний, идентифицируются и анализируются языковые средства, активные в дискурсе особого чувственного состояния. На основе типологии субъектов одиночества в художественном тексте в лингвокомпаративном аспекте рассматривается и их способность проявлять своё речевое поведение.

Результаты. По итогам исследования делается заключение о дискурсивной интенциональности и об ограниченной коммуникационной необходимости персонажей-одиночек.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость сводится к прагматическому обоснованию нарушения одиночками схемы коммуникации. Актуально для дискурсологии в применении к художественным текстам.

Ключевые слова: дискурсивная реализация проблемы, интенциональность, коммуникативное поведение, лингвокомпаративное описание, литературные одиночки, типология интенциональности

THE SPECIFICS OF THE DISCOURSE OF “LITERARY LONERS”

M. Morozova

Pyatigorsk State University

prospekt Kalinina 9, Pyatigorsk 357300, Russian Federation

Abstract

Aim. To describe loner characters as a specific group of literary characters, whose specificity is manifested in their special state of mind.

Methodology. In the course of the study of loner characters, the author reveals the contexts of their statements, identifies and analyzes the linguistic means active in the discourse of a special sensory state. Based on the typology of loneliness subjects in a literary text, their ability to show their speech behavior is also considered in a linguo-comparative aspect.

Results. Based on the results of the study, a conclusion is made about discursive intentionality and limited communication necessity of loner characters.

Research implications. The theoretical significance is confined to the pragmalinguistic substantiation of the communication scheme violations by loners. The paper is relevant for discourse studies as applied to literary texts.

Keywords: communicative behavior, discursive realization of the problem, intentionality/typology of intentionality, linguo-comparative description, literary loners

Введение

Понятие «литературный одиночка» мы распространяем на персонажей литературы, выписанных авторами как специфичный тип главной фигуры с особым складом души, восприятия, переживаний и отношения к людям и жизни. Такая специфичность заключается в гибридном симбиозе потребности в одиночестве и коммуникационной необходимости.

В фокусе внимания данной статьи – ряд немецких литературных одиночек, тем не менее, этот феномен представлен многочисленными примерами и в мировой литературе: «Дон Кихот» Мигеля Сервантеса, «Исповедь» Жан Жака Руссо, «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери, «Сто лет одиночества» Габриеля Г. Маркеса и другие. Мотив одиночества зачастую не обозначен на уровне заголовка произведения (как, например, «Глазами клоуна» Генриха Бёлля или «Триумфальная арка» Эриха Марии Ремарка), а получает выражение с помощью множества эксплицитных языковых средств – маркеров данного состояния. Актуальным представляется исследование дискурсивно организованной вербализации такого состояния на материале художественных произведений.

Целью настоящей работы является лингвокомпаративное описание обозначенных нами специфических персонажей. Наше внимание обращено к средствам и способам персонажей-одиночек заявлять и осуществлять своё «коммуникативное поведение» [6], выявить и описать которые мы ставим своей задачей. Гипотетически мы предполагаем, что специфика описываемого типа художественной фигуры заключается в его не-

соответствии коммуникативным принципам, и в заключении сформулируем прагматическое обоснование для данной гипотезы.

Поскольку любое экзистенциальное состояние (одиночество как одно из них) получает свою физическую реализацию в языке, мы выбираем этот постулат за основу своего анализа при описании интенционального мира литературного одиночки как типа. Вторым важным для нас постулатом мы берём идею о том, что такой интенциональный мир организуется автором в художественном дискурсе, в рамках которого данный персонаж вырисовывается и обитает. Обе исходные позиции, как мы ожидаем, позволят нам дискурсивно рассмотреть персонаж-одиночку и описать коммуникативные процессы его взаимодействия с окружающим миром. В основе такого коммуникативно-ориентированного анализа лежат речевые действия литературных фигур(антов).

Материалом исследования взяты произведения немецкоязычной литературы, некоторое межкультурное сопоставление с акцентом на русскую коннотацию одиночества также имеет место быть. Экстраполировать исследование и его выводы на произведения мировой литературы, упомянутые в начале статьи, в нашу задачу не входит.

Выводы и гипотезы о коммуницирующих с определёнными намерениями субъектах опираются на теорию дискурса Дж. Сёрла [11] и результаты диссертационного исследования Татьяны Журавлёвой [4], в котором разработана типология интенциональных типов литературных одиночек. Дискурсивное разнообразие

интенциональных типов становится возможным благодаря вариативным комбинациям маркировочных средств, репрезентирующих исследуемое коммуникативное поведение персонажей.

1. Методологические основы исследования

Варианты в трактовках понятия «дискурс» свидетельствуют о его многоаспектности и демонстрируют разнообразие научных подходов и точек зрения. Родоначальники теории дискурса – французские учёные Р. Барт [1], П. Серио [8], американский учёный З. Хэррис [10] – вывели исследование на уровень текста, погруженного в контекст. Идея напоминает известную триаду Ф. де Соссюра: язык – речь – речевая деятельность, где последний компонент и воспринимается дискурсом, отличным от речи, получаемой в виде устно-письменного текста.

Укажем на попытку Дэвида Кристала увидеть в понятии “discourse” то, что противоположно понятию текст. Его аргумент основывается на том, что при исследовании понятия “discourse” сами исследователи, как правило, фокусируются на естественном общении – интервью, комментарии (интервью организовано в формате диалога, а комментариев как реакция на сказанное) – то есть на живом языке. Исследователи текста переводят фокус своего внимания на структуру языка – а именно на письмо, графику, эссе, заметки, сюжет. Смысл понятий “discourse” и “text” более широкий для всех языковых единиц, если их коммуникативная функция устанавливается без учёта формы – письменной или устной. При этом некоторые учёные исследуют «дискурс письма и речи», другие – «сказанный или написанный текст»¹.

Так или иначе, постепенно отождествление дискурса с текстом стало второстепенным, главным же в определении

дискурса был назначен текст, «погруженный в ситуацию общения», где ситуация общения проявляет позиции и роли участников коммуникации (социальных и психологических), саму ситуацию (где и когда) и личность коммуникантов. Эта триада взята основой для дискурсивного анализа коммуникации литературных одиночек в пространстве художественных текстов. Есть все основания говорить об инклюзивной интенциональности как исходной позиции исследуемого коммуниканта, когда упомянутая триада необходимо учитывает и вписывает в коммуникацию и обуславливающую (а, скорее, усугубляющую) специфичное состояние персонажей-одиночек ситуацию, и личность коммуникантов, рассматриваемых в типологии интенциональности.

2. Основная часть

2.1. Персонаж-одиночка в культурно-парадигматическом свете

Фигура литературного одиночки из некой художественной реальности необходимо воспринимается символом некоторой культурной эпохи. Такая фигура бывает вписана в концептуальный мир художественного текста, а её проблемы реализуются дискурсивно, поскольку манифестируются в языке и включены интегральным элементом в новый художественный контекст.

Типология персонажей-одиночек, введенная Т. П. Журавлевой [4], высвечивает три интенционально значимых типажа: пассивно-депрессивный тип, позитивно действующий тип и тип смешанный, рефлексивно-действующий. Причём фигура одиночки, как заявляет исследователь, не является устойчивым типом, таковой способен меняться в любую сторону (чаще всё же эволюционировать в отношении смены депрессивных эмоций на эмоции более высокого порядка) или быть амбивалентным типом в отношении к своему состоянию.

Как утверждает Т. П. Журавлева [4, с. 3–4], все три типажа структурируют

¹ См.: Crystal D. Discourse // Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 286.

ся так, что их специфика выражается и прослеживается на основании повторяющихся высказываний. Дискурсивно и вариативно реализуемые монологические высказывания эксплицируют персонажа как тот или иной тип, использующий речевую форму внутреннего монолога с разной интенцией: пассивно-депрессивный тип обвиняет мир и общество в своих проблемах; позитивно действующий тип воспринимает своё состояние интенционально и признаёт его; рефлексивно-действующий тип противопоставляет себя обществу и даже Богу.

Являясь социально-психологическим состоянием, одиночество проявляется не как событие, а в личном переживании. В литературном произведении этот феномен выражается дискурсивно и оказывает существенное воздействие на речевое поведение персонажа, как это видно на примере из романа Т. Мана «Будденброки»:

War nicht jeder Mensch ein Mißgriff und Fehltritt? Geriet er nicht in eine peinvolle Haft, sowie er geboren ward? Gefängnis! Gefängnis! Schranken und Bande überall! Durch die Gitterfenster seiner Individualität starrt der Mensch hoffnungslos auf die Ringmauern der äußeren Umstände, bis der Tod kommt und ihn zu Heimkehr und Freiheit ruft ...¹

Существительные с семей «ограничения» и коннотативным мотивом отчаяния напоминают персонажу о том, что люди на протяжении своей жизни никогда не бывают свободными и смеют надеяться на освобождение только в потустороннем мире. Дискурсивно организованный контекст сводит причины такой убеждённости к проблемам интенциональной интерпретации мира protagonистом, его способности рационально взаимодействовать с ним, повышая свою коммуникативность (дискурсивно это может быть выражено, например, снижением доли внутренних монологов по

сравнению с участием в коммуникативно успешных диалогах).

2.2. Культурная интенциональность литературных одиночек

Понятие интенциональности восходит к теории речевых актов Дж. Сёрла [9, с. 152]. В теории любой письменный знак сигнализирует о некотором намерении и предполагает интерпретацию этого намерения. По мнению Дж. Сёрла, такая интенция – *“ein menschliches Phänomen, das ein Element seiner biologischen Natur ist”* [12, р. 8]. Феномен интенционального состояния есть состояние «С», имеющее психологическую подоплёку и репрезентативное содержание [9, с. 154]. Основополагающую характеристику проживаемой реальности находит в интенциональности и культурный психолог Рихард Шведер [13], поскольку корни её он видит в опыте индивида, на основе чего конструируется свой собственный мир, который, однако, определяется существующими культурными парадигмами. В интенциональности, таким образом, коренится ключевое понятие, способное осваивать доступный человеческому сознанию мир фактов. На этой основе все объективные реалии получают субъективное содержание, выкладываемое в центр повседневного человеческого взаимодействия. Закономерным становится вывод о том, что, если и мир по отношению к интенциональной фигуре является интенциональным, то интенциональность как фигуры, так и культуры проявляется материально, то есть дискурсивно. Показательным послужит пример из прозы Райнера Марии Рильке *“Pierre Dumont”*:

Sie lagen sich beide in den Armen und weinten. „Mein Kind!“ schluchzte die arme Frau. „Mama, ich bin ja in hundertzwanzig Tagen ...“ „Sei brav, bleib gesund ...“ und mit zitternder Hand machte sie dem Kleinen das Kreuzeszeichen ... Pierre aber riß sich los: „– Ich muss laufen, Mutter, sonst bekomme ich Strafe“, stammelte er, „und schreibe mir, Mut-

¹ Mann Th. Die Buddenbrooks. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1956. S. 625.

ter, ...“ – *Noch ein Kuss, und fort war er. ... Er taumelte in den breiten Flur hinein ... er war so müde ... „Dumont!“ rief eine brutale Stimme. Der Unteroffizier von der Torwache stand vor ihm. „Dumont! Zum Teufel, wissen Sie nicht, daß Sie sich zu melden haben?“¹*

Маленький мальчик, отец которого, офицер, погиб, а мама получает крошечную пенсию на содержание сына, имеет лишь одну единственную возможность получить образование за счёт государства, став военным. Жизнь в казарме, где правят жёсткие законы муштры и дисциплины, существенно отличается от атмосферы уюта и любви, которые окружают его дома, и тяготит мальчика. Этот контраст подчёркивают экспрессивные глаголы: „schluchzen“, „weinen“, „stammeln“, „taumeln“, посчитанные до следующего отпуска дни, оценочные определения „brutal“ und „zitternd“, вульгаризм „zum Teufel“. После весёлых и нежных каникул дома с мамой ему тяжело от неё оторваться, а грубый окрик дежурного по казарме становится пограничным признаком того, что он вернулся в мир жёстких и жестоких реалий, далёкий от мира любви и мечтаний. Между двумя культурами – культурой любящей семьи и всё подчиняющей культурой воинской службы – интенционально проложена огромная дистанция: «любовь-уважение» противопоставляются «подчинению», что выражено изменением семантики глаголов, эмоциональной аксиологией определений, укороченными от снижения мотивационного уровня эмоций синтаксическими структурами.

2.3. Культурная и языковая аксиология одиночества

Сопоставительные исследования показывают, что языковая логика в различных культурах может как совпадать, так и проявлять существенные различия. В начале исследования мы столкнулись с трудностью определения самого объекта

сопоставления, а затем и употребления эквивалентных «терминов» на лексическом уровне. Используя в отношении действующей фигуры художественного произведения в русском языке лексику «одиночка», что вполне сопоставимо с лексемой немецкого языка „Einzelgänger“, мы обнаружили, что обе лексемы перекрывают друг друга только номинально. Реальность русской культуры, например, инклюзирует и акцентирует некоторую жизненную позицию, не вписывающуюся в бытовые рамки окружающего общества (семантика термина «лишние люди»). Фигура художественной реальности с такой позицией опирается на собственные ориентиры и подпитывается энергией от самореализации. Однако ситуации непонимания провоцируют ситуации отторжения, фигура теряет ориентиры, погружаясь в неудовлетворённость и метания. Субъектность такой фигуры заключается не в одиночестве (Einzelgängigkeit; Alleinsein), а в одинокости (Einsamkeitsgefühl), описываемой авторами особым состоянием души – Einsamkeit. Так, из семантического перечня концепта «одиночество – Einsamkeit» мы, в соответствии с нашим исследовательским интересом, осознанно вычленим сему «состояние» с семантическими признаками: жизнь без любимого человека; временная, зачастую не желаемая изоляция; время/место погружения в себя. Это проживаемое и переживаемое состояние взаимодействует с языковым сознанием и способностью осуществления коммуникативных действий, благодаря чему фигура реализует свою интенцию и интенциональность в разрез с принятыми социально-языковыми формами и нормами. «Ситуативный вектор использования языка» ориентирован, по В. И. Карасику, обычно «на достижение взаимопонимания между участниками общения», а в нашем случае установление контакта не срабатывает, и значимые характеристики тональности, как и режима коммуникации, наруша-

¹ Rilke R. M. Pierre Dumont // Österreichisches Erlebnis. Moskau: Verlag „Progress“, 1973. S. 72.

ются [5, с. 62]. В немецком языке эквивалентом русской лексемы «одиночка» может выступать и лексема “Einsamer”, однако в качестве дискурсивного субъекта такое обозначение редко употребительно, по сравнению с более типичной для немецкого языка лексемой “Einsamkeit” как номинацией состояния души. Помимо этой особенности в немецкой культуре элементы синонимичных рядов концепта “Einsamkeit”, такие как *die Abgeschiedenheit, die Abgeschlossenheit, die Absonderung*, имеют амбивалентную аксиологию (могут интерпретироваться и как положительное, и как отрицательное психологическое состояние), тогда как в русской – однозначно отрицательную [7]. В контекстах возможны такие варианты употребления двоичной фреймовой семантики с учётом (1) социальной и (2) интенциональной форм существования и бытования литературной фигуры.

Примеры социальной формы существования литературного одиночки:

(1) *Ich hoffte volle Nahrung meines Herzens in der Einsamkeit zu finden.*¹

*Ich glaube wirklich, ich bin für den menschlichen Verkehr verloren.*²

*Danach könnte man glauben, ich sei für das Alleinsein geboren.*³

*... hielt mit keiner Seele Gemeinschaft*⁴ (общая сема примеров «удалённость ото всех»).

Примеры интенциональной формы существования литературного одиночки:

(2) *... hatte nicht viel Freude an dem Verkehr mit ihnen*⁵;

*... schleppen wir uns an dem Bewußtsein unserer Unnützlichkeit wund und krank*⁶;

*... fürchtete mich, mit einem Menschen einen Umgang zu haben*⁷;

*... das Leben eines Einsamen und wenig Geliebten*⁸;

*... heftiges Einsamkeitsbedürfnis*⁹ (общая сема примеров «глубокое переживание»).

Как видно из примеров, фактором различения двух семантических фреймов проявляет себя комплекс языковых и речевых фактов. Субъект одиночества, как правило, не номинирован, а манифестирован таковым в материатуре художественного произведения, причём лексически, семантически и эмоционально максимально плотно. В ходе исследования проведена работа по выявлению множества «эмоциональных экспликаторов», которые и составляют дискурсивную идентичность субъекта одиночества. В упомянутое множество вошли:

– пропозициональные экспликаторы чувственных переживаний *arbeitete stumm, abgeschlossen, unsichtbar, voller Verachtung; stand vollkommen im Leeren*;

– номинативный ряд абстрактных экспликаторов с интенсивностью бурующего персонажа чувства *Verödung, Vereinsamung und Verwilderung seines Lebens; Hochmut, Untreue und Mangel an Liebe*;

– номинативный ряд абстрактных экспликаторов эмоционально-чувственного характера с отрицательным префиксом *Unmut; Unlust*;

– аксиологически отрицательные номинанты *Schmerzenstöße, Todesfurcht* (с развитием сюжетной линии наблюдается

[tps://clck.ru/34g49p](https://clck.ru/34g49p) (дата обращения: 12.09.2022).

⁶ Mann Th. Tristan.

⁷ Hesse H. Peter Kamenzind [Электронный ресурс] // ЛибКат : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34g4B8> (дата обращения: 12.09.2022).

⁸ Hesse H. Der Steppenwolf [Электронный ресурс] // Kostenlos Online Lesen : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34g4DN> (дата обращения: 12.09.2022). Далее – Hesse H. Der Steppenwolf.

⁹ Hesse H. Glasperlenspiel [Электронный ресурс] // ЛибКат : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34g4M8> (дата обращения: 12.09.2022).

¹ Novalis. Heinrich von Ofterdingen. Erstausgabe 1802 [Электронный ресурс] // Projekt Gutenberg-DE : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34g48M> (дата обращения: 12.09.2022).

² Kafka F. Briefe an Felice und andere Korrespondenz aus der Verlobungszeit (Auswahl). Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1985. S. 163.

³ Там же. S. 180–181.

⁴ Mann Th. Tristan [Электронный ресурс] // ЛитРес : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34g48c> (дата обращения: 12.09.2022).

⁵ Mann Th. Der kleine Herr Friedemann [Электронный ресурс] // Project Gutenberg : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34g48c>

усиление градации негативной направленности у номинативных экспликатов: *Schmerzensteine* → *Todesfurcht*);

– номинативные группы для репрезентации чувственных явлений абстрактного характера: *Harmonie seines Geistes*; *Beängstigung seines Herzens*;

– пропозициональные маркеры настоящего времени (для глаголов) *sich wohl befinden*; *zum Marienkäfer werden möchte*; *die Freiheit ängstigt*; *fühlt sich allein, verlassen von aller Welt*;

– распространённый номинант (минимум одно, а чаще группа определённый) *alle verstohlenen einsamen Stunden*; *ein scharfer, drängender Schmerz*; *das leere und taube Nichts*;

– окказиональные языковые средства, характеризующие индивидуальное ощущение состояния (единоразовые, неповторимые элементы или их комбинации, выраженные субстантивированными частями речи, композитами, метафорическими сравнениями и авторскими неологизмами): *Absterben und Fremdwerden*; *Steppenwölfigkeit*; *das leere und taube Nichts*;

– наречия и причастия с признаком чувственного переживания *müde und abgehetzt*; *gekältet, gehärtet und mit stillem, nachsichtigem Pessimismus*;

– статичные пропозициональные маркеры (*Eine geheime, unbeschreibliche Kraft ...*, *das Bewußtsein, einen Druck auf die Bewegungen des Lebens um mich her durch mein bloßes Vorhandensein auszuüben ...*¹);

– маркеры имплицитной модальности (грамматические, лексические), выражающие уверенность / неуверенность, сомнения, терзания, категоричность, колебания, скрытые или яростные желания (*Konjunktiv I, Konjunktiv II, Konditionalis I*; *allerdings, begreiflicherweise, erstaunlicherweise, freilich, glücklicherweise, gottlob, Gott sei Dank, jedenfalls, unbedingt, wahrhaftig, zwar, zweifellos, zweifelsohne, selbstverständlich, wohlverstanden, wohl, zum Glück, leider,*

schade, zu meinem Bedauern, unglücklicherweise, zum Unglück);

– сложные синтаксические конструкции с высокой информативностью репрезентации переживания и интенсивной плотностью ощущения чувства одиночества (*Und in der Tat, wenn die Welt recht hat, wenn diese Musik in den Cafés, diese Massenvergnügungen, diese amerikanischen, mit so wenigem zufriedenen Menschen recht haben, dann habe ich unrecht, dann bin ich verrückt, dann bin ich wirklich der Steppenwolf, den ich mich oft nannte, das in eine ihm fremde und unverständliche Welt verirrte Tier, das seine Heimat, Luft und Nahrung nicht mehr findet.*²);

– превалирующее или вкрапленное описание автором/рассказчиком эмоционально-психологического состояния субъекта одиночества (*Er lebte still und für sich, ... denn gesellig war dieser Mann nicht, er war in einem hohen, von mir bisher bei niemandem beobachteten Grade ungesellig, er war wirklich, wie er sich zuweilen nannte, ein Steppenwolf, ein fremdes, wildes und auch scheues, sogar sehr scheues Wesen aus einer anderen Welt als der meinigen.*³);

– внутренний монолог / внутренняя речь самого персонажа-одиночки (*Wie sollte ich nicht ein Steppenwolf und ruppiger Eremit sein inmitten einer Welt, von deren Zielen ich keines teile, von deren Freuden keine zu mir spricht!*⁴);

– функционально-смысловые типы речи: повествование от 1-го лица с рассуждениями или несобственно-прямой речью; повествование от третьего лица (*Er lebte sehr still und für sich, ... denn gesellig war dieser Mann nicht, er war in einem hohen, von mir bisher bei niemandem beobachteten Grade ungesellig, er war wirklich, wie er sich zuweilen nannte, ein Steppenwolf, ein fremdes, wildes und auch scheues, sogar sehr scheues Wesen aus einer anderen Welt als der meinigen.*⁵).

¹ Mann Th. Die Buddenbrooks. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1956. S. 409.

² Hesse H. Der Steppenwolf.

³ Hesse H. Der Steppenwolf.

⁴ Hesse H. Der Steppenwolf.

⁵ Hesse H. Der Steppenwolf.

Семантическая плотность манифестации одиночества как специфического состояния души создаётся повествователем (автором; рассказчиком от 1-го или 3-го лица) посредством эмоционально-когнитивной организации текста. Здесь фигурант состояния не номинируется, а организуется и репрезентируется таковым. Здесь участвуют как спектр отрицательных эмоций, так и «позитивное» одиночество (термин А. С. Гагарина [2, с. 33–34]) при осознанном его выборе для уединения с целью самоуглубления как способа постижения некоторых истин, природных или социальных тайн: необходимость к рефлексии жизненных ситуаций; формирование определённой жизненной философии; способность к адекватным социальным отношениям; осознанно выбираемый / навязываемый полюс близости / одиночества; самоприятие; расширение границ «Я»; осозна-

ние необходимости проявлять заботу о другом; реалистичное восприятие своего успеха/неуспеха; способность делать выводы из провалов. Речевые формулы постижения таких истин существенно отличаются от известных и принятых в обществе правил, устоев и конвенций по употреблению языка. Приблизительно это сопоставление представлено в табл. 1.

**Результаты исследования
и перспективы**

При сопоставлении наглядно видим относительное постоянство, логичность, мотивированность и устойчивость конвенциональных лексических сочетаний (в левой колонке табл. 1) по сравнению с расширением структурных комбинаций, содержащих субъективные реакции фигурантов, ощущающих на себе «враждебность» мира. Репрезентативное развёртывание лексического, модального

Таблица 1 / Table 1

**Сопоставление конвенциональных и неконвенциональных речевых формул /
Comparison of conventional and non-conventional speech formulas**

Конвенциональные речевые формулы	Речевые формулы глубоко переживающего человека в дискурсивной интенциональности
Mir passt diese Welt nicht	„Mich plagen keine Skrupel noch Zweifel, Fürchte mich weder vor Hölle noch Teufel.“ ¹
Ich sehe keinen Sinn im Leben	ohne Sinne, keine Aussicht, kein Trost; mein hoffnungsloses, freudeloses Dasein
Ich finde keinen Platz für mich in diesem Leben	sich für nichts achtet; grau und unauffällig umhergeht; man muss gestorben sein; hatte immer den Wunsch zu sterben; wollte und begehrte nichts
Ich habe mein Glück verloren	keine Harmonie seines Geistes; Beängstigung seines Herzens; innerliche Hitze und Heftigkeit; eine peinliche Lage, deren Qual er doppelt und dreifach in seiner Einsamkeit empfindet; die tiefe Sehnsucht nach seinem verlorenen Glück
Das Leben ist so langweilig	der schläfrige Zufriedenheitgott; dies abgetönte, flache, normierte und sterilisierte Leben
Ich kann mein Leben nicht mehr ertragen	Entwachsen, Entwerden, heimlicher Tode, große Qual, kaum mehr erträglicher Druck und Leid, Absterben und Fremdwerden
Ausgestoßene (nach V. Hugo)	Steppenwölfe (nach H. Hesse)

Источник: составлено автором по результатам исследования

¹ Goethe J. W. Faust. Der Tragödie erster und zweiter Teil. Berlin: Verlag „Neues Leben“, 1966. S. 27.

и эмоционального наполнения синтаксических структур свидетельствует об особом речевом поведении субъектов одиночества в структуре дискурсивной интенциональности. Текст, погруженный в ситуацию общения, необходимо и релевантно проявляющую позиции и роли участников, саму ситуацию и личность коммуникантов, предъявляет дискурс особого чувственного состояния и обусловленного этим состоянием речевого поведения персонажа-одиночки.

То есть пространство художественного текста конструируется как коммуникативная ситуация, в которой проговаривается внутренний мир и чувственное состояние действующей фигуры (субъекта одиночества). А. Р. Сколлон делает акцент у фигуры одиночества на нарушении межличностных, интерперсональных и коммуникативных отношений [11]. Проведённое нами исследование фактически формулирует прагмалингвистический аргумент данного мнения: типичная форма коммуникации персонажа-одиночки в художественном произведении – внутренний монолог либо несобственно-прямая речь – свидетельствует о физическом отсутствии визави в коммуникативной ситуации: он может быть не обозначен, обозначен или упомянут, но отсутствует в ситуации общения, что разворачивает «коммуникативную направленность» говорящей фигуры в ситуативную пустоту.

*Mich plagen keine Skrupel noch Zweifel,
Fürchte mich weder vor Hölle noch Teufel.*¹

*Wer sich begreift aus seinem eignen Stamme,
der preßt sich selber zu dem Tropfen Weins
und wirft sich selber in die reinste Flamme.*²

*Der große Tod, den jeder in sich hat, das
ist die Frucht, um die sich alles dreht. / Leben
und Tod: sie sind im Kerne eins.*³

¹ Goethe J. W. Faust. S. 27

² Rilke R. M. Gedichte. Zweisprachige Ausgabe (deutsch/russisch) / herausgegeben von V. Kuprijanov. Moskau: OAO Verlag «Raduga», 2001. S. 248.

³ Rilke R. M.: Gedichte. Zweisprachige Ausgabe (deutsch/russisch) / herausgegeben von V. Kuprijanov. Moskau: OAO Verlag «Raduga», 2001. S. 54.

*Du, Geist der Erde, bist mir näher; Schon
fühl ich meine Kräfte höher, Schon glüh ich
wie von neuem Wein. Ich fühle Mut, mich in
die Welt zu wagen, Der Erde Weh, der Erde
Glück zu tragen, Mit Stürmen mich herum-
zuschlagen Und in des Schiffbruchs Knirschen
nicht zu zagen.*⁴

Нарушение в схеме коммуникации происходит на полюсе образующейся лакуны из-за не присутствующего в моменте коммуникации собеседника. Данное нарушение дискурсивно организовано и оправдано для любой фигуры литературного одиночки, без учёта его интенционального типа. А в терминах максим П. Грайса [3] можем говорить о неконвенциональной коммуникации – нарушении коммуникации в следствии отсутствия принимающего коммуниканта и, соответственно, недостижения коммуникативного эффекта. Не по какой-то максиме в отдельности, а в их прагматическом понимании, когда экспликатура структуры языковых выражений значительно превосходит релевантность ситуации, а имплицатура вытесняет фигуру одиночки за пределы конвенциональной коммуникации и квалифицирует её (коммуникацию) как обречённую на провал.

В заключении следует обозначить перспективу продвижения в исследуемом вопросе. Существовая в парадигме коммуникативной необходимости, персонаж выполняет свою социальную задачу, позиционируя себя, однако, вне мира людей. Иллокутивные характеристики его высказываний качественно не соответствуют признаваемым параметрам. В свете таких несоответствий интересно углубиться в номинативное расхождение культурно реализуемых литературных одиночек в немецкой и русской лингвокультурах, проявленное в оппозиции «одиночка» – «Einzelgänger», и получить прагмалингвистическое описание отличий социального и интенционального одиночек в обеих культурах.

Дата поступления в редакцию 29.12.2022

⁴ Goethe J. W. Faust. S. 31.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Дискурс истории // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с франц. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С. 427–441.
2. Гагарин А. С. Экзистенциалы человеческого бытия – одиночество, смерть, страх: от античности до Нового времени, историко-философский аспект: дисс. ... докт. филос. наук. Екатеринбург, 2002. 355 с.
3. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–238.
4. Журавлева Т. П. Репрезентация состояния одиночества в произведениях немецкоязычных писателей XVIII–XX вв. и формы ее концептуализации: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2017. 30 с.
5. Карасик В. И. Дискурсивная точность: функциональные характеристики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3. Т. 2. С. 61–71. DOI: 10.18384/2310-712x-2022-3-2-61-71.
6. Морозова М. Е. Коммуникативный тип художественного одиночки в немецкой литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 9-2 (51). С. 144–148.
7. Подзолкова Н. В. Концепт «одиночество» в немецкой и русской лингвокультурах: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 223 с.
8. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / под общей ред. П. Серио. М.: Прогресс, 1999. С. 14–53.
9. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. Теория речевых актов / сост. И. М. Кобозева, В. З. Демьянков. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.
10. Harris Z. S. Discourse analysis // Language. 1952. Vol. 28. No. 1. P. 1–30.
11. Scollon R. Interdiscursivity and identity // Critical Discourse Analysis. Critical Concepts in Linguistics. Vol. IV: Current Debates and New Directions / ed. M. Toolan. London, New York: Routledge, 2002. P. 79–94.
12. Searle J. R. Speech Acts: an Essay in the Philosophy of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 212 p.
13. Schweder R. A. Moral Maps, “First World” Conceits, and the New Evangelists // Culture Matters. How Values Shape Human Progress / eds. L. E. Harrison, S. P. Huntington. New York: Basic Books, 2000. P. 158–176.

REFERENCES

1. Bart R. [Discourse of history]. In: Bart R. *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* [Fashion system. Articles on the semiotics of culture]. Moscow, Izdatelstvo im. Sabashnikovykh Publ., 2003, pp. 427–441.
2. Gagarin A. S. *Ekzistentsialy chelovecheskogo bytiya – odinochestvo, smert', strakh: ot antichnosti do Novogo vremeni, istoriko-filosofskiy aspekt: diss. ... dokt. filos. nauk* [Existentials of human existence – loneliness, death, fear: from antiquity to modern times, historical and philosophical aspect: D. thesis in Philosophical sciences]. Yekaterinburg, 2002. 355 p.
3. Grice H. P. [Logic and speech communication]. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 16: Lingvisticheskaya pragmatika* [New in foreign linguistics. Issue. 16: Linguistic pragmatics]. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 217–238.
4. Zhuravleva T. P. *Reprezentatsiya sostoyaniya odinochestva v proizvedeniyakh nemetskoyazychnykh pisateley XVIII–XX vv. i formy yeye kontseptualizatsii: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Representation of the state of loneliness in the works of German-speaking writers of the 18th–20th centuries. and forms of its conceptualization: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Pyatigorsk, 2017. 30 p.
5. Karasik V. I. [Discourse precision: functional characteristics]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2022, no. 3, vol. 2, pp. 61–71. DOI: 10.18384/2310-712x-2022-3-2-61-71.
6. Morozova M. Ye. [Communicative type of an artistic loner in the German literature]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2015, no. 9-2 (51), pp. 144–148.
7. Podzolkova N. V. *Kontsept «odinochestvo» v nemetskoy i russkoy lingvokul'turakh: diss. ... kand. filol. nauk* [The concept of “loneliness” in German and Russian linguistic cultures: PhD thesis in Philological sciences]. Volgograd, 2005. 223 p.

8. Sériot P. [How texts are read in France]. In: Sériot P., ed. *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of meaning: French school of discourse analysis]. Moscow, Progress Publ., 1999, pp. 14–53.
9. Searle J. R. [What is a speech act?]. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vypusk XVII. Teoriya rechevykh aktov* [New in foreign linguistics. Issue XVII. Theory of speech acts]. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 151–169.
10. Harris Z. S. Discourse analysis. In: *Language*, 1952, vol. 28, no. 1, pp. 1–30.
11. Scollon R. Interdiscursivity and identity. In: Toolan M., ed. *Critical Discourse Analysis. Critical Concepts in Linguistics. Vol. IV: Current Debates and New Directions*. London, New York, Routledge, 2002, pp. 79–94.
12. Searle J. R. *Speech Acts: an Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge, Cambridge University Press, 1969. 212 p.
13. Schweder R. A. Moral Maps, “First World” Conceits, and the New Evangelists. In: Harrison L. E., Huntington S. P., eds. *Culture Matters. How Values Shape Human Progress*. New York, Basic Books, 2000, pp. 158–176.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Морозова Маргарита Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры германистики и межкультурной коммуникации Пятигорского государственного университета;
e-mail: mar.mor@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Margarita E. Morozova – Cand. Sci. (Philology), Prof., Department of German Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University;
e-mail: mar.mor@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Морозова М. Е. Специфика дискурса «литературных одиночек» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 121–131.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-121-131

FOR CITATION

Morozova M. E. The specifics of the discourse of “literary loners”. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 3, pp. 121–131.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-121-131

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-132-141

ПОЛИКОДОВЫЕ И ПОЛИМОДАЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ КАК ЛОКУС ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МИГРАЦИИ И МИГРАНТАХ

Опарина Е. О.*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Изучение роли вербальных знаков, функционирующих в поликодовых и полимодальных текстах, в формировании систем коллективных представлений о миграции и мигрантах.

Процедура и методы. Проведено исследование поликодовых и полимодальных текстов тех жанров, в которых комбинируются визуальный и вербальный элементы: карикатура, рекламный видеоролик и художественные фильмы. Анализ проведён на основе понимания культурных концептов как ментальных единиц, выражающихся в языке в словах и устойчивых словосочетаниях и дополняемых знаками, принадлежащими к другим семиотическим системам. Концепты являются элементами культуры, присутствующими в сознании человека.

Результаты. Показано, что культурные концепты являются динамичными феноменами. Языковые единицы как ядерные элементы концептов активно участвуют в их создании и переосмыслении; кроме того, показана роль дискурсов в создании и переосмыслении культурных концептов. Анализ материала доказывает, что способы воздействия культурных концептов на адресатов различаются в зависимости от жанра текста, намерений автора и используемых средств выражения.

Теоретическая значимость статьи заключается в том, что в ней анализируется роль вербальных компонентов в формировании культурно и социально важных концептов «на фоне» поликодового и полимодального характера современной коммуникации. **Практическая значимость** обусловлена возможностью применения методики исследования и выводов в курсах по межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: кинематограф, культурные концепты, метафора, поликодовые и полимодальные тексты, прецедентные тексты, тема миграции

MULTICODAL AND MULTIMODAL TEXTS AS A LOCUS GENERATING CULTURAL CONCEPTS ON MIGRATION AND MIGRANTS

E. Oparina*Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS
Nakhimovsky prospekt 51/21, Moscow 117418, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the verbal signs functioning in multicodal and multimodal texts, as a means constructing collective systems of stereotypes concerning migration and migrants.

Methodology. The current paper studies multicodal and multimodal texts of the genres that combine visual and verbal elements – they are caricatures, promotional videos, and feature films. The analysis

is based on the systematic approach to cultural concepts as mental units that are expressed in languages by words and set word-combinations and are supplemented by the signs belonging to other semiotic systems. These units represent culture in human conscience and psychology.

Results. The research shows that cultural concepts are dynamic phenomena. Verbal units, being their key elements, participate in their generation and transformation, besides, the role of discourse in cultural concept formation is revealed. The analysis proves that the impact of cultural concepts on an addressee varies depending on the text genre, the author's intentions, and the used means of expression.

Research implications. The article analyzes the role of verbal components in the formation of culturally and socially important concepts "against the background" of the multimedial and multimodal nature of modern communication. The conclusions of the research can be applied in research methodology and courses on intercultural communication.

Keywords: feature movies; cultural concepts; metaphors; multimedial and multimodal texts; precedent texts; the theme of migration

Введение

В статье анализируются способы и средства создания систем коллективных представлений (культурных концептов) о миграции и мигрантах в поликодовых и полимодальных текстах с участием визуального и вербального компонентов.

В работах российских исследователей разграничиваются понятия поликодности и полимодальности. В данной статье мы следуем базовому разграничению, предложенному А. Н. Барановым и П. Б. Паршиным: поликодовая коммуникация предполагает использование знаков разнородных семиотических систем; характеристика коммуникации как полимодальной делает акцент на применении разных сенсорных каналов восприятия и обработки информации [1]. Поликодовые и полимодальные тексты являются вариантами смешанных текстов (их также называют комбинированными и «креолизованными»). Поликодовые тексты не обязательно являются полимодальными, так как они могут восприниматься одним сенсорным каналом. Например, карикатуры, соединяющие в себе изображение и вербальную часть, что свидетельствует об их поликодности, воспринимаются зрительным каналом. Однако часто свойства поликодности и полимодальности совмещаются (как в большинстве художественных фильмов), и в целом рассматриваемые понятия близки друг к другу.

В зарубежных исследованиях по теме используется термин "multimedial" – «мультимодальный» [3].

В данной статье исследуются поликодовые и полимодальные тексты разных жанров, а именно карикатура в СМИ, рекламный видеоролик политической партии и художественные фильмы, принадлежащие к двум направлениям итальянского кинематографа – к неореализму и современному кино на тему миграции. Значительное внимание сосредоточено на кинофильмах, так как в двух упомянутых направлениях итальянского кинематографа многогранно проявилась тема миграции в её взаимосвязях со многими социальными и культурными представлениями и стереотипами.

Вопросы, рассматриваемые в статье, важны для лингвокультурологического направления в языкознании. Это: способы создания и динамики концептов; поликодность культурных концептов и роль вербальных компонентов в их формировании; элементы культуры как инструмент воздействия на адресата; тема миграции в современном обществе и её важность для лингвистики и других гуманитарных исследований. Выявляются метафоры и прецедентные тексты, участвующие в формировании культурных концептов в полимодальных текстах; прослеживаются социальные контексты развития культурных концептов, связанных с миграцией.

Методика анализа материала основывается на работах современных российских лингвистов [4–7], посвящённых изучению культурных концептов и дискурсов, включая исследования в области миграционной лингвистики. Мы также используем материал ряда киноведческих работ [8; 10].

Культурные концепты как поликодовые и полимодальные динамичные феномены

Карикатуру из французского СМИ мы рассматриваем, опираясь на исследование, представленное в монографии «Новое в миграционной лингвистике» [4]. В поликодовом тексте карикатуры на тему миграции и мигрантов используется сложная по содержанию и форме метафора. Семантика метафоры возникает на основе интеграции визуальных и вербальных компонентов, при этом метафора опирается на существующие в культуре базовые образы. Например, на анализируемой карикатуре актуализирована визуальная метафора, интегрирующая онтологические и ориентационные компоненты: изображена лодка, переполненная людьми и низко опустившаяся по уровню воды. Лодка рассматривается в когнитивной лингвистике как элемент метафорической модели 'контейнер', которая относится к группе онтологических метафор. Лодка переполнена мигрантами. Переполненность судна людьми создаёт впечатление того, что оно пойдёт ко дну: следовательно, вводится ориентационная метафора 'верх' vs. 'низ'. Однако образы воды и лодки несут в себе не только «гештальтные», но также культурные смыслы и могут интерпретироваться в терминах символики, восходящей к архаическим мифам. Вода «в мифологии – одна из фундаментальных стихий мироздания, первоначало, исходное состояние всего сущего, эквивалент первобытного хаоса»¹. Водная бездна,

вместе с тем, является и символом смертельной опасности: в эсхатологических мифах гибель мира наступает от потопа². При таком подходе лодка воспринимается как средство возможного спасения в условиях катастрофы (миф о Ноевом ковчеге). Картинка на карикатуре сопровождается вербальным компонентом, а именно надписью: *Pas plus que nous! Migrants: l'Europe débordée* – «Никого кроме нас! Мигранты: перегруженная Европа»³. Таким образом, представленная в СМИ поликодовая метафора выражает определённую точку зрения на важную для дискурса о мигрантах тему: «миграция стала чрезмерной, и это опасно для Европы»; в метафорических терминах – «европейская лодка» перегружена и может затонуть».

Эффективность данной метафоры, как нам представляется, определяется рядом обстоятельств. Во-первых, она основывается на базовых метафорах, укоренённых в языке: 'судно – контейнер', 'верх – хорошо', 'низ – плохо' (данная метафора, к тому же, оценочная). Во-вторых, эти метафоры имеют глубокие корни в культуре, поэтому вербальные метафоры, их выражающие, несут в себе культурные коннотации. Образы, наполненные культурными коннотациями, возможно неосознанно для адресатов, оказывают дополнительное воздействие на их чувства. Кроме того, воздействие усиливается поликодовым характером информации – комбинацией визуальных и вербальных знаков. Наконец, необходимо учитывать знание, которое является пресуппозицией для восприятия изображения: в коллективном сознании существует стереотипное представление о миграции, особенно об избыточной миграции, как об опасном явлении. Данное изображение можно рассматривать

гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 2008. С. 198.

² Там же. С. 199.

³ Пример заимствован из монографии «Новое в миграционной лингвистике» [4, с. 69].

¹ См.: Вода // Мифы народов мира: энциклопедия /

как инструмент управления сознанием адресата. Однако необходимо также принимать во внимание, что карикатура функционирует в юмористическом жанре, и это, вероятно, предполагает иронический подход авторов, смягчающий воздействие.

В поликодовых и полимодальных текстах активно используются прецедентные феномены. Прецедентные имена, выражения, тексты, аллюзии на прецедентные ситуации являются языковым пластом, который эффективно воздействует на сознание и эмоции адресатов сообщения. При этом они являются также пластом культуры носителей языка. В разных дефинициях прецедентных феноменов выделяются три основные характеристики: 1) их известность всем носителям языка или какой-либо социальной группе (общественной, этнической, возрастной, гендерной), это качество обеспечивает узнаваемость прецедентного феномена при его употреблении в коммуникации; 2) частая воспроизводимость в коммуникации носителями языка или какой-либо социальной группой; 3) связь прецедентного феномена с ценностями и символами культуры. Это качество придаёт прецедентным феноменам как знакам языка и культуры особую познавательную и эмоциональную значимость¹.

Будучи частью накопленного культурой фонда знаний, прецедентные явления в то же время способны участвовать в создании новых систем представлений. Это происходит также и в комбинированных текстах. Например, в предвыборном видеоролике финской политической партии националистического направления – Партии финнов (Finns Party) с опорой на архаический миф происходит формирование современного политического мифа, касающегося миграции и мигрантов. Дж. Мартикайнен и И. Сакки [9]

прослеживают, как на основе архаичных мифов конструируется идеологически маркированный нарратив о Партии финнов и её руководителе как о спасителях страны от злонамеренных иммигрантов. В роли прецедентных феноменов для создания нового политического мифа применяются знаки, являющиеся универсальными или базовыми для культуры. В видеоряде ролика и в сопровождающем его тексте рассказана история небольшой страны, жители которой в прежние времена жили спокойно и счастливо, придерживаясь своих старинных традиций. Затем «предатели» – эта роль отдана коррумпированным властям – пустили в страну «врагов». Национальность врагов не называется, но одежда выдаёт в них выходцев с Востока. Пришельцы грабят, творят бесчинства. Однако из глубин земли появляется мифическое существо, которое мстит предателям и помогает «героям» – Партии финнов и её лидеру – изгнать врагов и восстановить порядок.

Можно констатировать, что в сюжете видеоролика воспроизводятся следующие элементы архаической мифологии, которые, в силу их распространённости и общеизвестности, можно отнести к прецедентным феноменам: эсхатологический миф (точнее – его палингенетический вариант, в котором не только присутствует идея конца света, но и предполагается возрождение мира как результат очищения после катастрофы); миф о «прекрасном прошлом» – Золотом веке; архетипы «врагов», «предателей» и «спасителя» – хтонического существа, связанного с землёй; образы «героев». В ролике присутствуют также библейские мотивы – мотивы возмездия и раскаяния, предшествующих восстановлению порядка, и мотив помощи мистических сил. Эффект архаических образов усиливается интегрированием знаков разных кодов: видеорядом, вербальным текстом, аудио-знаками – тревожной или спокойной, в зависимости от изображаемой ситуации, музыкой, звуками взрывов.

¹ См.: Ковшова М. Л., Гудков Д. Б. Прецедентный феномен // Словарь лингвокультурологических терминов / авт.-сост. Ковшова М. Л., Гудков Д. Б. М.: Гнозис, 2018. С. 116–119.

Таким образом, в поликодовом и полимодальном видеоролике конструируется новый политический миф – идеологический по содержанию и направленности нарратив, который должен восприниматься как достоверный определённой национальной или социальной группой [9]. В данном случае миф интерпретирует миграционную тему и имеет явную антимигрантскую направленность: он нацелен на то, чтобы определять отношение соотечественников к миграции, базирясь на мотивах прецедентных текстов.

Кинематограф по своей природе является поликодовым и полимодальным явлением: комбинирование визуальных, аудио- и вербальных семиотических знаков даёт кинематографу, и художественному, и документальному, значительную силу воздействия. Все семиотические знаки участвуют в формировании особого языка кино. Визуальные знаки включают такие приёмы, как показ объекта в разных ракурсах, крупным или дальним планом, последовательность кадров, ритм их смены. Аудиознаки, включающие музыку и другие звуки, определённым образом сочетающиеся с видеорядом, участвуют в создании маркированности кадров и фрагментов кинотекста. Вербальный код эксплицитно или имплицитно выражает авторскую интерпретацию изображаемого [2].

Вербальная система знаков, будучи основным средством коммуникации в человеческом обществе, не только хранит информацию и осуществляет её обмен, но также формирует новые смыслы. В кинематографе как поликодовом тексте данный процесс происходит в интеграции с другими семиотическими знаками, но вербальный компонент часто способен наиболее полно выразить формируемый смысл.

В определённых исторических и культурных условиях кинематограф может стать ведущим средством формирования и переосмысления важных для социума коллективных представлений, в том

числе тех, которые связаны с миграцией и мигрантами. В этом плане значителен пример неореалистического направления итальянского кинематографа, развивавшегося в первые десятилетия после Второй мировой войны (1945 – середина 1960-х). В фильмах неореалистического направления тема миграции связана прежде всего с проблемой бедняков с итальянского Юга, с их переселением в регионы более благополучного и развитого Севера страны. В роли мигрантов, воспринимаемых как «чужие», в данной ситуации оказываются «свои» – итальянцы из другого региона. Поэтому тема миграции приобрела в кинематографе неореализма тесную связь с проблемой национальной идентичности. Одновременно она выявляет ряд других тем, важных для итальянского (хотя не только итальянского) общества, таких как гендер и гендерные стереотипы, социальные контрасты, урбанизм. М. Чаритониду [8] рассматривает эти взаимосвязи на примере фильмов знаменитых итальянских кинорежиссёров: «Крыша» В. де Сика (Il tetto, 1956); «Мама Рома» П. П. Пазолини (Mamma Roma, 1962); «Самая красивая» Л. Висконти (Bellissima, 1951); «Рим – открытый город» Р. Росселлини (Roma città aperta, 1945). В фильмах неореалистического направления и в дискурсах, с ними связанных, сформировались вербальные концепты, которые стали основой для переосмысления стереотипных представлений о миграции и мигрантах [8]. Однако сами культурные концепты, то есть системы представлений об определённых явлениях, – понятие более широкое и несводимое к вербальным единицам, выражающим их суть. Важно также подчеркнуть, что исследуемые в статье системы представлений формировались не одним кинематографом: они сложились в ходе коммуникации «вокруг» кино. Это киноведческий и социальный дискурсы, жанры интервью и дискуссий.

К таким вербальным единицам относятся лексемы *borgate*, *borgatari* и *poro-*

*lana*¹. Первое из перечисленных наименований обозначает поселения, возникшие после Второй мировой войны на окраинах Рима. Новостройки на этих территориях по замыслу администрации города отводились для римлян, которые не имели хорошего жилья или не могли жить в столице по экономическим причинам. Однако рядом в тех же местах возникли трущобные поселения, построенные многочисленными переселенцами с сельского Юга страны. Такие хижины строились самочинно, и *borgate* были полулегальными. При этом действовало правило: постройку не сносили, если она имела крышу. Отсюда название и сюжет фильма В. де Сика «Крыша», герои которого должны построить крышу над своим маленьким домом в течение нескольких часов. *Borgate* стали символом социальной катастрофы в стране с богатым историческим прошлым и культурой, в стране, которая к тому же ещё недавно считала себя империей. Обитатели таких поселений, получившие название *borgatari*, чувствовали себя чужими в своей стране и так же воспринимались жителями Рима. Поэтому *borgatari* – внутренние мигранты (в значении «внутри страны»), что ставило вопрос об их идентичности и об общей национальной идентичности итальянцев, о противоречиях между Севером и Югом Италии.

Таким образом, фильмы неореалистического направления способствовали переосмыслению стереотипа национальной идентичности итальянцев, которая имеет своё вербальное обозначение – *italianità*. Они показывали, что итальянцы по своему социальному статусу, по региональным особенностям и по культурным традициям разные. Характерно, что при обсуждении темы *borgate* и *borgatari*, в том числе в текстах самих кинорежиссё-

ров, использовались тропы агональной и военной сферы, актуализирующие тему вражды: *cultural genocide* – «культурный геноцид»; *Population was culturally destroyed* – «Население было уничтожено в культурном смысле». Это высказывания П. П. Пазолини², которые приводятся в переводе на английский язык по работе М. Чаритониду [8]. Социологи, со своей стороны, характеризовали ситуацию, отображённую в фильмах неореализма, через понятия «чужих», «низших», «изгоев»: *a colony* – «колония»; *where down-and-outs live* – «там, где живут те, кто оказался внизу и вне»; *the 3rd world at home* – «третий мир дома»³.

Слово *popolana* переводится на русский язык как «простолюдинка», «женщина из народа». Эта лексема стала вербальным ядром культурного и социального концепта, который не совпадает со стереотипными ролями, предписанными женщине в итальянской культурной традиции. Наряду с образом женщины как объекта сексуального желания или поклонения (через ассоциацию с Богородицей), типичными и воспроизводимыми были также образы матери и жертвы. М. Чаритониду отмечено также, что в 10% итальянских фильмов 1945–1965 гг. присутствует персонаж «проститутка» [8]. *Popolana* не вмещалась в имевшиеся стереотипы. Прежние роли могут быть при ней: она, как правило, мать, она может быть и проституткой. Однако одновременно в кинематографе неореализма возник образ простой женщины, которую жизнь заставляет бороться с несправедливостью за собственное достоинство, за будущее ребёнка. Яркие примеры – главные женские персонажи в фильмах «Мама Рома» П. П. Пазолини и «Самая краси-

¹ Анализируемые лексические единицы упоминаются в работе: Charitonidou M. Italian neorealist and New Migrant Films as *dispositifs* of alterity: how *borgatari* and *popolane* challenge the stereotypes of nationhood and womanhood? [8].

² См.: Pazzolini P. P. Lettere luterane. Turin: Einaudi, 1976. 210 p.

³ Анализируемый иллюстративный материал заимствован из работы: Charitonidou M. Italian neorealist and New Migrant Films as *dispositifs* of alterity: how *borgatari* and *popolane* challenge the stereotypes of nationhood and womanhood? [8].

вая» Л. Висконти. На первом плане здесь образ *popolana* и гендерная тема, однако она оказывается связанной с мигрантской темой. Персонажи этих фильмов находятся в положении «низших», презираемых и выкинутых из общества (*down-and-outs*). Например, героиня фильма «Мама Рома», роль которой исполняет Анна Маньяни, – мать сына-подростка и бывшая проститутка, которая бросила это занятие и пытается начать новую жизнь. Она сумела накопить достаточно денег для покупки скромной квартиры на окраине Рима, где поселилась с сыном. Героиня борется с ситуацией, однако ей не удаётся хоть как-то подняться по социальной лестнице. Окраина города, на которой они поселились и где разворачивается действие, производит на зрителя впечатление необжитого пространства, в котором отсутствуют приметы культуры и цивилизации. История заканчивается трагически: сын-подросток связывается с местной дурной компанией, участвует в попытке преступления и погибает в полицейском участке от насилия полиции.

В современном итальянском кинематографе, в направлении, называемом «новое мигрантское кино» (New Migrant Films), происходит осмысление внешней миграции, характерной для сегодняшней Италии. Фильмы, принадлежащие к этому направлению, создаются как режиссёрами-итальянцами, так и иммигрантами. В этом направлении в центре внимания остаются вопросы идентичности (групповой и личной), «своих» и «чужих», гендерная тема, тема современного города. Однако вопросы, связанные с идентичностью, осмысляются совершенно иначе: эта идентичность, в том числе в отношении современного итальянца, представлена как принципиально нестабильная, негомогенная и находящаяся в постоянном изменении. Традиционно принятые бинарные противопоставления «я» – «другой» и «свой» – «чужой» оказываются недостаточными.

Идеи нового мигрантского кино представлены в фильмах: «Ламерика» Дж. Амелио (Lamerica, 1994); «Несведущие феи» Ф. Озпетека (Le fate ignoranti, 2001); «Картонная деревня» Э. Ольми (Il Villaggio di cartone, 2011). Например, в фильме Э. Ольми «Картонная деревня» в ситуации отверженных, людей с проблемой самоидентификации, оказываются не только иммигранты из Африки, но и итальянец с типичной для страны социальной ролью католического священника. Церковь, в которой он годами служил, перестаёт функционировать, и священник чувствует себя потерянным. Он вновь обретает смысл жизни, когда к нему в опустевший храм приходит группа нелегальных иммигрантов, которые просят о помощи.

Новые кинематографические темы, как это было в направлении неореализма, актуализируются в словах и словосочетаниях. Эти единицы становятся вербальной частью культурных концептов, например: *extracomunitario* обозначает человека, который ощущает себя вне какой-либо общественной группы; *comunità in arrive* – буквально означает «приходящее (наступающее) общество»¹.

Характерно развитие семантики слова *terrone*, которое отошло от первоначального лексического значения и, включившись в мигрантский дискурс, обрело новый социальный и культурный смысл. До 1950-х годов оно сохраняло в качестве основного значение «крестьянин», «человек, работающий на земле». Однако после того как жители сельскохозяйственного Юга стали массово мигрировать в северные области страны, эта языковая единица, происходящая от итал. *terra* – «земля», стала употребляться в северных и центральных диалектах Италии для обозначения южан. При этом слово обрело негативный оценочный смысл: оно стало выражать пренебрежительное отношение к переселенцам. В более позднее вре-

¹ Лексические единицы заимствованы из работы [8].

мя при интенсивной внешней миграции в Италию лексема *terrone* стала употребляться по отношению к иммигрантам из стран Африки. Такое развитие – показатель различий между языковым лексическим значением и смыслом культурного концепта. Концепт – ментальная единица, которая по своему содержанию выходит за рамки языковой единицы. Приведённые примеры также показывают, что культурные концепты не являются статичными, но формируются в динамике, включая в себя пласты экстралингвистической информации – культурной, языковой и социальной [6; 7].

Следует отметить, что тема миграции занимает важное место в кинематографе не только Италии, но и в современном кино других европейских стран. Г. Рингз, исследуя эту тему, отмечает, что кинематограф ищет подходы и точки зрения, альтернативные по отношению к предлагаемым правительствами [10].

Заключение

Цель нашей работы мы сформулировали как исследование роли вербальных знаков, присутствующих в поликодовых и полимодальных текстах, в формировании культурных концептов. Мы основывались на подходе к культурным концептам, изложенном в работах Ю. С. Степанова и В. Н. Телия, как к ментальным единицам, которые включают в свой состав рациональные, эмоциональные, культурно обусловленные компоненты и эмотивные компоненты и часто состоят из знаков разных семитических систем. Концепты – системы представлений, существующих в культурно-языковом социуме [5; 7]. При этом концепты, значимые для лингвокультурного сообщества, как правило, имеют вербальное выражение [Там же].

Исследование было ограничено жанрами, в которых сочетаются визуальный и вербальный компоненты. Один из жанров – статичный (карикатуры), два других представляют изображаемое в динамике

(видеоролик и художественные фильмы). В плане тематики объектом анализа были стереотипные представления о миграции и мигрантах и их переосмысление. Изучение ряда образцов этих жанров показало, что культурные концепты формируются в интеграции вербальных знаков с визуальными. В данных случаях – в соединении языковых единиц и изображения на карикатуре и во взаимодействии вербального нарратива и динамичного изображения в видеоролике. Показана роль культурных пластов в формировании и переосмыслении систем представлений. Такими пластами оказываются метафорические модели и их символика, архетипы, мифологемы, прецедентные явления, стереотипы.

В сложном тексте художественного кино, как показывает пример итальянского кинематографа, вербальные единицы, с опорой на видеоряд и другие знаки, могут служить основой для переосмысления социально и культурно значимых систем представлений. При этом сами вербальные единицы впитывают в себя важные для социума смыслы, не сводимые к лексическим значениям, и в результате обретают статус языковых концептов.

Динамика смыслов языковых единиц показана на примере итальянских лексем: *popolana*, *borgatari*, *terrone*, *extracomunitario*, которые в XX–XXI вв. в контексте кинематографических направлений неореализма и нового мигрантского кино играли и играют большую роль в процессах формирования и переосмысления значимых для итальянского социума систем представлений. В нашей работе были рассмотрены изменения традиционных представлений о национальной идентичности, о формирующейся «новой» идентичности, изменчивой и трудноопределимой; о жителях Юга Италии, а также вопрос о «своих» и «чужих» в стране; об изменении гендерных ролей. В свою очередь, отмечено, что концепты, возникшие в направлениях неореализма

и нового мигрантского кино, формировались не только в фильмах, но также в связанных с ним дискурсах – в первую очередь это кинокритика и социологические работы.

В целом исследованный материал свидетельствует о том, что формирование

сложных и важных для общества культурных концептов происходит более чем в одном дискурсе. Смешанные поликодовые и полимодальные дискурсы играют в данном процессе значительную роль.

Дата поступления в редакцию 19.01.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Паршин П. Б. О метаязыке описания визуализации текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17. № 3. С. 6–15. DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.3.1.
2. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллинн: Ээсти Раамат, 1973. 92 с.
3. Некрасова Е. Д. К вопросу о восприятии полимодальных текстов // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 45–48.
4. Новое в миграционной лингвистике: монография / Бисерова Н. В., Антинескул О. Л., Лапина Л. Г., Мильц Е. В., Мишланова С. Л., Пермякова Т. М. Пермь: Изд-во Пермского государственного национального исследовательского университета, 2019. 158 с.
5. Степанов Ю. С. Концепты: Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.
6. Телия В. Н. Коммуникативная функция языка и проблема культурно-языковой компетенции (к постановке проблемы) // Когнитивные исследования языка. 2021. № 2 (45): Знаки языка и смыслы культуры. С. 19–33.
7. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
8. Charitonidou M. Italian neorealist and new migrant films as *dispositifs* of alterity: how *borgatari* and *popolane* challenge the stereotypes of nationhood and womanhood? // Studies in European cinema. 2023. Vol. 20. Iss. 1. P. 58–81. DOI: 10.1080/17411548.2021.1968165.
9. Martikeinen J., Sakki I. Myths, the Bible, and Romanticism as ingredients of political narratives in the Finns party election video // Discourse, content & media. 2021. Vol. 39. Article no. 10466. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2021.100466> (дата обращения: 18.12.2022).
10. Rings G. The other in contemporary migrant cinema: imagining a new Europe? New York; London: Routledge, 2016. 188 p.

REFERENCES

1. Baranov A. N., Parshin P. B. [Towards the metalanguage for describing text visualizations]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznaniye* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 6–15. DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.3.1.
2. Lotman Yu. M. *Semiotika kino i problemy kinoestetiki* [Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics]. Tallinn, Eesti Raamat Publ., 1973. 92 p.
3. Nekrasova Ye. D. [On multimodal perception of the text (a psycholinguistic experiment)]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2014, no. 378, pp. 45–48.
4. Biserova N. V., Antineskul O. L., Lapina L. G., Mil'ts Ye. V., Mishlanova S. L., Permyakova T. M. *Novoye v migratsionnoy lingvistike* [New in migration linguistics]. Perm, Perm State National Research University Publ., 2019. 158 p.
5. Stepanov Yu. S. *Kontsepty: Tonkaya plenka tsivilizatsii* [Concepts: A thin film of civilization]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2007. 248 p.
6. Teliya V. N. [Communicative function of language and the problem of cultural-linguistic competence: setting the target]. In: *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2021, no. 2 (45): Signs of language and senses of culture, pp. 19–33.
7. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya: semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty* [Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. 288 p.

8. Charitonidou M. Italian neorealist and new migrant films as *dispositifs* of alterity: how *borgatari* and *popolane* challenge the stereotypes of nationhood and womanhood? In: *Studies in European cinema*, 2023, vol. 20, iss. 1, pp. 58–81. DOI: 10.1080/17411548.2021.1968165.
9. Martikeinen J., Sakki I. Myths, the Bible, and Romanticism as ingredients of political narratives in the Finns party election video. In: *Discourse, content & media*, 2021, vol. 39, article no. 10466. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2021.100466> (accessed: 18.12.2022).
10. Rings G. The other in contemporary migrant cinema: imagining a new Europe? New York, London, Routledge, 2016. 188 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Опарина Елена Олеговна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук;
e-mail: ellenoparina@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena O. Oparina – Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, Department of Linguistics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences;
e-mail: ellenoparina@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Опарина Е. О. Поликодовые и полимодальные тексты как локус формирования систем представлений о миграции и мигрантах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 132–141.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-132-141

FOR CITATION

Oparina E. O. Multicodal and multimodal texts as a locus generating cultural concepts on migration and migrants. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 3, pp. 132–141.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-132-141

УДК 811.11-112

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-142-152

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ ПОБУДИТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ, В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: ОБЩИЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

Сереброва О. Ф.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация**Российский университет дружбы народов**117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация*

Аннотация

Цель: описать общие и отличительные функции дискурсивных маркеров – производных от императивных конструкций *komm, guck mal, weißt du, warte* и *sag mal*.

Процедура и методы. При помощи метода контекстуального анализа, описательного и сопоставительного методов из корпуса разговорной речи (Datenbank für gesprochenes Deutsch) были отобраны и проанализированы 100 примеров.

Результаты. В ходе исследования были выявлены общие и специфические свойства анализируемых дискурсивных маркеров. Общей для них является структурирующая функция. К частным свойствам были отнесены: смена темы разговора, сигнал собеседнику о важности сделать пояснение, указание на целесообразность продолжения темы, сигнал о значимости последующей информации. Дискурсивные маркеры были представлены как прагматизированные элементы.

Теоретическая значимость заключается в раскрытии функций дискурсивных маркеров, образованных от императивных конструкций.

Ключевые слова: дискурсивный маркер, императивная конструкция, побуждение, прагматизация, структурирующая роль

IMPERATIVE PHRASES AS DISCOURSE MARKERS IN MODERN GERMAN: GENERAL AND SPECIFIC FUNCTIONS

O. Serebrova*State University of Education**ulitsa Verry Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation**People's Friendship University of Russia (RUDN University)**ulitsa Miklukho-Maklay 6, Moscow 117898, Russian Federation*

Abstract

Aim. To describe the general and distinctive functions of discourse markers derived from imperative constructions *komm, guck mal, weißt du, warte* and *sag mal*.

Methodology. 100 examples from the corpus of colloquial speech (Datenbank für gesprochenes Deutsch) were selected and analyzed using the method of contextual analysis as well as descriptive and comparative methods.

Results. The study revealed general and specific properties of the analyzed discourse markers. A common feature for them is their structuring role. The following was attributed to the private properties: the need to change the conversation topic, a signal to the interlocutor about the importance of making an explanation, an indication of the expediency of continuing the topic, a signal about the significance of subsequent information. The discourse markers were presented as pragmaticized elements.

Research implications. The theoretical significance lies in the disclosure of the functions of discourse markers formed from imperative constructions.

Keywords: discourse marker, imperative construction, motivation, pragmaticalization, structuring role

Введение

В настоящей публикации рассматриваются диалогические единства, содержащие дискурсивные маркеры *komm*, *guck mal*, *weißt du*, *warte* и *sag mal*. Речь пойдёт не о побудительных конструкциях, содержащих глагол в повелительном наклонении и служащих для того, чтобы предложить собеседнику что-либо сделать. В нашем случае будут рассмотрены именно дискурсивные маркеры, общее функциональное назначение которых сводится к структурированию дискурса. Как известно, структуры *guck mal*, *sag mal* и т. д. маркируют побуждение к действию, как это можно проследить на следующем примере из корпуса разговорной речи Datenbank für gesprochenes Deutsch¹:

- (1) 0280 CJ und schläft mit dem huhn h°
 0281 TJ °hhh hhh° °hh hh°
 0282 CJ da ist auch der mond (.) **guck mal**
 0283 TJ °hhh h°
 0284 (0.71)
 0285 CJ hm
 0286 (0.31)
 0287 CJ und der ha[se]

В приведённом отрывке говорящий (врач), используя императивную конструкцию *guck mal*, пытается обратить внимание ребёнка во время осмотра. В этом случае *guck mal* выступает в роли побуждения. В данной статье будут рассмотрены иные функции конструкций *guck mal*, *sag mal* и т. д.

Дискурсивные маркеры были предметом исследования во многих работах: в отечественной лингвистике можно назвать исследования И. А. Ткач [9], Э. В. Хилхановой и Д. Л. Хилханова [11], М. Н. Красиной [6], О. Н. Путиной [8], Н. А. Голубевой [4], Е. М. Мурашковой [7], Е. М. Фильчаковой [10] и др., в зарубежной лингвистике этот аспект получил подробное освещение в трудах В. Имо [14], С. Гюнтнер [13], Х. Блюдорна [12] и др. Анализ работ по данной проблематике позволил увидеть, что дискурсивные маркеры неоднородны и, несмотря на общее функциональное назначение, обладают и своими специфическими свойствами. В нашей публикации будут рассмотрены частные свойства одной из групп дискурсивных маркеров. В свою очередь, это позволит описать виды контекстов, в которых выступают те или иные виды дискурсивных маркеров. Нуждается в освещении вопрос о том, являются ли дискурсивные маркеры грамматикализованными или прагматикализованными феноменами. Это и определяет актуальность настоящего исследования.

Цель публикации – описание общих и отличительных функций дискурсивных маркеров – производных от императивных конструкций *komm*, *guck mal*, *weißt du*, *warte* и *sag mal*. Задачи исследования состоят в следующем: 1) сделать обзор теоретических работ, в которых рассматриваются свойства дискурсивных маркеров; 2) проанализировать общие функции дискурсивных маркеров – производных от императивных конструкций

¹ См.: Datenbank für gesprochenes Deutsch (DGD) [Электронный ресурс]. URL: https://dgd.ids-manheim.de/dgd/pragdb.dgd_extern.welcome (дата обращения: 12.10.2022).

komm, guck mal, weißt du, warte и *sag mal*;
3) объяснить различия в функциональном назначении дискурсивных маркеров.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что в нём предложено объяснение различным функциям дискурсивных маркеров, образованных от императивных конструкций. Полученные результаты вносят определённый вклад в теорию грамматикализации и прагматикализации. В практическом отношении полученные результаты могут быть полезны в курсе практического немецкого языка и грамматики.

В качестве материалов исследования послужили примеры, отобранные из корпуса разговорной речи (*Datenbank für gesprochenes Deutsch*). Всего было отобрано и проанализировано свыше 100 примеров. При проведении анализа были использованы следующие методы: метод контекстуального анализа, описательный и сопоставительный методы. В качестве теоретической базы послужили исследования В. Имо [14], С. Гюнтнер [13], Х. Блюдорна [12].

1. Общие и специфические функции дискурсивных маркеров, образованных от побудительных высказываний

1.1. Свойства дискурсивных маркеров, описываемые в лингвистических исследованиях

Большой вклад в развитие концепции о свойствах дискурсивных маркеров в немецком языке внёс В. Имо [14]. В частности, в одной из его работ представлена следующая характеристика дискурсивных маркеров:

1) эти слова размещены, чаще всего, в позиции перед высказыванием, зачастую находятся вне синтаксической структуры предложения или же просто слабо с ней связаны;

2) они являются грамматически и синтаксически необязательными элементами;

3) характеризуются расширением скопуса, поскольку функция относится к единице большей, чем предложение;

4) вместе с изменением функции дискурсивного маркера происходит сокращение его семантического значения;

5) это короткие, в основном односложные единицы, встречающиеся преимущественно в устной, а не в письменной речи [14].

В своей работе В. Имо выделяет три основные группы дискурсивных маркеров:

1 – сочинительные и подчинительные союзы – самая большая (*weil, wobei, obwohl, aber, und und sogar dass, während* и *wogegen*);

2 – бывшие наречия или частицы: *deswegen, bloß, also, nur, ja, jedenfalls* oder *allerdings*;

3 – устойчивые выражения: *ich sag mal so, weiß ich nicht, ich mein, ich glaub, (ach) komm, guck mal* oder *uallah / ich schwör*. [14].

В. Имо обращает внимание на то, что необходимо разделять монологическую разговорную речь и речь, предполагающую наличие нескольких собеседников. Дискурсивные маркеры могут проявляться и в письменной речи, например, при общении в мессенджерах или соцсетях, поскольку этот формат предполагает неформальное значение, обладающее признаками устной речи: спонтанность, аграмматичность, нестройность синтаксических структур и пр. Кроме того, использование дискурсивных маркеров позволяет придать тексту стиливые эффекты неформальной устной речи.

На различия между дискурсивными маркерами и модальными частицами обращает внимание в своих исследованиях А. В. Аверина [1–3]. В её работах показано, что модальные частицы, в отличие от дискурсивных, всегда занимают позицию в среднем поле предложения, модифицируя иллокутивный тип высказывания, и участвуют в создании логических отношений между предложениями на уровне микротемы. В статье В. Д. Иванова [5] термин «дискурсивный маркер» получа-

ет интерпретацию как более общий по отношению к более частным, например, дискурсивным частицам. На текстообразующий потенциал дискурсивных маркеров обращает внимание Н. Проске:

“Diskursmarker stellen eine Verknüpfung oder Strukturierung auf Sequenzebene her und haben daher potenziell Skopus über mehr als einen Satz. Sie dienen der metapragmatischen Rahmung von Folgeäußerungen” [16, S. 130].

Н. Проске выявляет общие и отличительные свойства междометий и дискурсивных маркеров. Общность проявляется в следующем: как междометия, так и дискурсивные маркеры не интегрированы в предложение; они могут занимать место либо в начале, либо в конце высказывания; и междометия, и дискурсивные маркеры маркируют самостоятельное действие, привлекая внимание собеседника, выражая установку говорящего или участвуя в обмене мнениями. Отличия в том, что дискурсивные маркеры способствуют созданию «поворотных моментов» (*“turneröffnend”*) и служат средством соединения различных текстовых фрагментов в единое целое, своеобразным «мостиком» между микротемами в рамках целостного текста [16, S. 131].

В данном исследовании под дискурсивными маркерами понимается группа слов, не ограниченная словами какой-либо части речи, общее функциональное назначение которой заключается в структурировании текста. Группа дискурсивных маркеров неоднородна – остановимся подробнее на частных свойствах этих слов.

1.2. Свойства дискурсивных маркеров *komm*, *guck mal*, *weißt du*, *warte* и *sag mal*

Дискурсивный маркер *komm*

Н. Проске [16] называет показатель *komm* частицей – по её наблюдениям, существует класс частиц, образованных от императива типа *komm* [16, S. 122]. Дей-

ствительно, если сопоставить высказывания, приведённые в работе Вариг-Бурфайнд (цит. по: [16, S. 123]):

(2) *Komm, werde nicht frech! u*

(3) *Komm, wir gehen!*

то можно увидеть разницу между функциями *komm*: в первом случае это дискурсивный маркер, функция которого заключается в апелляции к собеседнику с целью повлиять на его поведение, во втором случае речь идёт о побудительной конструкции. Таким образом, *komm* как дискурсивный показатель теряет функцию побуждения собеседника к изменению своего положения (*“Dass in dem Beispiel kein Imperativ des Verbs kommen vorliegt, ergibt sich zunächst daraus, dass keine Bewegungssemantik vorliegt”*) [16, S. 124].

Заслуживают внимания примеры, которые приводит М. Райсигл [17, S. 223] при анализе функций дискурсивного маркера *komm*:

(4) *Komm, geh doch!* – усиление иллокутивного эффекта;

(5) *Komm, geht jetzt nach Hause!* – усиление иллокутивного эффекта;

(6) *Komm, das ist doch kein Grund zur Aufregung.* – попытка успокоить собеседника;

(7) *(Ah) komm, so ein Blödsinn!* – попытка остановить собеседника;

(8) *Komm, stimmt das wirklich?* – сомнение.

В (4) и (5) речь идёт об усилительной функции маркера *komm*, в (6) *komm* выступает для выражения успокоения, в (7) – для того, чтобы показать абсурдность ситуации/высказывания; в (8) – для выражения сомнения. Не в последнюю очередь функции *komm* определяет контекст [16, S. 126].

В целом дискурсивный маркер *komm*, согласно наблюдениям Н. Порске, выполняет следующие функции:

1) маркировка смены деятельности участников коммуникативного процесса;

2) создание диалогичности;

3) конвенционализация, т. е. корректировка позиции/действий собеседника [16, S. 134–135].

Рассмотрим различные типы высказываний с дискурсивным маркером *komm* и определим выполняемые в них функции.

(9)

1299 TT *ich versuche es mal (locker)*

1300 (1.43)

1301 TT *ja komm geh weg mit deiner blöden (animation) oa[h]*

1302 GG [*komm*] *bitch*

1303 (0.5)

1304 GG *okay nich so nich so nich so*

1305 (1.03)

1306 TT *komm her komm her ((pfeif)) (.) und (.) ab*

1307 (0.98)

В приведённом отрывке маркер *komm* служит для того, чтобы дать знать собеседнику, что ему необходимо прекратить говорить несурзные вещи. Отчасти это можно рассматривать как предложение сменить тему разговора.

Дискурсивный маркер *komm* служит и как сигнал для собеседника продолжить разговор, например:

(10)

0505 GS *aber der +++ kommt ja zu nix*

0506 NG ((*lacht*))

0507 (0.3)

0508 GS *ah ah*

0509 NG *^h geh mal wieder aus_m haus ((lacht, 3.83s))*

0510 GS *sagt (er) so ja komm*

0511 GS *isch wär am besten ruhisch gewesen hätt gar nix gesagt h° hatt isch misch so ja hatt hatt isch misch noch bisschen geärgert*

0512 NG ((*lacht*, 2.55s))

0513 GS *über die art un weise wie isch (.) gefragt wurd*

Таким образом, анализ фактического материала позволяет сделать вывод о том, что дискурсивный маркер *komm* является неотъемлемой частью коммуникативного процесса и сигнализирует о 1) необходимости сменить тему разговора; 2) важности сделать пояснение; 3) целесообразности продолжения темы. Речь в этих случаях не идёт о побуждении собеседника к физическим действиям.

Дискурсивный маркер *guck mal*

Подробное описание сочетания *guck mal* мы находим в работе С. Гюнтнер [13]. Согласно её наблюдениям, *guck mal* как дискурсивный маркер отличается от императивной конструкции, от которой берёт начало, тем, что он настраивает собеседника на предстоящее высказывание, обращает его внимание на важность сообщаемой информации. Основная функция этого дискурсивного маркера заключается в создании intersубъективности между говорящим и собеседником:

„Die Rezipientenlenkung zielt also auf die Diskurswelt, wobei dem Diskursmarker die Aufgabe zukommt, die intersubjektive Ausrichtung zwischen der/dem SprecherIn und ihrem Gegenüber zu koordinieren“ [13, S. 109].

Особенность дискурсивного маркера *guck mal* заключается в том, что при его употреблении говорящий обращает внимание собеседника на пространственные детали (на это обращает внимание и С. Гюнтнер [13]). Это можно проследить на примере следующего высказывания:

(11)

0974 SH *ah h_aber der wedelt ja ganz nett mit dem schwanz*

0975 (3.45)

0976 SH *ähm*

0977 (0.44)

0978 SH (*Lachansatz*)

0979 (4.41)

0980 SH ***guck mal** hier ham die auch ganz schöne blumen*

0981 (1.76)

0982 CF *hmhm*

0983 (0.54)

0984 SH *eine kletterrose sogar oh und guck das sind wandelröschen*

В приведённом отрывке говорящий обращает внимание собеседника на детали, о которых идёт речь.

В большинстве случаев дискурсивный маркер *guck mal* служит для того, чтобы обратить внимание участников коммуникативного процесса на то, что последующая информация является значимой:

(12)
1197 TZ mit der kurzen rolle willst was machen

1198 PZ nein da muss ma abkleben

1199 (0.23)

1200 TZ ach so

1201 (0.64)

1202 PZ ähm h°

1203 (0.36)

1204 PZ so (.) du kannst da jetzt **guck mal** wie cool des wird wenn des stück (des kriegst des in) °h also maximal zehn minuten (.) eher fünf denk ich haste des zu

1205 (1.34)

1206 PZ un dann ha_ma die ganze wand h°

Таким образом, дискурсивный маркер *guck mal* служит для того, чтобы подчеркнуть значимость сообщаемой информации.

Дискурсивный маркер *weist du*

По наблюдениям С. Гюнтнер [13], дискурсивный маркер *weist du* фактически не отличается по своему функциональному назначению от *guck mal*. Единственное отличие между ними состоит в интонационном оформлении: если *guck mal* разделён от последующей информации паузой, то *weist du* зачастую сливается интонационно с последующим высказыванием. Как и дискурсивный маркер *guck mal*, *weist du* служит для того, чтобы обратить внимание собеседника на сообщаемую информацию, сравним:

(13)

0320 KL_g ja

0321 PB_ga ja wenn ich was brauche (.) muss ich fragen

0322 KL_g (.) ja (.) i hab war °h ich frag auch dann mein anwalt **weist du** i hab gesagt °h äh_s (.) i sag immer lüg nein ich telefoniere nich (.) da

0323 PB_ga hm_hm

0324 (0.22)

0325 KL_g äh hat zwei handy ich weiß aber vertrag

0326 (0.2)

0327 PB_ga hm_hm

0328 (0.2)

0329 KL_g und dann globe gestimmt da war alles äh schreiben **weist du** (.) wie viel uhr telefonieren oder da un [wann]

0330 PB_ga [hm_hm] (.) genau

(14)

0474 AD [j]a

0475 (0.28)

0476 EP dann pack ich die grad ein also dann ((schmatzt)) °h haben wir halt weiß ich nich also ich weiß nich (nich eingesehen) wenn du dann halt nich irgendwie °hh ((schmatzt)) °h

0477 (0.84)

0478 EP keine ahnung das gefühl hast dass jemand noch (.) so mitlauscht irgendwie (.) **weist du**

0479 (0.72)

0480 AD ja (.) jaja

0481 (1.02)

0482 EP ((schmatzt)) oder dass du dann direkt irgendwie des erklären musst so was grad abgeht oder so +++ °hhh ((schmatzt))

Ещё одно отличие заключается в том, что после маркера *weist du* не встречаются побудительные и вопросительные высказывания. Как правило, вся информация, следующая после *weist du*, является новой.

Дискурсивный маркер *warte*

Дискурсивный маркер *warte* практически не подвергался анализу в лингвистических работах. Наблюдения над фактическим материалом показали, что *warte* частотен в диалогических единствах и выполняет ряд функций. Так, на примере следующего отрывка можно увидеть, что *warte* служит сигналом перехода к другой теме разговора:

(15)

0182 CR ich hatte das jetzt

0183 (0.33)

0184 CR **warte** heute is ja schon Samstag ich muss mich erst mal wieder sortieren ich hab immer gar kein °h zeitgefühl mehr] °h [aber] die die woche über da hatte ich n bisschen angst dass ich krank werde °h

1085 AR [hm_hm]

1086 AR [hm_hm]

1087 AR [hm_hm]

1088 CR [un]d ich hab äh gehofft dass es dann nich direkt unser liebes virus is was hier vorbeigekommen is °h [äh weil]

Можно отметить также и способность маркера *warte* вводить поправку, например:

(16)

1448 TZ [nur] da kommt (des passt) gar nich rein

1449 PZ dann nimm die seite

1450 TZ au[warte] geht auch (noch)

1451 PZ [geht]

В приведённом отрывке говорящий A1 указывает на то, что выбранная коробка не подходит для содержимого. Собеседник A2 даёт совет, как лучше скорректировать упаковку. *Warte* сигнализирует, что ситуация изменилась и теперь всё подходит хорошо.

Маркер *warte* служит также и для того, чтобы прервать собеседника и обратить его внимание на другой аспект проблемы:

(17)

0528 VK was siehst du

0529 SK hh°

0530 (0.31)

0531 SK **warte** ihr müsst euch nochma umdrehen

0532 VK ((Lachansatz))

0533 (3.89)

0534 SK ein mann hhh°

0535 VK ein mann des ja mal was anderes

В приведённом отрывке говорящий, используя маркер *warte*, прерывает вопрос, заданный собеседником, и переключает его внимание на другой аспект проблемы.

Дискурсивный маркер *sag mal*

Дискурсивный маркер *sag mal* фактически не рассматривался в теоретической литературе. Императивная конструкция *Sag mal* служит для того, чтобы возобновить завершившийся разговор:

(18)

0062 CL was (.) zu oma lörchens geburtstag alle dorthin ein °h schönen tag noch

0063 (0.46)

0064 CL **sag mal**

0065 (0.24)

0066 CL was machst du eigentlich hier

В приведённом отрывке говорящий CL завершает своё высказывание словами: “einen schönen Tag noch”. Далее, после паузы, используя *sag mal*, он/она пытается возобновить разговор и продолжить беседу.

Представляют интерес случаи, в которых *sag mal* выступает не как императив, а дискурсивный маркер. В таких высказываниях *sag mal* служит для выделения значимой в коммуникативном отношении информации, например:

(19)

0001 (0.23)

0002 SH also ich **sag mal** so sie müssen äh ei (.) im vorstellungsgespräch eigentlich die unterlagen nur für sich selber noch mal äh mitbringen °h (.) ähm (.) und das kann dann auch ne relativ ((Sprechansatz)) (.) also (.) ich **sag mal** so_n °h

0003 VS hmhm

0004 (0.2)

0005 SH ne höherwertige äh bewerbungsmappe sein also es muss no_nich mal s gibt ja welche die man so aufklappen k[ann da]s is mu(.) muss es auch gar nich mal sein °h (.) sondern einfach nen hochwertiger °h ich sag ma jetzt_n hochwertiger schnellhefter aber da steht dasnn einfach auch bewerbung oder sp drauf des is (.) g v (.) vollkommen ausreichend (.) [°h] (.) ja

По всей видимости, маркер *sag mal* имеет место в случаях, когда говорящий затрудняется дать быстрое объяснение – ему нужно время, чтобы сформулировать свою мысль:

(20)

0181 SH also was was ham sie vielleicht an praktischen erfahrungen gemacht äh die sie im team °h

0182 (0.2)

0183 SH äh gesammelt haben oder auch im studium im rahmen v[on p]rojektarbeiten °h (.) ähm (.) also ich **sag mal** eltern und geschwister is einfach unüblich [des no]ch mit aufz[un]ehmen

0184 VS [ja]
0185 VS [okay]
0186 VS [ja]
0187 VS (.) d[ann] ma_ich raus ((lacht))
0188 SH [ja]

Таким образом, маркер *sag mal* служит для того, чтобы показать, что далее последует значимая информация. Как правило, говорящему сложно сформулировать точно своё высказывание – использование маркера *sag mal* является сигналом того, что говорящий подбирает нужную формулировку.

1.3. Дискурсивные маркеры *komm, guck mal, weißt du, warte* и *sag mal* как прагматикализованные элементы

Анализ фактического материала показал, что дискурсивные маркеры *komm, guck mal, weißt du, warte* и *sag mal* имеют как общие, так и специфические функции. К общим функциям можно отнести их участие в структурировании текста. Частные функции заключаются в маркировке перехода от одной темы к другой, указание на значимость последующей информации, поправка, подбор верной формулировки и т. д. В систематизированном виде полученные результаты представлены в табл. 1.

Нуждается в освещении вопрос о том, являются ли дискурсивные маркеры прагматикализованными или грамматикализованными элементами.

Вопросам грамматикализации посвящена работа К. Леманна [15]. В ней предложены следующие критерии грамматикализации.

Параметр 1: вес языковой единицы. Семантический и структурный вес грамматического знака всегда редуцирован. Это означает, что грамматический знак преимущественно односложный (состоит из одного слога) и обладает минимальным грамматическим значением.

Параметр 2: когезия, т. е. связь языкового элемента с другими. Чем теснее связь языкового элемента с другими, тем выше степень его грамматикализации.

Параметр 3: вариативность. Лексическую единицу легко можно заменить другой, что никак нельзя сказать о грамматикализованном элементе (см. также [2]).

Если рассматривать дискурсивные маркеры *komm, guck mal, weißt du, warte* и *sag mal*, то можно увидеть, что они не всегда тесно связаны с другими элементами и могут быть удалены из высказывания без нарушения его грамматической правильности. Применительно к дискурсивным маркерам можно говорить

Таблица 1/ Table 1

Общие и частные функции дискурсивных маркеров *komm, guck mal, weißt du, warte* и *sag mal* / General and particular functions of the discursive markers *komm, guck mal, weißt du, warte and sag mal*

<i>komm</i>	<i>Guck mal</i>	<i>Weißt du</i>	<i>warte</i>	<i>Sag mal</i>
1) необходимость сменить тему разговора; 2) сигнал собеседнику о важности сделать пояснение; 3) указание на целесообразность продолжения темы	Указание на значимость последующей информации, интонационно самостоятельно	Указание на значимость последующей информации, интонационно не-самостоятельно	Маркер перехода к другой теме разговора; Указание на поправку, изменение ситуации; прерывание собеседника	Указание значимой в коммуникативном отношении информации; подбор верной формулировки
Структурирование текста				

Источник: составлено автором

скорее всего об их прагматикализации. К критериям прагматикализации К. Тургэй относит следующие:

- нерегулярность;
- сокращённая форма и синтаксические ограничения;
- редукция значения;
- возможность обойтись без прагматизованного элемента в высказывании;
- способность быть интонационно интегрированным в высказывание [18].

Поскольку дискурсивные маркеры можно выпустить из высказывания без ущерба для его грамматической правильности, целесообразно говорить о них как о прагматизованных элементах.

Заключение

В работе был рассмотрен вопрос об общих и частных функциях дискурсивных маркеров, образованных от императивных конструкций: *komm*, *guck mal*, *weißt du*, *warte* и *sag mal*. Анализ примеров, отобранных из корпуса разговорной

речи немецкого языка, позволил увидеть, что перечисленные маркеры обладают своими специфическими свойствами в дискурсе. Общей для них является структурирующая роль. К частным свойствам были отнесены следующие: маркер *komm* указывает на необходимость сменить тему разговора, даёт сигнал собеседнику о важности сделать пояснение, служит для указания на целесообразность продолжения темы. Маркеры *guck mal*, *weißt du* сигнализируют о значимости последующей информации. Маркер *warte* служит для указания на переход к другой теме разговора, на корректуру слов собеседника. Показатель *sag mal* указывает на значимую в коммуникативном отношении информацию и сигнализирует, что говорящий осуществляет подбор верной формулировки. Дискурсивные маркеры были представлены как прагматизованные элементы.

Дата поступления в редакцию 10.11.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверина А. В. К проблеме разграничения модальных и дискурсивных частиц в немецком языке // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 4–7.
2. Аверина А. В. Модальный синтаксис немецкого языка. М.: ИИУ МГОУ, 2019. 142 с.
3. Аверина А. В. Частицы в немецком языке. М.: МГОУ, 2022. 142 с.
4. Голубева Н. А. Дискурсивные маркеры в аспекте прецедентности (на примере связующих слов немецкого языка) // Эволюция и трансформация дискурсов: языковые, филологические и социокультурные аспекты: сборник материалов научной конференции с международным участием / отв. ред. С. И. Дубинин, В. И. Шевченко (Самара, 14–15 марта 2014 г.). Самара: Инсома-пресс, 2014. С. 157–166.
5. Иванов В. Д. Финальные частицы. Разграничение финальных, модальных и дискурсивных частиц в немецком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 7. С. 2134–2140. DOI: 10.30853/phil210361.
6. Красина М. Н. Дискурсивные частицы/маркеры в обиходно-бытовом дискурсе (на примере немецкого языка) // Филология. 2018. № 5 (17). С. 54–56.
7. Мурашкова Е. М. Подходы к исследованию дискурсивных маркеров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 5. С. 53–59.
8. Путина О. Н. Пространство функционирования дискурсивных маркеров // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 3. С. 37–44.
9. Ткач И. А. Историческая динамика семантики дискурсивного маркера (на примере маркера иначе говоря) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 25–34. DOI: 10.17308/lic.2020.1/2727.
10. Фильчакова Е. М. Функциональные особенности английских позиционных маркеров в условиях коммуникативной ситуации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2013. № 5. С. 31–35.

11. Хилханова Э. В., Хилханов Д. Л. Дискурсивные маркеры в двуязычной речи: вопросы типологии и закономерности функционирования // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019. Т. 12. № 7. С. 256–260. DOI: 10.30853/filnauki.2019.7.55.
12. Blühndorn H. Diskursmarker: Pragmatische Funktion und syntaktischer Status // *Diskursmarker im Deutschen. Reflexionen und Analysen*. Göttingen: Verlag für Gesprächsforschung, 2017. S. 311–336.
13. Günthner S. Diskursmarker in der Interaktion – Formen und Funktionen univerbierter *guck mal-* und *weißt du-* Konstruktionen // *Diskursmarker im Deutschen. Reflexionen und Analysen*. Göttingen: Verlag für Gesprächsforschung, 2017. S. 103–130.
14. Imo W. Diskursmarker im gesprochenen und im geschriebenen Deutsch // *Diskursmarker im Deutschen. Reflexionen und Analysen*. Göttingen: Verlag für Gesprächsforschung, 2017. S. 49–72.
15. Lehmann Chr. Wortarten und Grammatikalisierung. Perspektiven in System und Erwerb // *Wortarten und Grammatikalisierung* / hgs. C. Knobloch, B. Schaefer. Berlin: Walter de Gruyter, 2005. S. 1–20. DOI: 10.1515/9783110202090.1.
16. Proske N. h ach KOMM; hör AUF mit dem kleInkram. Die Partikel komm zwischen Interjektion und Diskursmarker // *Gesprächsforschung – Online-Zeitschrift zur verbalen Interaktion*. 2014. Ausgabe 15. S. 121–160. URL: www.gespraechsforschung-ozs.de (дата обращения: 12.10.2022).
17. Reisigl M. Sekundäre Interjektionen. Eine diskursanalytische Annäherung. Frankfurt am Main: Lang, 1999. 259 S.
18. Turgay K. Wie sollen wir das jetzt analysieren? Aspekte zur Bedeutung von jetzt // *Adverbien und Adverbiale. Grenzen und Gliederung einer syntaktischen Kategorie im Deutschen*. Heidelberg: Winter Verlag, 2022. S. 103–128.

REFERENCES

1. Averina A. V. [To the problem of distinction of modal and discursive particles in German]. In: *Yevraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal], 2017, no. 2, pp. 4–7.
2. Averina A. V. *Modal'nyy sintaksis nemetskogo yazyka* [Modal syntax of the German language]. Moscow, MRSU Ed. Office Publ., 2019. 142 p.
3. Averina A. V. *Chastitsy v nemetskom yazyke* [Particles in the German language]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2022. 142 p.
4. Golubeva N. A. [Discursive markers in the aspect of precedence (on the example of binding words of the German language)]. In: *Evolutsiya i transformatsiya diskursov: yazykovyye, filologicheskiye i sotsiokul'turnyye aspekty* [Evolution and transformation of discourses: linguistic, philological and socio-cultural aspects]. Samara, Insoma-press Publ., 2014, pp. 157–166.
5. Ivanov V. D. [Final particles. Distinction between final, modal and discursive particles in the German language]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2021, vol. 14, no. 7, pp. 2134–2140. DOI: 10.30853/phil210361.
6. Krasina M. N. [The discursive particles/markers in colloquial discourse (on the example of the German language)]. In: *Filologiya* [Philology], 2018, no. 5 (17), pp. 54–56.
7. Murashkovskaya E. M. [Approaches to discourse markers analysis]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2014, no. 5, pp. 53–59.
8. Putina O. N. [Space of discourse markers]. In: *Yevraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal], 2021, no. 3, pp. 37–44.
9. Tkach I. A. [Historical dynamics of meaning of a discourse marker (case study of the marker *inache govorya* / in other words)]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2020, no. 1, pp. 25–34. DOI: 10.17308/lic.2020.1/2727.
10. Filchakova E. M. [Functional features of English stance markers in a communicative situation]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2013, no. 5, pp. 31–35.
11. Khilkhanova E. V., Khilkhanov D. L. [Discursive markers in bilingual speech: problems of typology and principles of functioning]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2019, vol. 12, no. 7, pp. 256–260. DOI: 10.30853/filnauki.2019.7.55.

12. Blühdorn H. Diskursmarker: Pragmatische Funktion und syntaktischer Status. In: *Diskursmarker im Deutschen. Reflexionen und Analysen*. Göttingen, Verlag für Gesprächsforschung, 2017. S. 311–336.
13. Günthner S. Diskursmarker in der Interaktion – Formen und Funktionen unverbierter *guck mal-* und *weist du-* Konstruktionen. In: *Diskursmarker im Deutschen. Reflexionen und Analysen*. Göttingen, Verlag für Gesprächsforschung, 2017. S. 103–130.
14. Imo W. Diskursmarker im gesprochenen und im geschriebenen Deutsch. In: *Diskursmarker im Deutschen. Reflexionen und Analysen*. Göttingen, Verlag für Gesprächsforschung, 2017. S. 49–72.
15. Lehmann Chr. Wortarten und Grammatikalisierung. Perspektiven in System und Erwerb. In: C. Knobloch, B. Schaefer, hgs. *Wortarten und Grammatikalisierung*. Berlin, Walter de Gruyter, 2005. S. 1–20. DOI: 10.1515/9783110202090.1.
16. Proske N. hach KOMM; hör AUF mit dem kLEInkram. Die Partikel komm zwischen Interjektion und Diskursmarker. In: *Gesprächsforschung – Online-Zeitschrift zur verbalen Interaktion*, 2014, Ausgabe 15, S. 121–160. Available at: www.gespraechsforschung-ozs.de (accessed: 12/12/2022).
17. Reisigl M. Sekundäre Interjektionen. Eine diskursanalytische Annäherung. Frankfurt am Main, Lang, 1999. 259 S.
18. Turgay K. Wie sollen wir das jetzt analysieren? Aspekte zur Bedeutung von jetzt. In: *Adverbien und Adverbiale. Grenzen und Gliederung einer syntaktischen Kategorie im Deutschen*. Heidelberg, Winter Verlag, 2022. S. 103–128.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сереброва Олеся Феликсовна – аспирант кафедры германской филологии Государственного университета просвещения; педагог дополнительного образования Центра дополнительного образования Института иностранных языков Российского университета дружбы народов;
e-mail: sof_82@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olesya F. Serebrova – Postgraduate Student, Department of German Philology, State University of Education; Lecturer of additional education, Center for additional education, People's Friendship University of Russia (RUDN University);
e-mail: sof_82@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сереброва О. Ф. Дискурсивные маркеры, образованные от побудительных высказываний, в современном немецком языке: общие и специфические функции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 142–152.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-142-152

FOR CITATION

Serebrova O. F. Imperative phrases as discourse markers in modern German: general and specific functions. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 3, pp. 142–152.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-142-152

УДК 821.134.1

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-153-162

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «ВОСПОМИНАНИЙ О ПОСЛЕДНЕЙ КАРЛИСТСКОЙ ВОЙНЕ» М. ВАЙРЕДЫ

Терещук А. А.

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализ лексических особенностей произведения каталонского писателя Мариана Вайреды «Воспоминания о последней карлистской войне».

Процедура и методы. В работе применялся метод контекстного лексико-семантического анализа. В произведении выделены диалектизмы, испанизмы и социолектизмы. Значение и область распространения анализируемых лексических единиц уточнялись по «Большому словарю каталанского языка» и по «Каталанско-валенсийско-балеарскому диалектному словарю».

Результаты. В проанализированном тексте присутствуют лексемы, употребление которых характерно для родного для автора северокаталанского субдиалекта. Кроме того, в произведении фиксируются лексические единицы, отсутствующие в северокаталанском, но встречающиеся в других диалектных разновидностях языка. Диалектная лексика употребляется автором в стилистических целях. Анализируются встречающиеся в тексте испанизмы, которые делятся на выделенные курсивом иноязычные вкрапления и испанские интерференции в каталанском. Испанский язык используется М. Вайредой с целью создания речевого портрета отрицательных персонажей, а также для характеристики отдельных концептов, которые представляются автору чуждыми для Каталонии и её культуры. Рассматриваются присутствующие в тексте лексические единицы, относящиеся к социолекту каталонских карлистов. Отмечаются некоторые особенности политического дискурса карлистов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование является продолжением ряда публикаций, посвящённых творчеству М. Вайреды и первой работой, в которой комплексно анализируются лексические особенности «Воспоминаний о последней карлистской войне». Статья может служить отправной точкой для дальнейших исследований, посвящённых истории каталанского языка и языка испанского карлизма.

Ключевые слова: каталонская литература, М. Вайреда, язык карлизма, диалекты каталанского языка, испанизмы

LEXICAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF “MEMOIRS ABOUT THE LAST CARLIST WAR” BY M. VAYREDA

A. Tereshchuk

*Herzen State Pedagogical University of Russia
 naberezhnaya reki Moyki 48, Saint-Petersburg 191186, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the lexical characteristics of “Memoirs about the Last Carlist War” by the Catalan writer Marian Vayreda.

Methodology. The method of contextual lexical and semantic analysis was used in the work. Dialectisms, lexical interferences from Spanish, and sociolectisms are studied in the article. The meaning and area of the analyzed lexical units were specified according to the “Large Dictionary of the Catalan language” and the “Catalan-Valencian-Balearic Dialect Dictionary”.

Results. The analyzed text contains lexemes, the use of which is characteristic for the author's native North Catalan subdialect. In addition, the book contains lexical units that are absent in North Catalan, but can be found in other diatopic language varieties. The dialectisms used by the author function as stylistic devices. The article analyzes the lexical interferences from Spanish present in the text, which are divided into italicized foreign language inclusions and Spanish interferences in Catalan. The Spanish language is used by M. Vayreda to create a verbal portrait of negative characters, as well as to characterize certain concepts that the author considers alien to Catalonia and its culture. The lexical units related to the sociolect of the Catalan Carlists are considered. Some features of the political discourse of the Carlists are noted.

Research implications. The study is a continuation of a number of publications dedicated to M. Vayreda's books and the first study that comprehensively analyzes the lexical features of *“Memoirs of the Last Carlist War”*. The article can serve as a starting point for further research on the history of the Catalan language and on the language of Spanish Carlism.

Keywords: Catalan literature, M. Vayreda, language of Carlism, dialects of the Catalan language, lexical interferences from Spanish

Введение

В настоящее время каталанский является одним из официальных языков в автономном сообществе Каталония (Испания). Он активно используется в администрации, в СМИ и в образовательной сфере; на нём регулярно снимаются фильмы и публикуются произведения художественной литературы. Более того, «агрессивная языковая политика» в современной Каталонии даёт основания некоторым специалистам говорить «о явных или невольных попытках вытеснения испанского языка» из региона [3, с. 80]. Тем не менее далеко не всегда локальный идиом играл такую роль в жизни Каталонии. После объединения Кастилии и Арагонской короны в XV в. началась кастельянизация региона, которая совпала с «периодом упадка» каталонской литературы [5, с. 16]. Региональный язык сохранился преимущественно среди крестьянского населения в устной форме. Во второй половине XIX в. в Каталонии заявило о себе движение «Возрождения» (“Renaixença”) каталонского языка и культуры. В регионе появился целый ряд литераторов, пишущих на миноритарном идиоме (о движении “Renaixença” см.: [6]). Одновременно с развитием литера-

туры шёл процесс кодификации языка. В 1907 г. был создан Институт каталанских исследований, который через несколько лет провёл реформу орфографии [3, с. 81]. Культурное, языковое и литературное возрождение оказалось тесно связанным с ростом популярности политического каталанизма. В регионе появилось несколько организаций, выступавших за автономию или за отделение Каталонии от Испании (о значении языкового вопроса в идеологии каталанизма во второй половине XIX в. см.: [18, p. 175–178]).

Одним из тех, кто сочетал политическую деятельность с литературным трудом, был писатель и живописец Мариан (Мария) Вайреда (1853–1903)¹. Вайреда родился в Олите (провинция Жирона, комарка Ла Гарроча), в дворянской семье, известной своими симпатиями к карлизму². В 1872–1876 гг. он принял участие в

¹ Его старший брат Жоаким также был художником, одним из основателей Олотской школы живописи [6, с. 124]. Жоаким Вайреда пробовал себя и в качестве литератора: он написал роман «Три поколения» (“Tres generacions”), который был опубликован только в 1993 г., почти через сто лет после смерти автора [12, p. 82].

² Карлизм – военно-политическое движение в Испании, появившееся в 1833 г. и выступавшее с консервативных и антилиберальных позиций. Во

Третьей Карлистской войне, примкнув к сторонникам дона Карлоса-младшего. Большую часть конфликта будущий писатель служил в кавалерии [16, р. 70]. После поражения карлистов Вайреда провёл два года во Франции, а затем вернулся в Каталонию. В 1890-е гг. взгляды Вайреды эволюционировали от карлизма в сторону консервативного каталанизма. Он принимал активное участие в деятельности партии «Каталанистский союз» (“*Unió Catalanista*”), несколько лет представлял родной город на её ассамблеях (съездах) [13, р. 43]. Последние годы жизни Вайреды отмечены литературным трудом. Он начинал с рассказов на испанском, но настоящую славу ему принесли романы на каталанском языке «Новая кровь» (“*Sang nova*”) и «Удар кинжалом» (“*Punyalada*”), опубликованные в 1900 и в 1904 гг. [12, р. 81]. Произведения Вайреды представляют значительный интерес для изучения истории каталанского: они появились в момент «взлёта» регионального языка и всего за несколько лет до начала процесса его кодификации.

Особняком в творчестве Вайреды стоит прозаическое произведение «Воспоминания о последней карлистской войне» (“*Records de la darrera carlinada*”; далее – «Воспоминания»)¹. Специалист по истории каталонской культуры из Индианского университета Э. Ильяс определил жанр «Воспоминаний» как «романизированные мемуары»² [15, р. 90]. Они были впервые опубликованы в Олоте в 1898 г. тиражом в 300 экземпляров. В

1950 г. книга была переиздана, после чего интерес к «Воспоминаниям» вырос [16, р. 70]. Во второй половине XX – начале XXI в. произведение перепечатывалось ещё несколько раз и стало настоящей классикой каталонской литературы.

Писатель обращается к истории своего участия в Третьей Карлистской войне. Вайреда создал «Воспоминания» через 22 года после завершения конфликта, и в произведении нет точных дат и цифр или повествования о ходе кампании. «Моей целью не было написать мемуары или вывести на свет неизвестные сведения из истории последней гражданской войны», – признаётся сам автор [р. 9]. «Воспоминания» не имеют чётко выстроенного сюжета, но представляют собой отдельные зарисовки, сделанные писателем во время службы в карлистской армии. Русскоязычному читателю книга Вайреды может напомнить написанные двумя десятилетиями позднее «Записки кавалериста» Н. С. Гумилева. «Воспоминания» начинаются с главы «Карлисты в горах» [р. 13–20], в которой автор мотивирует своё решение присоединиться к восстанию сторонников дона Карлоса. Затем следует ряд рассказов из военной жизни, среди которых встречаются истории гротескные («Шоколадница») [р. 21–28] и трагические («Отчаяние») [р. 77–86], а также анабасис главного героя («Голгофа») [р. 113–124]. Некоторые сюжеты являются архетипичными для литературы о войне: первый бой персонажа («Боевое крещение») [р. 29–34]; девушка, выдающая себя за мужчину, чтобы отправиться воевать («Юноша из Валенсии») [р. 43–50]; история солдата-весельчака, любимца всей части («Парень из Алоу») [р. 71–76]. Завершается произведение поражением карлистов и бегством рассказчика из страны («Госпиталь») [р. 125–135].

«Воспоминания» вызывают значительный интерес у современных испанских литературоведов и историков. Можно отметить ряд публикаций, анализирующих данный текст [11; 12, р. 85–87;

второй половине XIX в. в мировоззрении карлистов важную роль стали играть идеи регионализма и защиты фуэрос – традиционных привилегий отдельных провинций на севере Испании (об идеологии карлизма см.: [1]).

¹ Vayreda M. Records de la darrera carlinada. Barcelona: Avenç, 2014. 136 p. Далее в тексте будут указываться номера страниц с иллюстративным материалом.

² «Эта книга вызывает восхищение с литературной и художественной точек зрения» (здесь и далее – перевод наш) [14, р. 48], – пишет представитель Олотской школы живописи Э. Галвей в своих записках и добавляет, что получил эстетическое удовольствие от чтения текста Вайреды [14, р. 53].

13; 15, p. 90; 16; 17; 19]. Авторы указанных работ обращаются преимущественно к изучению идеологических оснований творчества Вайреды, показывают, как его политические взгляды отразились в произведении, либо анализируют «Воспоминания» в контексте каталонской литературы рубежа XIX–XX вв. В то же время язык «Воспоминаний» привлёк только поверхностное внимание исследователей. Целью настоящей статьи является анализ лексических особенностей произведения. В тексте выделяются диалектизмы, социолектизмы и испанизмы и показывается, как автор использует диатопический и диастратический виды вариативности в стилистических целях (о диасистемном подходе см.: [7]).

Диалектизмы

Как было отмечено выше, Вайреда родился в Олоте, центре комарки Ла Гарроча. Диатопическая разновидность каталонского языка, распространённая в данном районе, относится к северокаталонскому переходному субдиалекту, который близок к ставшему основой для каталонского литературного языка центральному диалекту, но при этом разделяет некоторые общие черты с руссильонским. Закономерно, что в анализируемом тексте находят отражение и диатопические особенности языка северной части Каталонии. В «Воспоминаниях» регулярно встречается диалектная лексика, в том числе и отсутствующая в «Большом словаре каталонского языка» (“Gran Diccionari de la Llengua Catalana”, GDLC)¹. Значение лексем, отсутствующих в GDLC, уточнялось по «Каталанско-валенсийско-балеарскому диалектному словарю», размещённому на сайте Института каталонских исследований (“Diccionari català-valencià-balear”, DCVB)².

Отдельные диалектизмы в тексте Вайреды характерны только для Олота, родного города автора. Лексема *esquimbell* имеет значение «табуретка» (в литературном каталанском – *tamboret*). Вайреда употребляет её в составе фразеологизма *caure de l'esquimbell*, досл. «упасть с табуретки», что означает «лишиться каких-либо привилегий или потерять высокое положение» [p. 100]. Чаше встречаются лексические единицы, характерные не только для Олота, но и для всей комарки Ла Гарроча или для северокаталонского субдиалекта в целом. Рисуя картину зимнего вечера, автор использует лексему *rispa* [p. 88], означающую в Ла Гарроче «холодный ветер», и сопровождает её определением *molesta*, «беспокоящий». Другой пример – лексема *rierenc* [p. 21], которая употребляется в различных говорах в составе северокаталонского субдиалекта и означает «бульжник».

Некоторые из зафиксированных диалектизмов характерны не только для северокаталонского, но и для других диатопических разновидностей языка. Например, в тексте встречается лексема *uixol* [p. 22]. В комарке Эмпурда, расположенной на севере Каталонии, на границе с Францией, так называют «тесло», то есть плотницкий инструмент, вид топора, который в литературном каталонском языке называется *aixa*. В таком же значении *uixol* употребляется ещё и в некоторых балеарских говорах, на Мальорке и Менорке, в то время как в остальных диатопических разновидностях каталонского данная лексема имеет значение «ячмень на глазу». Любопытный пример диалектизма представляет собой лексема *xefla*: в северо-западном диалекте она является названием блюда (мясо с овощами), в тортосском (субдиалект на границе валенсийского и северо-западного) означает «толстая щека», в южно-валенсийском – «стамеска», а в северокаталонском – «вечеринка». Именно в этом последнем значении употребляет данную лексическую единицу Вайреда, рассказы-

¹ Gran Diccionari de la Llengua Catalana [Электронный ресурс]. URL: <https://diccionari.cat/gran-diccionari-de-la-llengua-catalana> (дата обращения: 16.01.2023).

² Diccionari català-valencià-balear [Электронный ресурс]. URL: <https://dcvb.iec.cat/> (дата обращения: 16.01.2023).

вая о празднике, который устроили себе раненные в госпитале [р. 132]. Учитывая происхождение автора, присутствие в тексте лексем из северокаталанского субдиалекта совершенно закономерно; в то же время у Вайреды также фиксируются лексические единицы, отсутствующие на севере Каталонии, но встречающиеся в других диатопических разновидностях языка: *tracaleig*, «цокот, звук копыт» [р. 89], употребляется в валенсийском; *castellufo*, «презрительное наименование кастильца» [р. 107], – на острове Менорка. Последний пример парадоксальным образом отмечается в прямой речи персонажа из комарки Осона, то есть с севера Каталонии.

Вайреда, и в ходе войны, и после неё объездивший всю Каталонию, владел не только говором своей родной комарки. В тексте он использует диалектизмы из самых разных частей ареала распространения каталанского языка. Появление в произведении диалектизмов может быть объяснено двумя факторами. «Воспоминания» написаны незадолго по появления единого стандарта литературного языка (в собственно каталанском и в валенсийском вариантах), и автору казалось совершенно естественным употребление в произведении услышанных им в устной речи лексем, которые впоследствии были классифицированы как диалектизмы. Кроме того, можно предположить, что Вайреда сознательно включил в свой текст диалектизмы, характерные для северокаталанского или для других диатопических разновидностей. Писатель был приверженцем консервативного каталанизма. В «Воспоминаниях» Вайреда воспекает «настоящую» Каталонию – удалённую от побережья часть региона, отстаивающую свои традиции и деревенский уклад жизни¹. Он подчёркивает достоинства «традиционных» каталонских ценностей и с восхищением показывает

сельскую местность, сопротивляющуюся «наступлению» либерализма и современной цивилизации. Включение в текст диалектизмов может рассматриваться как проявление регионалистских идеологических установок автора на языковом уровне².

Испанизмы

В произведении отмечается и противоположная тенденция: употребление ряда испанизмов, которые можно разделить на иноязычные вкрапления, то есть «испанские лексемы в каталанском тексте, написанные в соответствии с нормами испанской орфографии» и «собственно интерференции», то есть «немаркированные испанские лексемы в каталанском дискурсе, которые заменяют аналогичные им лексемы каталанского языка» [9, с. 133]. Данные интерференции³ присутствуют в тексте Вайреды, но не фиксируются GDLC. Вкрапления выделяются в произведении курсивом.

Вайреда передаёт на испанском языке и маркирует курсивом прямую речь некоторых персонажей. Это могут быть целые диалоги [р. 80–81] или отдельные фразы: “¡Alto! ¡Rendirse, que hay cuartel! Soltad las armas!” / «Стоять! Сдавайтесь, мы берём пленных! Бросайте оружие!» [р. 56]. Во втором случае фраза была об-

² Известный публицист и мыслитель рубежа XIX–XX вв., один из теоретиков каталанизма Э. Прат де ла Рибя писал о каталонских романтиках: «Они были влюблены в каталанский язык ..., который с любовью отыскивали в долинах и горах, изучая народную память и труды предшествующих поколений ... они были искателями чистого золота каталонской традиции» (цит. по: [18, р. 192]). Каталонский национализм во многом опирался на литературный романтизм и воспринял отношение романтиков к языку.

³ Естественно, в каталанском языке имеется значительное количество заимствований из испанского, которые зафиксированы в GDLC и регулярно употребляются в коммуникации (о заимствованиях из испанского в каталанском языке см.: [10]). Для изучения истории каталанского языка особый интерес представляют те испанизмы, которые в конце XIX в. употреблялись Вайредой, но впоследствии не закрепились в каталанском языке.

¹ О противопоставлении «гор» и «моря» в каталонской культуре см. также: [2, с. 265–266].

ращена к неприятельским солдатам и, используя испанский язык в данном примере, Вайреда показывает, что противники карлистов были не каталонцами, а выходцами из других регионов Испании¹. В произведении можно отметить и примеры интрасентенционального переключения кодов: “*Vegi, señor ayudante, a ver que es lo que comanda mi general*” / «Посмотрите, господин адъютант, какие распоряжения даёт генерал» [р. 93]. Важно подчеркнуть, что данную реплику произносит, обращаясь к рассказчику, карлистский офицер, находящийся в конфликте с героем. Таким образом, испанский язык в прямой речи используется преимущественно для коммуникации с противником (вне зависимости от того, находится он по другую сторону «линии фронта» или в собственном штабе). В то же время беседа рассказчика со сторонником Прогрессистской партии, который помогает герою и вызывает у автора симпатию своим рыцарским отношением к идеологическому оппоненту, передаётся на каталанском языке [р. 119]. Использование испанского языка в прямой речи является для Вайреды одним из способов создания образа отрицательного персонажа.

К испаноязычным вкраплениям можно отнести и отдельные лексемы, относящиеся к военной и политической терминологии: *tizona*, «рапира», [р. 54]; *frente*, «фронт», [р. 56], *paso ataque*, зд. «в атаку (сигнал)», [р. 103]; *hojalateros* [р. 98] – непереводимый термин, появившийся во время Первой Карлистской войны (1833–1840) и обозначающий чиновников

из окружения дона Карлоса-старшего, которые не принимали участия в боевых действиях и, по мнению военных, постоянно саботировали армейские операции. Любопытно, что Вайреда приводит на испанском и маркирует курсивом выражения *unidad nacional*, «национальное единство», [р. 15] и *¡Viva el Rey!*, «Да здравствует Король!», [р. 27], намекая на то, что данные концепты чужды каталонцам. Третью группу вкраплений составляют лексемы, обозначающие реалии² или те понятия, которые, с точки зрения автора, свойственны только кастильской культуре и не могут быть переданы на каталанском языке: *rocinante*, «кляча», от «Росинант, конь Дон Кихота» [р. 124]; *goyesco*, «в стиле Франсиско де Гойи» [р. 132].

Большой интерес для изучения истории языка представляют собой испанизмы, отсутствующие в GDLC и не выделенные курсивом, то есть те лексемы, которые мы условно обозначили как «интерференции». Данные лексические единицы представлялись естественными для автора, но впоследствии не вошли в словарный фонд каталанского языка. Зафиксированные интерференции относятся к самым разным лексико-семантическим полям, например: *desdicha*, от исп. “*desdicha*”, «несчастье» [р. 15] (вместо кат. *dissort*, *desgràcia*); *alhaja*, от исп. “*alhaja*”, «драгоценность» [р. 72] (вместо кат. *joia*); *campetxano*, от исп. “*campesano*”, «добродушный» [20, р. 88] (вместо кат. *trempat*). Только один пример из данной категории относится к военной лексике; кроме того, он может быть определён как испанизм только с большой долей условности: *siraiu*, «сипай» [р. 125]. У Вайреды данная лексема является интерференцией от исп. *sirauo*, которая в свою очередь была заимствована от перс. *sepāhi* транзитом через порт. *siray*. GDLC фиксирует дан-

¹ «Мой товарищ ... без усталости подбадривал себя и всех нас, выкрикивая в сторону неприятеля оскорбления на кастильском языке», – пишет в другом месте Вайреда [р. 32]. Автор пытается представить войну как противостояние между каталонцами и испанцами. При этом в представлении большей части каталонских националистов XIX в. именно язык (а не этническое происхождение, территория, культура и т. д.) являлся главным отличительным признаком нации [18, р. 192]. Таким образом, идеи каталонских националистов находят отражение в произведении Вайреды.

² Реалии – это «этнонациональные особенности, обычаи, обряды, исторические процессы, факты, не имеющие эквивалентов в других языках» [4, с. 190].

ное слово в форме *sipai* и указывает, что оно попало в каталанский через франц. *sipaue*. По всей видимости, лексема «сипай» была заимствована каталанским языком в двух вариантах, через испанский (*sipaio*) и французский (*sipai*); после кодификации каталанского в качестве единственного нормативного варианта сохранился галлицизм.

Можно объяснить появление в произведении испанизмов двумя причинами. Вайреда использует иноязычные вкрапления для создания речевого портрета персонажей либо для передачи понятий, которые, по его мнению, являются чуждыми для каталонской культуры. В то же время в тексте присутствуют немаркированные испанизмы, которые мы обозначили как «собственно интерференции» и которые свидетельствуют о значительном влиянии испанского языка на каталанский на лексическом уровне.

Социолектизмы

Отдельно взятый человек может временно относиться к разным группам населения, у каждой из которых есть собственный социолект¹. Например, Вайреда принадлежал к сельскому дворянству, к творческой интеллигенции (художникам), к двум разным политическим движениям (карлизму и зарождающемуся каталонскому национализму). «Воспоминания» посвящены карлистскому этапу в жизни автора, поэтому наибольший интерес для анализа представляют лексические единицы, характерные для социолекта карлистов во второй половине XIX в.

Сам автор отмечает две лексических единицы, характерные для языка карлистской армии. Лексема *barreja* в ли-

тературном каталанском языке имеет значение «смесь»; Вайреда пишет, что этим словом карлисты называли момент в развитии атаки, когда наступающая сторона непосредственно сталкивалась с противником. По его словам, обычно *barreja* происходила, когда кавалеристы преследовали отступающих пехотинцев [р. 53]. Другое выражение, которое, по мнению Вайреды, выдумали карлистские солдаты, – *collir el xavo* [р. 72]. Писатель приводит только перевод данного фразеологизма («получить ранение»), но не рассказывает о его этимологии. Нам представляется обоснованным выдвинуть следующее предположение: в 1868–1885 гг. в Испании имела хождение медная монета в 10 сентимо, которая весила 10 граммов; по-испански она называлась *ochavo*, а по-каталански – *xavo*. Некоторые пули того времени изготавливались из меди и имели примерно такой же вес. Таким образом, выражение *collir el xavo*, которое дословно переводится как «схватить монету в 10 сентимо», можно соотнести с рус. «словить пулю».

Заслуживает внимания и политический дискурс в книге Вайреды. Для наименования восстания сторонников дона Карлоса писатель употребляет лексему *carlinada*, вынесенную в название книги, вместо словосочетания *guerra carlina*, «карлистская война». Возможно, это связано с тем, что существительное *carlinada* созвучно с *croada*, «крестовый поход». Вайреда и его сослуживцы ассоциировали себя с крестоносцами, отправляющимися со «священной миссией» на войну². С момента появления

¹ В настоящей работе под социолектом, или социальным диалектом, понимается «субвариант речи, который благодаря действию определённых общественных сил является характерным для определённых этнических, религиозных и экономических групп или групп индивидуумов с определённым уровнем и типом образования» [8, с. 365].

² Концепт «крестового похода» играл важную роль в идеологии карлизма. В 1908 г., через 10 лет после выхода книги Вайреды, Р. М. дель Валье-Инклан публикует роман «Крестоносцы правого дела» (*Los Cruzados de la Causa*), посвящённый карлизму. Во время Гражданской войны в Испании (1936–1939) этот образ будет активно использоваться в пропаганде приверженцев генерала Ф. Франко (на стороне которого выступили карлисты): восстание против правительства Второй республики они объявят «крестовым походом» против «безбожников».

движения карлисты позиционировали себя в качестве «защитников Церкви». Во время войны 1872–1876 гг. лозунгом сторонников дона Карлоса было выражение «Бог, Родина, Фуэрос, Король» [1, с. 69]. Автор с прописной буквы пишет названия концептов, относящихся к идеологическому фундаменту карлистского движения: *Furs*, «фуэрос», *Clergat*, «духовенство», *Religió*, «религия» [р. 16]. Кроме того, Вайреда называет карлистов *partit tradicionalista*, «традиционалистская партия» [р. 14], не используя официальное название их объединения («Традиционалистское сообщество», «Comunió tradicionalista»). В то же время лексему *reaccionaris*, «реакционеры» [р. 16], которая часто использовалась противниками карлистов и имела пейоративные коннотации, Вайреда записывает курсивом, как и иноязычные вкрапления.

Заключение

В ходе проведённого исследования было проанализировано, как Вайреда использует диатопический и диастратический виды вариативности в произведении. В тексте «Воспоминаний» присутствует диалектная лексика как из северокаталанского диалекта (родного для Вайреды), так и из других диатопических разновидностей языка. Писатель сознательно включает в книгу диалектизмы, противопоставляя «идеальную» (в его представлении), сельскую Каталонию Барселоне и другим городам каталонского побережья.

В стилистических целях Вайреда включает в произведение отдельные слова, синтагмы или предложения на испанском языке. Испанский служит для создания речевого портрета несимпатичных автору персонажей, а также используется при описании коммуникации с противником, что позволяет автору представить Третью Карлистскую войну как конфликт между испанцами и каталонцами. Можно сделать вывод, что в некоторых случаях переход на другой язык используется Вайредой как стилистический приём для формирования образа «чужих», несвойственных Каталонии понятий. В тексте также фиксируются некоторые испанизмы, относящиеся к военной и политической лексике.

Проанализированная книга может служить источником для изучения социолекта каталонских карлистов XIX в. В тексте присутствуют отдельные разговорные лексические единицы, употреблявшиеся в войсках дона Карлоса; кроме того, «Воспоминания» содержат примеры политической терминологии на каталанском языке конца XIX в. Дальнейшая работа с «Воспоминаниями» и с другими произведениями Вайреды позволит не только сформировать объективную картину истории каталонской литературы, но и будет релевантна для изучения социолекта испанских и каталонских карлистов.

Дата поступления в редакцию 24.01.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Айусо Торрес М. Карлизм и испанская политическая традиция: вчера и сегодня // Антиномии. 2019. Т. 19. № 3. С. 59–83. DOI: 10.24411/2686-7206-2019-00003.
2. Баканова А. В. “Seny i gauха” как отражение каталанского национального характера // Древняя и Новая Романия. 2019. № 23. С. 261–276.
3. Евдокимова А. А., Гринина Е. А. Региональные языки Испании: нормализация, нормативизация, кодификация // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 2 (791). С. 77–88.
4. Епифанцева Н. Г. Реалии и их место в языковой картине мира // Эволюция романских языков: от языка народности к языку нации: материалы международной научной конференции. М.: ИИУ МГОУ, 2018. С. 188–193.
5. Карпова Ю. А. Процесс нормализации и унификации каталонского литературного языка в

- XIII–XV вв. // Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи: Тезисы конференции. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2010. С. 15–20.
6. Кузина Н. А. Зарождение и формирование национальных символов Каталонии в рамках Ренессанса и их визуальная репрезентация в XIX в. // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5. № 4 (20). С. 114–130. DOI: 10.24833/2541-8831-2021-4-20-114-130.
 7. Лукина А. Е. Факторы эволюции французского языка (диасистемный подход) // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака: сборник статей по итогам VI международной конференции. М.: Издательство "Спутник+", 2021. С. 294–297.
 8. Макдэвид Р. И. Диалектные и социальные различия в городском обществе // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М.: Прогресс, 1975. С. 363–381.
 9. Терещук А. А. Лексические испанизмы в каталанском языке начала XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2017. Т. 17. № 3. С. 130–138. DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.3.13.
 10. Уржумцева А. О. О лексических заимствованиях из каталанского, галисийского и баскского языков в испанской политической речи // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2009. № 2. С. 85–90.
 11. Bardera D. El món de Marià Vayreda: una anàlisi crítica // Anuari Verdager. 2014. Núm. 22. P. 9–24.
 12. Busquets i Grabulosa L. Marian Vayreda i la seva obra literària // Annals del Patronat d'Estudis Històrics d'Olot i Comarca. 2005. Núm. 15. P. 77–90.
 13. Canal J. Marian Vayreda, entre el carlisme i el catalanisme // Revista de Girona. 2004. Núm. 225. P. 41–46.
 14. Galwey E. El que he vist a Can Parés en els darrers quaranta anys. Memòries d' Enric Galwey. Barcelona: Publicació del Cinquantenari de la Sala Parés, 1934. 78 p.
 15. Illas E. Marià Vayreda: el carlismo reciclado y el inconsciente catalán // Res Publica: revista de filosofia política. 2004. Núm. 13-14. P. 87–96.
 16. Maymó O. El simbolisme de la muntanya en el llenguatge de *Records de la darrera carlinada*, de Marian Vayreda // Anuari Verdager. 2020. Núm. 28. P. 69–98.
 17. Pagès V. Records de la darrera carlinada, de Marià Vayreda // Revista de Girona. 2009. Núm. 256. P. 48–51.
 18. Polo Blanco J. Los glóbulos del *Volksgeist*. Romanticismo y racismo en la génesis ideológica del catalanismo // Aportes. 2022. Vol. 37. Núm. 109 (2). P. 173–211.
 19. Selles N. Marian Vayreda: Idealització i conflicte davant d'una realitat canviant // Revista de Girona. 2003. Núm. 220. P. 30–35.

REFERENCES

1. Ayuso Torres M. [Carlism and Spanish political tradition: yesterday and today]. In: *Antinomii* [Antinomies], 2019, vol. 19, no. 3, pp. 59–83. DOI: 10.24411/2686-7206-2019-00003.
2. Bakanova A. V. ["Sany i Rauxa" as a reflection of the Catalan national character]. In: *Drevnyaya i Novaya Romaniya* [Ancient and New Romania], 2019, No. 23, pp. 261–276.
3. Evdokimova A. A., Grinina E. A. [Regional languages of Spain: normalization, standardization, codification]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences.], 2018, no. 2 (791), pp. 77–88.
4. Epifantseva N. G. [Realias and their place in the language picture of the world]. In: *Evolutsiya romanskikh yazykov: ot yazyka narodnosti k yazyku natsii* [Evolution of the Romance languages: from the language of the people to the language of the nation]. Moscow, MRSU Ed. Office, 2018, pp. 188–193.
5. Karpova Yu. A. [The process of normalization and unification of the Catalan literary language in the XIII–XV centuries]. In: *Ibero-romanistika v sovremennom mire: nauchnaya paradigma i aktual'nyye zadachi* [Ibero-Romanism in the Modern World: Scientific Paradigm and Current Problems]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2010, pp. 15–20.
6. Kuzina N. A. [The origin and formation of the national symbols of Catalonia within the framework of the Renaissance and their visual representation in the 19th century]. In: *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura* [Concept: philosophy, religion, culture], 2021, vol. 5, no. 4 (20), pp. 114–130. DOI: 10.24833/2541-8831-2021-4-20-114-130.
7. Lukina A. Ye. [Factors of the evolution of the French language (diasystem approach)]. In: *Yazyk i deystvitel'nost'. Nauchnyye chteniya na kafedre romanskikh yazykov im. V. G. Gaka* [Language and

- reality. Scientific readings at the Department of Romance Languages named after V. G. Gak]. Moscow, "Sputnik+" Publ., 2021, pp. 294–297.
8. McDavid R. I. [Dialect and social differences in urban society]. In: *Novoye v lingvistike. Vyp. VII. Sociolingvistika* [New in linguistics. Issue. VII. Sociolinguistics]. Moscow, Progress Publ., 1975, pp. 363–381.
 9. Tereshchuk A. A. [Lexical interferences from Spanish in the Catalan language of the early 20th century]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznaniye* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2017, vol. 17, no. 3, pp. 130–138. DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.3.13.
 10. Urzhumtseva A. O. [On lexical borrowings from the Catalan, Galician and Basque languages in Spanish political speech]. In: *Vestnik rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], 2009, no. 2, pp. 85–90.
 11. Bardera D. El món de Marià Vayreda: una anàlisi crítica. In: *Anuari Verdaguier*, 2014, núm. 22, pp. 9–24.
 12. Busquets i Grabulosa L. Marian Vayreda i la seva obra literària. In: *Annals del Patronat d'Estudis Històrics d'Olot i Comarca*, 2005, núm. 15, pp. 77–90.
 13. Canal J. Marian Vayreda, entre el carlisme i el catalanisme. In: *Revista de Girona*, 2004, núm. 225, pp. 41–46.
 14. Galwey E. El que he vist a Can Parés en els darrers quaranta anys. Memòries d'Enric Galwey. Barcelona, Publicació del Cinquantenari de la Sala Parés, 1934. 78 p.
 15. Illas E. Marià Vayreda: el carlismo reciclado y el inconsciente catalán. In: *Res Publica: revista de filosofia política*, 2004, núm. 13–14, pp. 87–96.
 16. Maymó O. El simbolisme de la muntanya en el llenguatge de *Records de la darrera carlinada*, de Marian Vayreda. In: *Anuari Verdaguier*, 2020, núm. 28, pp. 69–98.
 17. Pagès V. Records de la darrera carlinada, de Marià Vayreda. In: *Revista de Girona*, 2009, núm. 256, pp. 48–51.
 18. Polo Blanco J. Los glóbulos del *Volksggeist*. Romanticismo y racismo en la génesis ideológica del catalanismo. In: *Aportes*, 2022, vol. 37, núm. 109 (2), pp. 173–211.
 19. Selles N. Marian Vayreda: Idealització i conflicte davant d'una realitat canviant. In: *Revista de Girona*, 2003, núm. 220, pp. 30–35.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Терещук Андрей Андреевич – Philosophiæ Doctor, доцент кафедры романской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена;
e-mail: san_petersburgo@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrei A. Tereshchuk – PhD, Assoc. Prof., Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia;
e-mail: san_petersburgo@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Терещук А. А. Лексико-семантические особенности «Воспоминаний о последней карлистской войне» М. Вайреды // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 153–162.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-153-162

FOR CITATION

Tereshchuk A. A. Lexical and semantic characteristics of “Memoirs about the Last Carlist war” by M. Vayreda. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 3, pp. 153–162.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-153-162

This image shows a single sheet of white paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Государственным университетом просвещения выпускается одиннадцать научных журналов по разным отраслям науки. Все журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru, www.linguamgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЛИНГВИСТИКА
2023. № 3

Над номером работали:

Литературный редактор М. С. Тарасова
Переводчик А. Ю. Назарова
Корректор М. С. Тарасова
Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайты: www.linguamgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

Формат 70х108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 10,25, уч.-изд. л. 12.

Подписано в печать: 30.06.23. Выход в свет: 04.07.23. Заказ № 2023/06-04.

Отпечатано в ГУП

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2